

Ник
ПЕРУМОВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ

ХРОНИКИ ХЪРВАРДА

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Гибель богов (Книга Хагена)

«ЭКСМО»

1993

Перумов Н.

Гибель богов (Книга Хагена) / Н. Перумов — «Эксмо»,
1993 — (Миры Упорядоченного)

Так уж повелось, что загадочный континент, называемый Хьервардом, стал пристанищем для людей, эльфов, гномов, троллей и других рас, ведущих мирную размеренную жизнь. Но вот на его зеленых холмах появляются Волшебник и его Ученик, бросившие вызов древним богам Хьерварда и разбудившие дремавшего много веков Властелина Мрака.

© Перумов Н., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Часть первая	6
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	31
Глава V	40
Глава VI	49
Глава VII	56
Глава VIII	69
Глава IX	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ник Перумов
Гибель богов (Книга Хагена)

Моей жене

Часть первая

Глава I

Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан.

Лошади брели по самой кромке приборя. Волны лениво лизали край отлогой каменистой осыпи; за ней круто уходили в поднебесье серые тела скал. Камень иссекли трещины, где уже успели укорениться карликовые сосны. Острые каменные клыки, излюбленное оружие Океана, тут и там торчали над водой, то покрываемые волнами, то вновь обнажавшиеся. Пахло гнилыми водорослями, в воздухе парили чайки.

Шестеро всадников в плотных серых плащах из грубой шерсти ехали парами вдоль берега. Четверо – с длинными мечами на левом боку, у пятого клинок был закреплен за спиной и рукоять торчала над правым плечом; шестой довольствовался здоровенной сучковатой дубиной. Головы путников покрывали одинаковые валяные шапки, подобные тем, что носят кузнецы, чтобы не подпалить волосы. По лицам никто бы не смог определить их звания и занятия; все, как один, были загорелыми мужами в расцвете сил; привычкой к оружию они напоминали королевских гвардейцев Видрира, покроем одежды и обращением между собой – свободных общинников с окраин Железного леса, конскими седлами и сбруей – табунщиков Рогхейма.

– Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан, – вполголоса произнёс один из всадников, обращаясь к спутнику с притороченным за плечами мечом. Воин с клинком на спине только что присоединился к остальным; он коротко кивнул, давая заговорившему знак продолжать.

– Карлы Рёдульсфьёлля вновь жгут леса Ялини. Дым застлал северное небо, и птицы, обезумев, разбиваются о скалы во тьме. Гарь достигла жилища Гарма. Он пробудился.

Недобрые слова отзвучали. Тот, кого говоривший назвал таном, выслушал известие молча, только голова его едва заметно склонилась.

– Что слышно ещё? – отрывисто бросил он.

– Нестроение в Химинвагаре, – сказал другой всадник. – Владетель Хьёрлейв пошёл войной на Видрира.

– На Видрира? – Предводитель поднял бровь. – Вот уж не ждал такого от Хьёрлейва! Он, оказывается, отчаянный смельчак!

– Был слух, – понижая голос, продолжал человек, – неверный и смутный, его разносили Ночные Всадницы... Слух, что к Хьёрлейву прибыл тайный посол с острова Брандей!

– Остров Чёрных Магов – страх всей земли, – пробормотал тан. – Что они там унюхали, пожиратели падали, хотел бы я знать? Но продолжай! Была ли уже битва?

– Когда мы выезжали из Эрвасунда, Видрир лишь начинал собирать полки. Хьёрлейв перешёл реку Хатор на северной границе Хранимого Королевства.

– Ясно, – уронил тан и замолчал, нахмураясь. Его спутники терпеливо ждали, пока он размышлял.

– Лодин! Канут! Исунг! Вон за той скалой вы повернёте по тропе к бору Валле и дальше, трактом, – к мысу Ставнес. Туда гномы должны доставить оружие. Примите по счету – им уже заплачено вперёд. «Драконы» подойдут к мысу через три дня, считая от этого. Грузите оружие и уходите на Хединсей. Фроди и Гудмунд! Вы проводите меня до Живых скал. Оттуда повернете к Рёдульсфьёллю. Ищите Хранителей Покрывала Ялини! Предупредите их о проснувшемся Гарме. Когда исполните это – идите на запад к заливу Унавагар. Там селение. Не жалея золота, купите ладью и выходите в море. Вам нужно достичь Хединсея, пока буря не разразилась. Ждите меня на острове до следующей луны. Если я не вернусь – забирайте Ильвинг... и – ищите себе и дружине новой земли. Слушайте моего Учителя... Помните, все вы поклялись Восемью Железными Гвоздями Врат Нифльхеля, что будете служить моему сыну!

– Мы помним, о тан, – глухо сказал один из всадников по имени Фроди, державший поперек седла могучую палицу. – Мы сдержим клятву или пойдём в Хель, презираемые всеми.

Но, мой тан, мы никогда не задаем вопросов, однако сейчас дерзну спросить: зачем ты ищешь верной смерти у Живых скал? Оттуда не возвращаются.

– Выполний приказ, Фроди, и вы все тоже! – жестко ответил тан, обрывая разговор. Он тронул поводья; заметно помрачневшие всадники двинулись следом.

На востоке едва-едва начинали появляться лишь самые первые признаки рассвета, повсюду – в оврагах, ложбинах и распадках – ещё лежала ночь. Невысокая стройная фигурка бесшумно пробиралась между деревьями, спускаясь к чуть журчащему ручью. У самой воды она остановилась, нагнулась над руслом, опустив в поток две узкие ладони. Ноги в мягких кожаных полусапожках бесшумно ступали по прелой хвое. Губы безостановочно, едва слышно произносили слова, слова складывались во фразы, и с каждой новой строфой мерно падающих двестишестидесяти на дно глубокого, заросшего молодым лесом оврага словно вновь возвращалась Тьма. Очертания корней, стволов, сучьев дрожали и расплывались, будто подернувшись туманом; ручей журчал всё глуше и глуше, точно погружаясь в сон; узкие ладони медленно двигались над глиняной чашей, полной до краёв только что зачерпнутой воды.

Герои давнишних дней, сражавшиеся против ратей молодых богов в битве на Боргильдовом поле, знали, как поступить, увидь они девушку в овраге; Маги острова Брандей оказали бы ей покровительство.

Человек в сером, со скрытым мягкой маской лицом молча и неподвижно следил за происходящим. Его рука держала четырёхлучевую стальную звёздочку с острыми, как у меча, краями. Он не шептал заклятий, веря более своему оружию, чем Силам Дальним и Древним. Он не умел понять многого из того, что видел глазами, слышал ушами и постигал разумом, – и потому не боялся. Ему было интересно. Он медлил.

Вода в чаше подёрнулась ледком, раздалось змеиное шипение. Корни зашевелились, извиваясь, точно пытались вырваться прочь из земли; девушка мелкими-мелкими шажками двинулась вокруг сосуда. Руки раскинулись в стороны, слетела грубая, бесформенная шапка, рассыпались густые, коротко и неровно подрезанные тёмно-русые волосы. Каждое двестишестидесяти падало, как удар молота. Лёд начал багроветь, словно по нему потекла человеческая кровь.

Человеку в сером пришлось сжать волю в кулак, чтобы не поддаться внезапно нахлынувшему страху. Ему казалось, что в глаза попала вода: окружающее вдруг расплылось и стало нерезким. Всё шло, как и описывал Настоятель. А он говорил, что ждать конца обряда нельзя ни в коем случае.

С коротким и резким выдохом-вскриком девушка ударила кулаком правой руки в чашу. Лед треснул, вверх взметнулись багровые брызги. Тонкое тело изогнулось дугой от боли, голова запрокинулась, казалось, она теперь ничего не видит и не слышит.

Воин в сером коротко взмахнул рукой – и смертельная звёздочка полетела прямо в открывшееся белое горло.

Но ещё быстрее оказались нежные узкие ладони; зачерпнув из чаши огненную влагу, они плеснули её навстречу летящему убийственному оружию. Металл вспыхнул, точно тонкая бумага, мгновенно рассыпавшись незримым пеплом.

Раздался жуткий хохот. Никакой человек, даже самый грубый или злобный, не смог бы так рассмеяться. Воин в сером окаменел, даже не взявшись за эфес короткого кривого меча у пояса. Из чаши прыгнул поток жидкого пламени, тут же охвативший человека с головы до пят. Он упал безмолвно – и огонь, повинувшись властному жесту тонкой белой кисти, тотчас исчез, скрывшись обратно в чашу.

Смеявшаяся наклонилась над поверженным. Руки с неженской силой вертели тяжёлое тело, однако на нём не нашлось ни знаков, ни гербов, ни амулетов. Кривой меч, окинув кратким взглядом, отбросили в сторону – ничем не примечательный клинок, людское изделие. Однако, после того как не ответивший ни на что труп швырнули в сердцах оземь, меч вновь подобрали.

Едва касаясь стали, нежные пальцы легко пробежали по клинку раз, другой, третий... Дрогнули губы; повинуясь Словам Силы, в чаше вскипел и забурлил жидкий огонь. Клинок погрузили в пламя, однако он не растаял и не расплавился, как любое иное человеческое оружие; его внезапно залила густая чернота – так на допросе молчит сильный духом, надменно отворачиваясь от палачей.

Но и этого оказалось достаточно. Глаза полыхнули несдерживаемой ненавистью; ногти впились в ладони. Теперь она знала. Голова вновь запрокинулась, на шее набухла синяя жила, из горла вырвался полный смертной угрозы вой – так волчица клянется отомстить за своих щенков. Движение руки – и чаша затянулась плотной коркой, похожей на запекающуюся человеческую кровь. Сосуд с огнём скрылся в заплочном мешке, и кусты с лёгким шорохом сомкнулись за ушедшей. Ночная Всадница взяла след. Он приведёт прямо к оплоту врагов её госпожи и наставницы.

Фроди и Гудмунд горячили коней, спеша на северо-восток, где за невысокой цепью старых, полустёртых водой и ветром гор лежали области Рёдульсфьёлля, цветущего сада Ялини, Властительницы Зелёного Мира. Когда-то унылая и бесплодная земля превратилась в символ могущества богини, покрывшись за десятилетия её упорного труда прекрасными, невиданными, растущими только здесь деревьями, кустами и травами. Обо всём этом и о борьбе Ялини с упрямыми карликами, твердолобо и угрюмо отстаивавшими своё право жить на исконно принадлежащих им землях по законам и обычаям предков, подробно рассказано в «Оживлении Рёдульсфьёлля».

За много миль до границы заповедных краев воины уже видели заткавшие всё небо облака дыма. Низкие, подпитываемые тысячами и тысячами поднимавшихся ввысь серо-чёрных столбов, облака эти нависали недоброй завесой, стремящейся навсегда скрыть солнце от мира. Ветер рвал в клочья их края, однако снизу подпирали новые клубы, и бреши тотчас заполнялись. Фроди и Гудмунд переглянулись и прищипорили лошадей.

Им оставалось миновать последнюю лесистую долину – ворота в Рёдульсфьёлль, и они решили не останавливаться на ночлег. В этих диких краях, среди редких людских поселений, бродили существа древние, могучие и недолюбливавшие пришлых, а потому рисковать не стоило. В случае чего – днём добрые кони вынесут.

Дорога делала крутой поворот. Всадники послали лошадей по её внешнему краю, чтобы невзначай не столкнуться с кем не надо нос к носу. Миновали ольшаник – и глазам их открылась странная компания, усевшаяся прямо на поваленное поперёк дороги дерево.

Болтая ногами, обутыми в сапоги красной кожи, оживлённо переговаривались между собой пятеро низеньких древесных гномов; на коленях у каждого лежал лук. Что-то бормоча себе под нос и вращая круглыми жёлтыми, как у совы, глазами, мохнатой грудой возвышался болотный тролль; устало уронив на колени длинные натруженные руки с плоскими мозолистыми ладонями, молча сидел кобольд; и у самого края замер, напряжённый и прямой, эльф в дивных лазоревых доспехах, державший наперевес узкий и длинный клинок, играющий всеми цветами радуги. За его спиной виднелся альв¹; его одежду покрывали десятки, даже сотни искусно нашитых стальных оперённых игл, рядом лежал заряженный одной из них самострел.

¹ Альвов и эльфов часто считали одним и тем же народом. Глубокое заблуждение! Альвы – творение рук великих эльфийских искусников прошлого; они изначально созданы благими и добрыми; однако затем многие из них стали тяготиться зависимостью от Родивших, как они именовали своих создателей; часть их покинула эльфийские области и стала жить среди людей, никогда, правда, не смешиваясь с ними. Освободившиеся альвы создали собственное царство Альвланд, занялись разными видами магии, опробовав её на своих соседях. Таких альвов люди действительно недолюбливают, случается, дело доходит и до стычек.

С подобным обществом ещё ни разу не сталкивался ни один из воинов тана Хагена; должно было случиться нечто невероятное, чтобы все эти существа собрались вместе. Фроди и Гудмунд натянули поводья.

– Позвольте пройти нам, почтенные! – произнёс Фроди на принятом в общении между людьми и нелюдьми языке, смешанном из словечек самых разных рас. Разумеется, он не питал никакого почтения к болотному кровопийце-троллю, да и к вредным древесным гномам тоже, не в пример их дальним горным сородичам, великим искусникам и мастерам.

– Вам туда прохода нету, – проворчал в ответ кобольд. – Свара там идет нешуточная. Магию в дело пустили. Мы тут для того и сидим – путников оберегать.

Ясно, что главенствовал здесь не кобольд; и Фроди, спешившись, с поклоном обратился к эльфу. Разумеется, он не знал и не мог знать тайных эльфийских наречий, да и самого Перворождённого видел лишь третий раз в жизни – они крайне редко появлялись в людских областях, а где жили сами – то знало лишь малое число Мудрых.

– Мы явились сюда не праздно, – говорил Фроди. – Нам нужно отыскать Хранителей Покрывала Ялини. (Вся компания встрепенулась и тотчас насторожилась.) У нас важные вести для них. Разреши же нам проехать!

Эльф поднял большие, затуманенные тяжёлой думой глаза. Коротко взглянул на воина – как ножом пронзил – и снова отвёл взгляд.

– Ты служишь тану Хагену, – не то спросил, не то оповестил остальных своих спутников эльф. – Хорошо... можете продолжать путь. Но в Рёдульсфьёлле война... рассчитывайте только на себя.

Он вдруг замолк на середине фразы: в лесу заволокло взволновались сороки, а спустя секунду из кустов упругим комком выкатился ещё один гном.

– Идёт! Идёт! Идёт! Прямо сюда! Идёт! – завизжал он, едва переводя дыхание.

– Думаю, вам лучше сейчас же уехать. – Глаза эльфа холодно блеснули. Его разношерстный отряд уже успел рассыпаться и затаиться. Альв – судя по всему, из Преданных – медлил, держа наготове самострел и ожидающе смотря на эльфа.

– Если вы в опасности, долг наш – сражаться рядом с вами, – твёрдо ответил Гудмунд, обнажая меч.

– Глупец! – потеряв терпение, возвысил голос эльф. – Мы караулим вставшую на след Ночную Всадницу! Вы здесь – помеха, а не помощь! Уходите, и да хранит вас Ямерт!

Мелодичному, исполненному могучей силы голосу, повелительному взгляду синих, как море, глаз невозможно было не повиноваться. Что-то магическое содержали в себе слова Перворождённого; Фроди покорно кивнул и повел коня в обход поваленной лесины, хотя в жизни своей он не склонялся ни перед кем, кроме тана Хагена, которого сам добровольно признал сильнейшим.

Однако уехать они не успели. Словно соткавшись из воздушных слоев, на дороге беззвучно возникла окутанная зелёным плащом стройная фигурка; капюшон был откинут, и воины Хагена окаменели: какая же это Ночная Всадница – милая, кроткого вида, раздумывавшаяся девушка, совсем молоденькая, с короткими тёмно-русыми прядями. Только вот откуда этот странный кривой меч у пояса?

Сверху бесшумно упала плотная сеть двойной вязки, однако, прежде чем она накрыла ту, кого эльф назвал Ночной Всадницей или, попросту говоря, ведьмой, та успела поднять над головой Чашу, тотчас исторгшую из себя поток огня. Верёвки вспыхнули, в один миг обратясь в пепел.

И тут же чистый и мощный голос эльфа произнёс заклинание. Фроди услышал в нем гул сокрушающих преграды горных потоков, рокот катящихся вниз лавин, рёв беснующихся штормовых валов; заклинание рухнуло на Ночную Всадницу, как при землетрясении падает крыша дома на ничего не подозревающих обитателей.

Ни Фроди, ни Гудмунд не знали, почему Ночная Всадница так легко приняла этот неравный бой – ведь теперь, после Окружающего Заклятья, она уже не могла из него выйти, – вместо того чтобы спокойно обойти преграду лесом и продолжить путь, как поступили бы они, бывалые воины.

Капли жидкого огня, бестрепетно зачерпнутого узкой ладонью, полетели во все стороны, и там, где они падали, тотчас же взвивались рыжие языки пламени. Только теперь Фроди сообразил, что сейчас они видят нечто совершенно немыслимое – все Ночные Всадницы боялись Жгущего, изначально чистого божественного начала, а эта... Как, во имя милосердного Ямбрена, она овладела Огнём?

Гудмунду показалось, что те мгновения он думал именно так; на самом же деле изумление пришло много позже. Они с Фроди едва успели броситься ничком на землю, как вокруг них всё запылало – счастье ещё, что капли струящегося пламени не попали на одежду или доспехи.

Из-за дыма воины Хагена не увидели, что произошло дальше. Слышался многоголосый рев, вой и визг, хлопали тетивы; затем всё неожиданно стихло.

Ошарашенный Фроди поднял голову. Как под сильным ливнем, огонь быстро угасал, словно повинувшись беззвучной команде; синеющие уголья злобно шипели. Весь отряд охотников тоже оказался здесь. Обугленной грудой лежал мёртвый тролль – морда вниз, лапы раскинуты: подле него – гномы, обгоревшие, похожие на уродливые головешки. Кобольд сполз в канаву, словно прячась, и там испустил дух. А прямо перед ещё дымящимся стволом дерева, которое перегораживало дорогу, лежали рядом эльф и альв – на вид целые и невредимые, словно спящие; однако и они были мертвы – или умирали; рука альва ещё сжимала разряженный самострел.

Фроди склонился над эльфом. На теле Перворождённого он не увидел ни единой раны – и всё же тот погибал. В растерянности, не зная, чем и как помочь, люди застыли над ним.

Эльф медленно поднял веки. Глаза по-прежнему смотрели пронзительно и строго, но с каждым мигмом жизнь уходила из них; неосознанно Гудмунд приблизил ухо к едва заметно шевелившимся губам.

– Кто-нибудь... доберитесь до долины Бруневагар. Там – собрание. Предупредите... настоящего...

Эльф едва слышно вздохнул и отошёл.

Ночная Всадница исчезла.

Смертный грех для истинного воина оставить без погребения тело храбро сражавшегося – Фроди и Гудмунд задержались. Неузнаваемые, дочерна обгоревшие тела гномов забрала их плачущая родня – несколько десятков лесных обитателей; они же помогли дотащить тролля к его упокою – глубокой болотной яме среди гиблой трясины, где он обитал; кобольда приняли в себя скалы – крошечная пещерка, наглухо замурованная после этого. Эльфа же и альва воины Хагена положили на поспешно сколоченный плот и пустили его по тихой лесной речке. Таков был закон: где бы ни настигла Перворождённого гибель – упокой его в ладье или просто на плоту и доверь этот скорбный груз даже самому крошечному ручью – вода пронесёт эту ношу через все извивы и коряги, доставит к морским побережьям, откуда, говорят, эльфы уходят невидимками на Закат, вслед за своими телами, чтобы там, в дивных неизвестных землях, родиться вновь.

– Где это – Бруневагар? – мрачно спросил у спутника Фроди.

– Семь или восемь дней пути отсюда на восток, – откликнулся Гудмунд. – Я слышал о тех местах. «Собрание» – это скорее всего монастырь, который там стоит ещё со времен Второго Вторжения Ракота.

– А, вспомнил! – хлопнул себя по лбу Фроди. – Но это... странный край.

– Странный, и чужаков там не любят; и всё же их надо предупредить. Не люблю я этих Всадниц, что бы тан ни говорил.

– Да, он не велит их убивать – только защищаться, – кивнул Фроди. – Но у нас приказ. Забыл про Хранителей?

– Не забыл! Но сдаётся мне – эта пламенная чаша ещё натворит бед... Вот что, друг, – разделимся! Я еду в монастырь. Не возражай! Перед таном я отвечу сам.

Фроди только крикнул: он знал, что отговаривать своего спутника бесполезно. Гудмунд повернул коня к Восходу.

Глава II

Я стоял, опершись на узорные серебряные перила, и молча смотрел вниз, где виднелись смутные очертания Мира, подёрнутые облачной дымкой. В этот миг там, подо мной, в пределах Смертных земель, вдали от ажурных парапетов Замка Всех Древних, что на самой вершине Столпа Титанов, в жалкой лачуге нищего родился мой Ученик.

За спиной чуть слышно даже для моего уха перезванивались тонкие хрустальные колокольчики – Жребий брошен, человеческая судьба выпадала из предначертанного прочим Смертным кругом. Мой Ученик! Я ждал долгие десять веков – пока остальные делили власть. Но Закон Жребия неумолим – Маг не может не иметь Учеников, орудий для познания им Мира и для своего влияния на Мир. Совет Поколения может лишь отлучить его – на время. Я получил наивысший срок. Думаю, Макран и Эстери охотно покончили бы со мной – не будь убийство Мага Магом невозможным по Заветам Древних, обходить которые пока не научился ни один из волшебников моего Поколения... Всё, что смогли сделать эти двое, – побудить Совет осудить и отлучить меня. Однако срок изгнания истёк, и я вернулся, став куда сильнее, чем они ожидали. Пройдя змеиными тропами и мышинными норами, воздушными путями стрекоз и незримыми трактами духов, побывав на Восходе и на Закате, говоря с альвами и карликами, гномами и эльфами, людьми и гоблинами, троллями и гарридами, хедами и кобольдами, вступив даже в запретные области Призраков, я вернулся обратно – со Знаниями. В источающих смертельную заразу болотах Юга бескостные серые существа открывали мне тайны своего происхождения; дальние потомки Лунного Зверя, лунные волки, долгими ночами в усеянных костями ущельях Бьёрсвердена выдавали мне секреты своих преобразений; чёрные, схожие с исполинскими червями создания в бездонных провалах Морайи, шипя, повествовали о путях в Хель, о Законах Чёрного Тракта. Я беседовал с мертвецами, лишёнными покоя, с колдунами и шаманами Смертных, которым немало открыли в своих откровениях Древние. Мои собственные сородичи закрыли мне пути к Тайному – я поневоле отыскивал иные дороги. Я узнал многое. Я стал иным. Поняли ли это остальные?

В извивах неба родился ветер, пронёсся над башнями Замка, играя прихотливыми флюгерками. Затихая, всё ещё переговаривались колокольцы. Плыли внизу облака...

Кто-то бесшумно появился у меня за спиной, и я тотчас напрягся, не торопясь оборачиваться. Проклятье, она, опять она! Что ей нужно на этот раз? Новая игра?..

– Поздравляю, Хедин, – услышал я ее голос, мягкий, обволакивающий и в то же время настолько открытый, что, казалось, им невозможно было лгать. Она радовалась за меня? Приложив столько усилий к тому, чтобы похоронить без остатка все мои прежние начинания?

– Если бы это сделал кто-то иной, не я, ты забыл бы обо всём в жажде отомстить, – негромко заметила она, не скрывая, что прочла мои мысли – забывшись, я думал не таясь, как человек. – Я надеялась, что *мне* ты мстить не станешь... или, по крайней мере, начнёшь не сразу, а, остыв, поймёшь, что никому из Совета – и мне в том числе – твоё безрассудство не оставило иного выхода.

– Сигрлинн! – Признаюсь, я с трудом выговорил её имя. Однако теперь она уже ничего не могла прочесть у меня в сознании. – Давай не будем о прошлом. Что сделано, то сделано, и никто не сможет изменить минувшее. Я не раскаялся, не забывай.

– Неужто ты думаешь, что я стала бы говорить с тобой, отрекись ты от самого себя? Ты таков, какой есть.

Волшебница Сигрлинн. Одна из самых могущественных среди нашего Поколения. Глубоко проникшая в тайны Высшей Магии; одна из четырнадцати, что составляют Совет Поколения... и – в прошлом мой главный противник, которая повергла во прах твердыню моих Уче-

ников, взорвала так долго создававшуюся мной Ночную Империю; а на руинах моего детища она воздвигла своё любимое Хранимое Королевство.

А когда-то, на самой заре нашего Поколения, Сигрлинн была моей возлюбленной.

– Так что же дальше? – не выдержал я. – О чём пойдёт у нас речь? Вспомним, как возводили Голубой Город и не знали, что такое раздор? Или, быть может, побеседуем о чем-нибудь не столько отдаленном? У меня есть что порассказать! Например, как выжить среди вечных льдов Хверьелунда, волею справедливого Совета оставшись без власти над Огнём! Послушай – глядишь, пригодится...

Она остановила меня жестом, но не гневным, не презрительным, а показавшимся мне исполненным сожаления.

– Зачем ты говоришь так, Хедин? – Она укоризненно склонила набок голову. – Скажи лучше, что будет с этим твоим Учеником? Ты ведь наверняка измыслил для него нечто необычайное!

По Закону Древних ни один Маг не смеет вмешиваться в дела между другим Магом и его Учениками; даже Совет не имел на это права.

Я не мог понять, зачем ей нужен этот разговор.

– Не молчи, – вдруг попросила она. – Ты закрылся, я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, но все твои ссылки на Кодекс Золотого Круга я могу привести и сама. Давай оставим все эти законы и уложения! Мне просто интересно; и ты ведь знаешь: я никогда не предавала тебя и не была в спину. Я послала тебе вызов по всем канонам Древних – за двадцать один день до войны. И до этого...

– До этого! Какое это теперь имеет значение! – Наверное, я не сдержал горечи и тотчас заметил в глазах Сигрлинн нечто вроде удовлетворения. Похоже, она забавлялась отыскиванием прорех в броне моего спокойствия.

И тут мое терпение лопнуло. Я пошёл вперёд с открытым забралом, как в былые годы.

– У меня будет Ученик, – медленно сказал я, глядя ей прямо в глаза. – Ученик, который оставит далеко позади всех прочих. Я дам ему то, чего не давал ещё никому; он станет великим воином, знатоком боевых и магических искусств; я научу его чувствовать жажду познания и утолять её; и он воздвигнет Царство, невиданное в истории Смертных!

Моя горячая тирада была прервана гримасой разочарования на лице Сигрлинн. Я осёкся, как осекался и раньше, едва замечая малейшие признаки её неудовольствия. Она покачала головой, отводя взгляд.

– И это всё? – разочарованно протянула она. – Я не услышала ничего нового; я ждала большего, Хедин! Неужели у тебя в голове одна только война?

Я прекрасно знал, что Сигрлинн имеет в виду.

– А что ещё, кроме войны, может служить достойным занятием мужчины? – поддразнил я её, изо всех сил стараясь, чтобы каждое слово казалось прорвавшейся наконец на поверхность, давно вынашиваемой тайной мыслью. – Война есть вершина человеческого духа и судьбы! И я уж постараюсь, чтобы на сей раз ничто не помешало бы моему Ученику подняться к вершинам славы! А какая мне от этого будет польза – это, прости, пока секрет. Хоть ты и послала мне вызов, но, сама понимаешь...

– В чем твоя сила, – неожиданно спокойно произнесла она, – никогда не поймёшь, говоришь ли ты серьезно или шутишь. Но неужели прошлое тебя ничему не научило? Ты создавал бойцов, могучих и сильных, они одерживали победы – но затем всё кончалось ужасными разгромами и реками крови твоих последователей!

Здесь она ошиблась – взяла неверный тон. Я терпеть не могу слушать поучения.

– Предоставь решать это мне, – огрызнулся я. – Почему все женщины вообще – и волшебницы в частности – так любят совать свой нос в чужие дела? Я не я буду, если не подскажу моему Ученику держаться подальше от вашей сестры!

– Уж не потому ли ты собираешься сделать отданного тебе аскетом, что сам не больно-то снискал успеха у нашей, как ты выразился, сестры?

Удар ниже пояса.

– Я не вмешиваюсь в то, как и чему ты учишь своих воспитанников, – закипая, ответил я. На скулах против воли вспухли и затвердели желваки. – Так что и ты оставь меня в покое!

– Я-то оставляю, Хедин, – отчего-то грустно ответила она. – Другие вот не оставят...

– С другими я сам разберусь! – отрезал я.

– И уйдёшь в изгнание, как в прошлый раз? Смотри, Мерлин может пойти и на большее...

...Разве когда-нибудь она допускала, чтобы последнее слово в споре оставалось не за ней?..

Сигрлинн исчезла – то ли растворилась в воздухе, как она любила делать, отправляясь на землю, то ли избрала иной, неведомый мне путь; я так и не понял, куда она делась, во всяком случае, на Совете ее уже не было.

Я постепенно успокаивался. Сигрлинн – кто она теперь? Бывший враг, который даёт понять, что не против прекратить вражду? Старый друг, пытающийся не дать мне совершить роковую ошибку?.. Однако тут грянул Большой Замковый Колокол, и все посторонние мысли мигом вылетели у меня из головы.

Ожил колокол, отлитый в века столь давние, что даже Древним события тех времён казались одной лишь сказкой. Сколько же лет я не слышал этих гордых и властных созвучий, плывущих в беспредельности Срединного Неба! Я совсем забыл об их действии на таких, как я: голову сжали тиски тупой, давящей боли – Совет ещё не до конца снял с меня вердикт виновности. Если бы я приблизился к Замку в дни изгнания, до истечения его срока, звуки Колокола просто свели бы меня с ума.

Кровавая муть, застлавшая мне глаза, отступала медленно, точно нехотя. Меня согнуло в три погибели, лицо заливал пот. Без телесной оболочки Магу не обойтись: но, Великий Дух, сколько же от неё порой неудобств!.. Впрочем, равно как и удовольствий.

– Хедин, Познавший Тьму! – раздался идущий отовсюду и ниоткуда холодный голос, впервые за тысячу лет поименовавший меня вместе с титулом. Великий Мерлин, Глава Совета Поколения. Точно так же, без всякого чувства, он произносил слова приговора в злые дни моего разгрома. С силой Мерлина я при всём желании не мог здесь бороться. Пока не мог.

Каменные плиты разошлись. Я увидел знакомый до мелочей, ни в чем не изменившийся Зал Совета: огромный стол чёрного дерева в середине; тканые золотом и серебром гобелены с гербами членов Совета на стенах; хрустальный Шар Жребия на мраморном постаменте в глубине; и тринадцать пар глаз, в упор смотревших на меня. Лишь тринадцать, потому что четырнадцатой, Сигрлинн, не было на Совете.

Я сжал зубы. Противостояние началось – а ведь я ещё не перешагнул порога.

Ни один из них не верил мне. Они не могли изменить скрепленного Печатью Вечности решения – только поэтому я стоял здесь, а не висел, прикованный, в одной из Нижних Земель... Второй раз они не остановятся и перед этим, понял я. Пошлют Астрального Вестника к самому чертогу Предвечных Владык за разрешением – так они уже расправились с Ракотом.

Но пусть не я первым нарушу этот мир, хотя бы и худой! Повинуясь строгому этикету, я поклонился, коснувшись правой рукой сердца. Под ногами вспыхнула серебристая дорожка – от порога к самому Шару Жребия.

Я сделал несколько первых шагов. Отчего-то они оказались очень трудны, голова кружилась, в виски толчками билась кровь. Я всеми силами заставлял себя держаться прямо, и уже где-то глубоко внутри начинала закипать шалая, неистовая радость, постепенно пробиваясь в верхние слои сознания, – я словно выходил из затхлого болота миражей на твёрдые

камни реального мира. Ученик! Для меня это слово гудело мириадами органных труб, полыхало всеми пламенами Вселенной и Светом Обетованного. Я вновь вернулся к жизни, я жил!

Тринадцать пар очень спокойных, бесстрастных глаз ловили каждое моё движение; я ощущал сильное давление чужих мысленных взглядов. Пришлось закрыться – хоть я и знал, что это лишь усилит подозрения. Вдобавок если за дело возьмется сам Мерлин... Конечно, я мог здесь оборониться и от него, но в этом случае секрет моей новой защиты стал бы известен и ему; нельзя недооценивать силы Великого Мага. И хотя я чувствовал его внимание, чувствовал его острый, проникавший всё глубже и глубже в меня взор, я ограничился обычной нашей магической обороной, что против Мерлина – как замок на двери давно заброшенного дома от настоящих воров.

– Познавший Тьму, срок определённого тебе наказания истёк, – не вставая, говорил Мерлин, глядя мне прямо в глаза, так что едва хватало сил не отводить взгляда. – Более лишать тебя права учить мы не можем. Я не слишком надеюсь на твоё исправление и говорю об этом открыто, во всеуслышание. Должен предупредить тебя: если ты вновь вернёшься к старому, то против тебя выступит уже не только одна Сигрлинн. Я пойду сам и не пожалею сил для посылки Астрального Вестника за разрешением на должную кару – если ты вновь взбунтуешься. Не советовал бы тебе следовать путем Ракота. А сейчас, – даже теперь Мерлин, в нарушение всех обычаев и традиций, не поднялся, чтобы вместе со мной достать Зерно Судьбы из Шара Жребия, а, напротив, демонстративно поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее, – иди и возьми принадлежащее тебе по Закону Древних! Клянусь Лунным Зверем, если бы не этот Закон – ты не стоял бы здесь.

Мерлин никогда не унижался до обманов, засад и внезапных нападений из-за угла. Я не удивлялся его злым словам, хотя они тоже звучали сейчас дико: наказания, и достаточно суровые, бывали у нас и раньше; но по истечении их срока все – и Мерлин в числе первых – старались обращаться с оступившимся как можно сердечнее и теплее, ни словом, ни взглядом не напоминая о прошлом. Мне, как я уже сказал, удивиться не приходилось. Мерлин не зря носил титул Великого. Он знал то, до чего ещё долго не сможет додуматься ни один из сидящих сейчас за Столом Совета, – что я не успокоюсь, пока не займу – как самое меньшее – его собственное место или пока не окажусь извергнут из пределов этого Мира.

Мне нужно осуществить слишком многое; задумано небывалое, и для этого мне – как первая ступенька – нелишне было бы место Главы Совета. И если бы Мерлин не произнёс только что прозвучавших слов – мне было бы нелегко поднять на него оружие. Теперь наоборот. Война объявлена. Тринадцать, составляющих Совет, оповестили меня, что не допустят ни одного моего шага в сторону от общепринятого для Мага. Ну и отлично! Попробуйте остановить меня на сей раз!

Я храбрился, зная сам, что до поры до времени на все мои начинания хватит двух-трех членов Совета, правда, им придётся изрядно повозиться; но если Мерлин сам покинет свой Авалон, мне несдобровать. Странное дело – все эти мысли вспыхнули в сознании тотчас, как будто я долго и упорно размышлял об этом, а ведь, ступив на плиты Воздушной Пристани Замка Всех Древних, я был убежден, что с Советом враждовать не придется, разве что с Макраном и Эстери. Но лгать себе – последнее дело, и тогда я подумал так:

«Ты всегда понимал, что, несмотря на возвращение из изгнания, тебя уже никогда не простят. Понимал, но не признавался себе в этом. Что ж, лучше поздно, чем никогда».

И тотчас же мне пришлось погасить все мысли об этом – потому что бесцеремонно пробирающийся к моему сознанию Мерлин уже почти одолел последние барьеры моей защиты. Но я недаром так долго странствовал среди Смертных. Люди, словно в возмещение за краткость их земного пути, порой наделяются странными талантами, один из них – искусство внутреннего молчания и молниеносной смены мыслей. Я прибегаю к нему, сохраняя свой заветный сек-

рет новой защиты на черный день, и Великий Мерлин если что и прочитал в моем сознании – так лишь досаду на чересчур назойливое внимание.

Я остановился перед Шаром Жребия. Зерно Судьбы Ученика, назначенного мне Предвечными, багрово светилось. Оно уютно лежало в своём хрустальном гнезде, пульсируя в такт сердцу нерождённого, ещё не вышедшего из материнской утробы. Я взгляделся в Зерно: никогда ещё его цвет не был так схож с цветом крови. Это будет воин, великий воин, понял я. Хозяева Судьбы ничего не скрывали. Но, Всемогущие Древние, сколько же в нём от рождения жестокости! Это хорошо. Это значит, что он сразу воспримет мои уроки – поскольку они ответят его внутренней потребности. Трудно пожелать себе лучшего Ученика для задуманного мной Дела.

Колокольчики умолкли окончательно. Выбор сделан, осталось взять Зерно. Я медленно протянул к нему руку, сосредоточенно вспоминая, как всё это происходило в последний раз. Но тогда мне помогал Мерлин, как и положено, а сейчас Глава Совета лишь холодно и отстранённо наблюдал.

И тут меня осенило. Я понял: они хотят, чтобы я погубил своего Ученика прямо при его рождении! И всё пойдёт по Закону – Маг, не сумевший взять Зерно, на достаточно долгий срок лишался права взять следующее. Конечно, это время показалось бы весьма незначительным по сравнению с моим изгнанием – что такое сто лет рядом с тысячью?

Что ж, я принял вызов. Ничего иного мне не оставалось. Медленно, очень медленно я коснулся Зерна – и у женщины-нищенки в полуразвалившейся хижине начались родовые схватки.

Всеми силами сознания я потянулся туда – и тотчас увидел жалкий, сколоченный из обрезков горбыля колченогий стол и выщербленную, потрескавшуюся утварь, постель – груды невообразимо грязного тряпья – и женщину, стонущую на этом тряпье. Рядом с ней никого не было.

Я не имел времени досадовать на Жребий или проклинать Мерлина; когда рождаются Ученики Магов, людские роды неизменно тяжелы и многократно опаснее обычных, зачастую матери погибают – а вместе с ними нередко и дети.

Всеми своими силами я постарался пригасить зловещее сверкание Зерна, разгоравшегося внутренним огнём, и мне это удалось, хотя чувство было такое, словно я голыми руками хватался за докрасна накалённый металл. Женщине на время полегчало.

Но этим я выиграл только несколько минут; задача по-прежнему оставалась нерешенной, и никаких путей к её решению я тоже не видел. Оставалось только одно, запретное средство – запретное не только для меня, но и вообще для всех нас, даже для Мерлина. Оно пускалось в ход считанные разы, и обязательно нужна была помощь всего Совета, собравшегося в Замке Древних, чтобы от применения этого средства не встал бы на дыбы весь Мир.

Несмотря на все свои силы и знания, Маг не может прямо, непосредственно защитить кого-то от физической гибели отсюда, из Замка Древних; приходится прибегать к посредникам, появляющимся в нужном месте и в нужное время.

Я зажмурился. Очень чётко, как с высоты птичьего полёта, я видел хижину, окружающие её поля, покосы и огороды, заборы, сараи, другие дома, дороги – и, собирая в кулак всю волю, прожигая её в холодном огне Замкового Очага, я, подобно пылающему небесному болиду, низринул на Мир, огнистым клинком вспарывая слои Реальности, заставляя бурлить и хлопотать Реку Времени; и я властно сдвинул Пласты Бытия друг относительно друга, щедро черпая силы в запасённом Всеми Древними арсенале. Вокруг Замка забушевал огненный смерч, тугая волна ударила в кажущиеся несокрушимыми контрфорсы; я ежесекундно впитывал в себя новые и новые потоки небывалых видений, в поисках того, кто мог бы спасти моего Ученика.

И прежде чем выпущенные мной на волю призрачные Драконы Времени, живущие в его бескрайних волнах, впились в Мировую Твердь, я нашёл наконец того, кого искал. И, рассекая и разрубая мешающее, я устремился прямо к нему...

У купца слегка закружилась голова, а когда спустя миг всё прошло, мнительный торговец всё же решил опасаясь ради передохнуть. Караван свернул с тракта; почти тотчас и приказчики, и сам купец увидели бедную покосившуюся избушку, откуда доносились чьи-то тяжкие стоны; стонала явно женщина.

– Посмотрел бы, что там, – велел купец подручному. Тот не без брезгливости просунул голову в дверную щель.

– Баба рожает, ваше степенство, – крикнул он, оборачиваясь. – Мучается, видать!..

– Ансельм, помогите ей, – распорядился негоциант, в сущности, вовсе не злой и не чёрствый человек. Один из его спутников, в плаще и шапочке врача, поспешно поклонился и скрылся в хижине.

Стены Замка сотрясал невиданный шторм. Незримые валы сошедших с ума Сил перекатывались через него, грозя вот-вот слизнуть совсем, выдернуть гвоздь, крепящий всю совокупность наших пластов Реальности. Весь Совет во главе с Мерлином вскочил на ноги, образовав широкое кольцо. Если они сейчас не утихомирят вызванное мной миротрясение, Замок Всех Древних распадется в пыль. Предотвратить это трудно, но не невозможно.

А я, не давая себе и мига передышки, осторожно тянул Зерно Судьбы вверх из его нежного хрустального вместилища. Бушующая в Реальности и Межреальности буря сейчас мало занимала меня. Огонёк Зерна пульсировал между моими ладонями; осторожно, стараясь не качнуть и не дернуть, затаив дыхание, я тянул Зерно к себе. Мерлин что-то громко выкрикнул, стоя над пылающим Замковым Очагом; и даже будучи всецело поглощён добыванием Зерна, я не мог не поразиться той исполинской мощи, которую он вложил в это заклинание. Приведённые им в действие силы способны были справиться со средних размеров Темной Армией.

И одновременно со словами Мерлинова могущественного заклятья я наконец достал свою бесценную добычу. Зерно Судьбы лежало у меня на ладони.

А доктор Ансельм держал на руках сморщенный красный комочек, тотчас же разразившийся злым криком.

После заклятья Мерлина буря стала утихать, дрожь пола и стен мало-помалу ослабла. Я ощутил согласованные, мощные удары соединенных сил Магов Совета; сдвинутые, перемешанные мной Пласты Мироздания постепенно возвращались на прежние места. Зерно Судьбы я спрятал в ладанку на груди и тотчас ощутил идущее от неё тепло. Больше дел в Замке у меня не оставалось, как я думал тогда сторяча; я даже не зашёл в свои здешние покои, раскланиваться с кем-либо также не имело смысла. Ни на кого не глядя, я пошёл прочь. И до самого парашета я чувствовал спиной холодный взгляд Великого Мерлина.

Оставив немного денег и еды пришедшей в себя после тяжких родов женщине, добросердечный купец дал команду двигаться дальше. Доктор Ансельм, оседлав свою смирную лошадку, казался чем-то чрезвычайно взволнованным, едва ли не испуганным.

– Вы как будто не в себе, добрый мой Ансельм, – заметил купец, внезапно позабывший о своём желании где-либо передохнуть. – Что вас так удивило?

– Удивило, патрон? – оглянувшись и нагибаясь к уху купца, горячо зашептал доктор. – Скажите лучше – ужаснуло! Я принял немало родов – но я никогда не видел младенцев с глазами проживших долгую жизнь старцев!

– Ну уж прямо? – усомнился купец, отличавшийся большим здравомыслием.

– Я совершенно уверен, патрон, – закивал головой Ансельм. – Это были глаза недоброго старика, долго живущего и много повидавшего. А потом – мне показалось, что я схожу с ума, –

эти жуткие глаза внезапно уменьшились, изменились, обесмыслились, став как у обычного новорождённого. Бр-р! Светлый Ямерт, убереги нас от лживых видений Мрака! – Ансельм сделал оберегающий жест. Купец повторил его, но без особой набожности. Заметно было, что рассказ молодого доктора не произвёл на него особо сильного впечатления. Караван постепенно скрылся за поворотом.

Я проводил их взглядом, плотнее завертываясь в серый нищенский плащ. Что ж... место неплохое, чистое, рядом источник. Селение в полумиле, неподалёку лес, река. Теперь посмотрим, где можно будет устроиться. Пожалуй, вот здесь, за пригорком, чтобы не так тянуло от воды... Я развязал котомку и достал остро отточенный плотницкий топор. Через час у меня получился вполне сносный шатёр-балаган, на первое время, пока не обзаведусь жилищем попрстойнее. И вообще, с мыслью о дворцах, перинах и подушках придётся на время расстаться. Я кое-как разложил свои нехитрые пожитки и отправился в хижину через дорогу.

– Можно войти? – Я осторожно постучал посохом о косяк. Вопрос мой задавался исключительно из вежливости: рассохшаяся и потрескавшаяся дверь всё равно стояла приоткрытой.

– Кого там тьма несёт? – ответил мне хриплый и слабый голос, лишь отдалённо напоминающий женский.

– Слышал я, ты родила сегодня, зашёл узнать, не надо ли чего, – пояснил я, не ступая за порог. – Воды там или дров... Я твой новый сосед буду.

– Ну, дела, – зло усмехнулись в темноте лачуги. («И откуда у неё только силы берутся?» – удивился я.) – Всю жизнь только били да пинали, слова доброго никто не сказал, а сегодня один за одним жалеть начали. Ну, ладно, заходи, посмотрим, какой ты там, жалельщик.

Из темноты раздался резкий и злой крик ребенка.

Селение, возле которого стояли наши хижины, звалось Йоль; чтобы поселиться в нём, новоприбывшему требовалось уплатить пошлину; кто не мог – не имел права обосновываться ближе полумили от крайних домов. Со Свавой, матерью моего Ученика, мы поладили быстро. Насколько я понял, настоящей нищенкой она никогда не была, о прошлом говорила неохотно, а я не допытывался и не старался вызнать своими средствами – что мне в нём! Вскоре она уже не могла без меня обходиться: у неё – мальчишка исходил криком, даже поев, в моих же руках – замолкал мгновенно и мирно засыпал. Вдобавок я нашёл общий язык с олдерменом Йоля, став пользоваться за гроши людей и скотину. Потом предсказал погоду, посрамив деревенских знатоков, и к весне мы со Свавой уже могли бы жить в селении, но она отказывалась, не могла забыть оскорблений, а главное – такое положение входило в мои планы. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

Надо признать: Свава оказалась никуда не годной матерью. Она настолько привыкла к моей помощи, что несколько месяцев спустя уже не то что просила – требовала деньги на хмельное. Я давал, чтобы иметь возможность возиться с Хагеном, названным так в честь погибшего у меня на глазах другого моего Ученика – Хагена из Тронье, приближённого королей Вормса, о чьей страшной кончине уже сложено немало песен. Вскоре мальчишка оказался всецело на моём попечении.

Прошёл год, богатый и изобильный, за ним другой... Хаген рос, вскоре начал называть меня «дедом», донимать бесконечными «почему», а затем, в один поистине прекрасный для меня день, когда ему только-только стукнуло шесть, заявил, что хочет уметь драться.

Я смог мысленно утереть честный трудовой пот – и начал учить его.

Спустя полгода Хагена уже боялись все деревенские мальчишки до четырнадцати лет включительно.

Когда ему исполнилось восемь, он взял жизнь своего первого врага – матерого волка, оказавшись против него с одним-единственным детским ножом.

А ещё через три года деревню сожгли за недоимки.

Пьяный стражник походя рубанул мечом Сваву, вцепившуюся в мешок с мукой, но и сам тотчас свалился, потому что Хаген рысью прыгнул ему на плечи с потолочной балки, без тени сомнения ударив воина пониже уха острым ножом. Я же всё это время пролежал как бы без чувств, прикидываясь, что лишился сознания, сбитый с ног стражником, когда тот врывался в хижину. Я молча наблюдал за Хагеном.

И он не подвёл меня. Его руки трясли мои плечи, он звал меня изо всех сил, но растерянность его длилась лишь секунды. Он схватил нужное снадобье из моего мешка – и я «пришёл в себя».

– Ты живой? Тебя не сломали?

Он стоял передо мной со свежей кровью убитого им человека на руках и злыми слезами в глазах.

– Слегка сломали, Хаген. Но это ничего, я поправлюсь. А ты – молодец.

– Как бы мы им дали, если бы ты не упал!

– Ничего, Хаген. Ещё дадим, отплатим за всё и за твою мать тоже. Но для этого надо учиться.

– Я буду! Буду! А ты... ты научишь меня?

– Конечно, Хаген.

Глава III

Расставшись с Фроди и Гудмундом, Хаген поехал на юг. Если, пробираясь к Рёдульфьёллю, его воины ещё встречали людские поселения, то ему не попадалось не то что деревень, но и ни единого живого существа. Только изуродованные чахлые сосны лепились по каменистым склонам глубокого ущелья, которым шагал его конь. Вороной жеребец хоть и повиновался наезднику, но временами начинал испуганно храпеть и упираться, и тогда Хагену приходилось спешиваться, успокаивая скакуна. Несмотря на немилосердно палящее солнце, тан не расставался с доспехами. Уже не один час его настойчиво преследовал чей-то враждебный и нечеловеческий взгляд. Чувствуя его, Хаген тем не менее не оборачивался. Нелюдь нападает либо сразу, либо не нападает вообще. В окрестностях Живых скал не встречались ни гарриды, ни хеды. Лишь морматы, людоеды-одиночки, кошмарные порождения Ракота времен расцвета его могущества, полуспруты-полуптицы, временами забредали сюда – забыться чёрным сном в Пламенной Котловине. И обитало здесь ещё одно существо, которое и искал Хаген. Конечно, насчёт Гарма было бы лучше всего посоветоваться с Учителем, но тот отправился в одно из своих загадочных путешествий, и до его возвращения – а он никогда не опаздывал – оставалось ещё два месяца.

С Псом, вскормленным в Хеле мясом мертвецов, необходимо управиться немедленно! Иначе... Волшебник говорил, что тогда Боги могут сойти с небес до Срока, а это означает крушение всех, с таким трудом осуществляемых замыслов! И пока вести не достигли Престолов Владык, он, Хаген из Йоля, тан Хединсея, должен в одиночку одолеть чудовище. Но кто же, однако, так упорно пялится ему в спину? Знают же, что к Живым скалам люди так просто не ходят – царящий в этом месте страх погонит назад любого, кроме лишь того, кто, как и сам Хаген, умеет Управлять и Подчинять. А нагло таращиться в спину владеющего этими умениями вот уже столько времени – зачем? Что за странная слежка – если это слежка? Или нашёлся какой-то молодой и глупый любитель человечины?

Тан выразительно попробовал лишний раз, хорошо ли вынимается меч из ножен; знаменитая голубая сталь не могла не остеречь преследователя. Её знали все, даже самые глупые гарриды и безмозглые хеды. Не говоря уж о Ночных Всадниках.

Однако упрямо упертый в спину чужой взгляд не исчез; Хагену оставалось лишь пожать плечами. Ладно, хочет смотреть – пусть пока смотрит. Взять крадущегося сзади нелюдя – можно, но тяжело, да и зачем? Вряд ли кто-то дерзнёт связываться со Старым Хрофтом, к которому и лежал путь тана. О Хрофте знали все, но мало кто осмеливался появляться в его владениях. Болтали, что у него какие-то дела с Орлангуром и Демогоргоном; эту же пару всё живое – исключая, конечно, Мудрых – боялось пуще смерти и позора: считалось, что они властвуют и над тем, и над другим. Потому-то Хрофт и имел дело со многими, со всеми, с кем хотел, а вот иметь дело с ним не отваживался почти никто. Хаген сильно подозревал – да и Учитель намекал, – что силы Живых скал подчиняются именно Хрофту. Долгими усилиями тот сумел создать себе небольшой уголок, в пределах которого оказался почти всевластен.

Ущелье превратилось в узкий каменный жёлоб, сырой и холодный. Под конскими копытами внезапно что-то заурчало, с кручи свалилось несколько камней. Последнее предупреждение безумцу, сумевшему добраться до самых Ворот. Нужно останавливаться, пока не появились Каменные Стражи. Интересно, как управится с ними тот, что за спиной?

Хаген достал из седельной сумки запасной плащ, замотал голову жеребцу. Снял с перевязи меч, отложил колчан с луком. Против Каменных Стражей оружие бессильно, даже такое, как у него. Только голые руки, больше ничего. Кроме воли, конечно.

Сверху скатилась здоровенная глыба, с треском и искрами врезалась в другой валун. Стражи неподалёку, а тот, следящий, по-прежнему здесь и, судя по всему, никуда не торо-

пится. Личность эта уже начинала занимать Хагена ничуть не меньше предстоящего свидания с Хрофтом.

Скала справа от тана с громом и грохотом лопнула, точно перезревший плод. Ливень острых осколков осыпал всё окрест, однако Хаген успел произнести в нужное мгновение заклятье Отражения, и их с конём не задело. А потом из развороченных каменных руин поднялось существо, один вид которого заставил бы упасть без чувств любого, даже безрассудно храброго человека. Огромная голова существа моталась из стороны в сторону на тонкой змеиной шее, мощное туловище поддерживали четыре колоннообразные ноги, оно мчалось, угрожающе вытянув вперёд длинные когтистые лапы, перевитые толстыми жгутами мускулов. Точнее, это очень напоминало мускулы, ведь на самом деле всё тело Каменного Стража состояло из мелких и средних валунов.

Хаген мгновенно напряг и распустил мышцы. Только Смертные, не прошедшие Посвящений, выходят на подобное с подобным. Меч отражают мечом, слово – словом (разумеется, до времени). Против каменного чудовища они тоже наверняка бы схватились за булыжник. Мудрые учат по-иному. В Природе ель произрастает от ели, у волка появляются волчата, всё живое рождает подобное себе. В Магии же нечто, как правило, дает начало своей противоположности. Скалу не расколешь подобранным голышом, но на это способна человеческая рука, лишённая стальной оболочки. И поэтому Хаген мог встретить Каменного Стража одними лишь кулаками, словно тот был его противником в молодецком честном бою.

Однако Каменный Страж не обратил на молодого тана никакого внимания. Он промчался мимо, рыча, как сотня голодных львов, преследующих добычу. Хаген оторопел. Такого он не видел, о таком он не слышал, такое не могло даже прийти ему в голову. Чудовищная Сущность, порождение Живых скал, Каменный Страж устремился не на него, тварь из плоти и крови, а на его неведомого преследователя.

«Ложись!» – прежде чем сознание Хагена восприняло этот пришедший извне яростный крик-приказ, тело уже выполнило его – и вовремя. Тот, кто преследовал тана, видимо, прекрасно знал, кто такие Каменные Стражи и на что они способны, если рассвирепеют, и потому использовал свой шанс, попытавшись достать человека. Сверкающий стальной Диск срезал прядь волос на затылке тана и с визгом вонзился в камень. Раздался омерзительный скрежет, метательное оружие дрожало в щели, окружённое мелкими облачками каменной крошки.

Хаген похолодел. Против него применили вещь настолько смертоносную и легендарную, что даже Учитель мог припомнить лишь два случая, когда людям удавалось спастись от неё. Диск Ямерта! Учитель рассказывал о великом Храме Солнца в столице Хранимого Королевства, где на высоких террасах, открытых лучам дневного Светила, в хрустальных кубках, как величайшие святыни, хранятся пять таких Дисков. Жрецы Ямерта повелевают могущественными силами, ими закланы и им подвластны многие и многие магические существа – но почему Храм Солнца вдруг решил уничтожить его, Хагена?

А тем временем Каменный Страж добежал наконец до тех кустов, где таился метнувший в тана Диск посланец Света. Хаген услышал утробный рев чудовища, а затем – полный ненависти и гнева боевой крик-выдох, с каким воины наносят врагу последний удар; и крик этот был женским. В ответ Страж оглушительно взрыкнул – и там началась схватка. Однако следить за ней Хаген не мог – он смотрел на Диск, и только на него.

Скрыться от этого оружия невозможно: брошенное, оно непременно найдёт цель само. В тех редчайших случаях, когда жертве удастся увернуться в первый момент, застряв в камне, земле, дереве, утонув в реке, Диск Ямерта сам выберется на волю и вновь обрушится на того, кого бросивший избрал мишенью. Дыску нипочем любые доспехи, он режет железо, как тонкий холст. И лишь отведав в крови жертвы, он успокоится и вернётся в руку пославшего.

Содрогаясь и издавая лёгкое гудение, Диск Ямерта мало-помалу вытаскивал сам себя из глубокой щели в камне. Второй раз Хагену уклониться не удастся. Сейчас, сейчас... осталось уже совсем немного...

Хаген с маху полоснул себя ножом по левому запястью. Теплые тяжёлые струйки алой крови побежали в подставленную ковшом ладонь. Быстро, быстро... но и Диск осталось преодолеть последний дюйм. Не дожидаясь, пока горсть наполнится, Хаген поспешно нагнулся к чудо-оружию, аккуратно выплеснув на него всю набежавшую кровь.

В тот же миг смертоносный сверкающий кругляш вырвался наконец из камня – и замер, сбитый с толку кровью того, кого послан был уничтожить.

Хаген поспешил плеснуть ещё.

Диск с лёгким звоном покатился по камням обратно к кустам, откуда был брошен.

Поверил.

Задыхаясь, Хаген упал спиной на камни, в запале даже не ощутив боли.

Обманул.

Однако недаром он был Учеником Мага. В следующее мгновение его правая рука уже затянула холстиной рассечённое запястье; а затем он прыжками ринулся вслед Дisku, на бегу выхватывая меч. Времени оставалось очень мало – мгновения, пока Диск не вернулся в руки бросившего. Хаген бежал, как учили, – лишь не по-людски зоркий глаз смог бы разглядеть его тень, стремительно мелькавшую в просветах между валунами. Бежать так очень тяжело, кроме Слов Силы, нужно также знать, как сделать, чтобы они подействовали.

А тем временем между Каменным Стражем и неведомым преследователем Хагена продолжался жестокий бой. Что-то тонко свистело, рассекая воздух, но не сталь, а, скорее, короткий хлыст; свист то и дело перекрывался яростным рёвом Стража.

Что же это за противник, кому оказалось по силам противостоять почти непобедимому врагу? Сам тан, готовясь к столкновению, не рассчитывал на победу, Каменный Страж должен был увидеть в нём своего... Детище Живых Скал никогда не атаковало бы его с такой ненавистью, и, если следивший за Хагеном настолько силён, как с ним управиться?..

Неожиданно Каменный Страж дико взвыл в смертной муке, взвыл и умолк, лишённый жизни, с грохотом валясь на землю; и, едва затих шум падения, ухо Хагена уловило короткий предсмертный стон, негромкий и жалобный, полный какой-то недоумённой, почти детской обиды.

Голова Каменного Стража рассыпалась мелкими камнями; а чуть выше, среди изломанных, втоптаных в землю кустов, тан увидел тонкое девичье тело, – остекленевшие глаза уставились вверх, серый плащ Ночной Всадницы запятнан кровью, правая рука неестественно выгнута...

Окажись здесь Фроди и Гудмунд, они сочли бы убитую родной сестрой повстречавшейся им колдуньи, что расправилась с устроенной на её пути засадой, и оказались бы близки к истине.

Хаген пристально осмотрел мёртвую. На первый взгляд в ней не было ничего общего с обычными Ночными Всадницами, кроме одного лишь неизменного вертикального зрачка, как у хищных птиц. Уроки не прошли даром. Хаген смотрел на погибшую лишь как на некий предмет, который нужно исследовать, не более. Не колеблясь, он обшарил тело.

Диск Ямерта смирно лежал рядом с трупом, но Хаген даже не протянул к нему руки. Учитель-то сумел бы взять его, а он, Хаген, знает пока недостаточно. Сейчас оружию придёт приказ вернуться в Храм – и сверкающий круг отправится в дальний путь; горе тому, кто осмелится схватить его!

Никакого иного оружия при Ночной Всаднице не оказалось. Хаген нашёл только один замысловатый ключ от замка гномьей работы и спрятал вещицу в карман, надеясь разобраться позднее. Гораздо больше занимала его ещё не угасшая тень сознания юной колдуньи. Слишком

много необычного для Ночной Всадницы виделось Хагену, опустившему веки и простершему руки над головой погибшей. Однотонная у людей и однозначно серая у простых ведьм, здесь тень сознания оказалась многокрасочной, серое и чёрное чередовалось с голубым и зелёным, а на самом краю едва заметно светилась, угасая, тонкая золотая ниточка. Учитель говорил о такой... это же знак связи с магическими силами!

Что бы сказал Хаген, узнай он, что в тени его собственного сознания тоже есть точно такая же золотая нить – как и у всех остальных Смертных, которые стали Учениками Магов?

Тан торопился, понукая жеребца, неуверенно ступавшего по острым камням. До жилища Старого Хрофта оставалось ещё несколько лиг, а ночь близилась; и с ней близилось время, когда все силы Живых скал обратятся против него одного – иссушат, сожгут мозг, и он рухнет с пустыми, вытекшими глазницами... Каменный Страж погиб, Хаген не добыл от него заклятье Прохода и остался для Живых скал лишь ненавистной ходячей тварью с тёплой кровью. Зайдёт Солнце, поднимется бледная губительница Луна, и скалы обретут свою истинную силу. Тогда ему несдобровать, если он не успеет добраться до Хрофта.

«Вот ещё одна задача, – думал Хаген. – Кто-то очень могущественный всерьёз решил покончить со мной. Кто и зачем?» Тан попробовал было сосчитать тех людей, кто может желать его смерти и пока ещё не отправленных в Хель, но тотчас сбился. Кто же из них стоит достаточно высоко, чтобы убедить самих жрецов Ямерта выступить против Хагена? А может, мелькнула тревожная мысль, это кто-то из недрюгов Учителя?

Однако не имело смысла попусту ломать голову, и Хаген бросил бесплодное гадание. Учитель говорит – сосредоточиться на выполняемом. Сейчас выполняемое – оказаться под крышей Хрофтова обиталища, об этом и подумаем.

Тан успел. На серых телах гор ещё не угас пламень вечерней зари, а взору его уже открылась круглая котловина; напротив выхода из ущелья, которым ехал Хаген, к её склону прислонилось жилище Старого Хрофта, сложенное из невообразимо древних брёвен, каждое толщиной не меньше чем в три обхвата; две длинные стены, отведённые от склона горы, замыкал довольно узкий фасад с единственным окном и дверью, низкой и широкой. Чуть в стороне стоял сарай с коновязью.

Хаген накинул повод своего жеребца на крюк, задал ему овса и громко постучал рукоятью меча в окованные бронзой двери.

– Входи, кто ни есть! – пробасил в ответ очень низкий голос, почти рык. – Входи, не заперто!

Хаген толкнул дверь и вошёл, низко поклонившись притолоке.

В просторных сенях стоял полумрак, вкусно пахли пучки густо развешанных по стенам трав. (И откуда только Хрофт их берёт? Пустыня же вокруг!..) Вторую дверь навстречу гостю отворил уже сам хозяин.

Старый Хрофт был и высок ростом, и широк в плечах, а годы так и не смогли согнуть его спину. Он имел истинно царственную осанку; рассечённое глубокими морщинами лицо с орлиным носом, широким и плавным изгибом-разлётом бровей было лицом воина, много повидавшего, претерпевшего всё, но так никем и никогда не покорённого. Его можно было бы принять за очень знатного ярла или короля Южных берегов. Глаза его горели таким огнём, что выдержать этот взгляд могли лишь очень немногие. Маг Хедин, например.

Хрофт носил простую одежду из серого холста, зато на его широком узорчатом поясе висел короткий и широкий меч в прозрачных ножнах, словно сделанных из хрусталя. Клинок казался выкованным из чистого золота; от меча исходило сияние – чуть приглушённого густого цвета осенних кленовых листьев.

– А, Хаген! – расхохотался хозяин, хлопая гостя по плечу. – Давненько не заглядывал, совсем забыл старика! Ну, заходи, заходи, мне двери запереть надо, а то вечер близко. – Он

вновь хохотнул, и Хаген улыбнулся шутке – кто ж не знал, что к этому жилищу ни Смертные, ни Бессмертные, ни Рождённые, ни Сотворённые не осмеливаются приближаться с недобрым.

– Заходи, у меня эль как раз поспел, – продолжал говорить Хрофт, ведя гостя по длинной горнице с двумя очагами – одним возле самых дверей и вторым в глубине, около широкой постели, крытой мехами. – Садись, бери кружку да рассказывай, с чем пожаловал. Как почтенный Хедин?

После первых же слов молодого тана Хрофт разом отбросил всё шутовство. Он впился в собеседника огненным взглядом, точно намеревался прожечь в нем пару дыр; узловатые, очень сильные пальцы вцепились в стол.

– Давненько я не слыхал ничего хуже... – проворчал Хрофт, когда Хаген замолчал, поднеся к губам здоровенную кружку с пенным тёмным элем. – И дело даже не в Гарме; с ним-то управиться можно, что он – пес, да и только, хоть и большой. А вот твоя преследовательница тревожит меня гораздо сильнее. С Хедином надо бы поговорить... – закончил он уже тише, потирая лоб и погружаясь в раздумье. Брови его сошлись к переносице.

Несколько минут Хрофт размышлял, затем решительно хлопнул ладонью по столешнице.

– Ладно! Что мы тут с тобой надумаем... всё, глядишь, так и так по-иному повернётся. Поэтому сейчас спи, утром я тебе скажу, что с Гармом делать. Всадницей этой я сам займусь... после того, как потолкую с твоим Учителем. Спи! И что бы ты этой ночью ни увидел и ни услышал – не удивляйся, не пугайся и не шевелись! Пока это ещё не твоё дело – хотя ты быстро растёшь.

Хаген знал, что здесь надо повиноваться без разговоров. И он повиновался, он умел это, ибо без умения подчиняться не будет и умения повелевать – так говорил Учитель.

– Твои слова звучат так, будто Гарм – это вовсе не угроза?

– Ты не совсем понял меня, – покачал головой Хрофт. – В одиночку – нет, не угроза. Его час далёк, только в назначенный день битвы при Рагнаради обретёт он власть пожирать и разрывать на куски Богов. Но ты прав, его пробуждение может вызвать появление здесь непрощенных гостей... – Хрофт скрипнул зубами, зло прищуриваясь. Ясно было, что у него дальние счёты с теми, кто может для усмирения Пса явиться сюда с Высоких Престолов. – Конечно, вырвись Гарм сейчас на волю, он причинит немало зла Смертным, а Боги любят их, и им придётся вступиться. А если здесь появятся вестники Ямерта... лучше бы нам избежать этого. Так что спи! Утро вечера хоть и не мудренее, но на свежую голову легче думается.

– А как же с Каменным Стражем?

– Что да как... – недовольно проворчал Хрофт. – Сотворю нового, посильнее.

– Чем его убили?

– Чья-то воля превзошла мою, – нехотя процедил Хрофт сквозь зубы. – У этой Ночной Всадницы невесть откуда взялось в руках Белое Лезвие! И получить его она могла только от кого-то из Магов... Ладно! – Он поднялся, прерывая разговор. – Мне недосуг тут с тобой забалтываться. – Хозяин набросил на плечи толстый чёрный плащ с громадным, свисающим до поясницы капюшоном, перепоясался мечом, в правую руку взял увесистый посох. – Сиди здесь! – распорядился он. – Хлеб на столе, эль в жбане, окорок на балке. Долго не тяни; ни к чему тебе видеть, чем я тут заниматься стану.

– Как будет угодно хозяину, – наклонил голову Хаген.

Не имело смысла лукавить с владыкою Живых скал, пытаться подсмотреть или подслушать. С теми, кто сильнее тебя, слово блюди свято. Хрофт появился только под утро, усталый и мрачный. Стены его жилища сотрясались всю ночь, по потолку гуляли бледные отсветы, во мраке за стенами перекликались холодные голоса – но понять, какие силы сошлись на зов Хрофта, Хаген так и не смог.

Хозяин жадно опростал полувёдерную кружку пива, крякнул, закусил и повернулся к Хагену. Глаза Хрофта горели мрачным огнём, недобрым и решительным.

– Поел? Тогда слушай внимательно и запоминай правильно. Про преследовавшую тебя ведьму пока забудь – сперва встретишься с Хедином. Забыть забудь, но иди очень осторожно. На ночь устраиваешься – не ленись, окружай себя зачарованной Чертой. Путь тебе – на самый Ут-нордри, к Полю Гнипахеллир. – Хрофт остро взглянул в лицо Хагену – не дрогнул ли тот? Тан оставался совершенно спокоен. – Оттуда – ты должен знать – берёт своё начало Чёрный тракт. Путь в Ближний Нифльхель. Там, под землёй, логово Гарма. Слуги Нижнего Мира постоянно таскают Псу на прокорм достающиеся им тела мертвецов – трусов, предателей, клятвопреступников, кого не принимает Небо. И, не просыпаясь, Пес пожирает всё это. Оказавшись там, ты должен будешь добавить макового отвара в пищу Гарма. – Хрофт протянул Хагену небольшую флягу. – Не смотри, что его мало, – человека убьёт одна капля этого зелья, а Псу едва-едва хватит, чтобы снова задремать. Хедин велел поторапливаться – есть другие неотложные дела, а это он считает для тебя несложным. Ты сумеешь, говорил он, сладить с первой заставой Стережущих Тёмный путь; это проще, ведь нападать будешь ты. Нужно проскользнуть к Ут-нордри незамеченным и как можно скорее. Поэтому я дам тебе проводника. В трёх днях пути отсюда, посередине между Восходом и Полночью, в Бастеровой дебри живёт Бран Сухая Рука. Он доведёт тебя до самого Гнипахеллира. Обычным порядком – это месяц или полтора пути, но Бран знает вход в Лесной Коридор.

– Лесной Коридор? – встрепнулся Хаген. Учитель упоминал об этом. Лес – это ведь не просто беспорядочно торчащие из земли сосны да ёлки. Это огромное, но вместе с тем единое существо, с невообразимо сложными и труднодостижимыми языком и сознанием, обладающее огромными силами. Одно из чудес его – Лесной Коридор. Человек ли, гном, или эльф, короче, тот, кого Лес признал своим, может, попросив о помощи, особыми заклинаниями открыть себе дорогу по тайным тропам, да таким, что за день пути покроеет расстояние, которое по самым лучшим дорогам отнимет месяц. Таков Лесной Коридор, Путь Насквозь.

– Да-да, именно он, – кивнул Хрофт. – Там свои опасности – те же морматы, например, или пушечные хеды. Зато быстро, и Ночные Всадницы за тобой не уследят. Брану, чтоб он знал, от кого ты и зачем, передай вот это. – Хозяин Живых скал протянул Хагену небольшой клочок пергамента с несколькими замысловатыми рунами. Значение каждой из них в отдельности Хаген понимал, но все вместе они складывались в совершенную, на его взгляд, бессмыслицу. К записке Хрофт присовокупил складной нож причудливой формы, работы явно подгорных мастеров. – Скажешь, это от меня, в подарок. Бран, он хорошие ножи любит. И ты сам знай: хочешь сделать Сухой Руке приятное – подари кинжал.

– А кто он такой, этот Бран? – полюбопытствовал Хаген.

– Человек, – ответил Хрофт. – Такой же, как и ты, Смертный, но владеющий кое-каким Знанием, хотя его, в отличие от тебя, никто никогда не учил, кроме Леса да Говорящей Земли.

– Он владеет искусством слушать Говорящую Землю? – поднял брови тан.

– Нет. Он не извлекает из неё никаких магических секретов, что не преминул бы сделать ты, Ученик Хедина. Для этого нужно особое умение, ты прав. Он же слушает её так же, как обычный человек внимает музыке ветра и моря или чуть шумящего ночного бора... И если Бран что-то и умеет – то неосознанно. Скорее всего он просто уснул как-то раз на клочке Говорящей Земли; обычному путнику это могло бы стоить рассудка, но Сухая Рука-то всю жизнь в Лесу! Тот, верно, и помог ему в первый раз. Одним словом, присмотришься к нему; будь с ним честен – и он, глядишь, тебе в чем-нибудь поможет.

– Но я бы хотел знать... – начал Хаген.

– Как я мог говорить с Хедином, что он мне сказал, где он и когда вы с ним увидите? – опередил его Хрофт. – Отвечу. Говорил при помощи Эритового Обруча, который он сам дал мне давным-давно; это своего рода ключ в Астрал, ты знаешь. Человеку, увы, им не восполь-

зоваться, точнее – Хедин пока не нашёл способа. Что он мне сказал – то вещи пока тебе во многом недоступны. Недоступные оттого, что узнай ты о них – и твоя уязвимость возрастет многократно. Вот сейчас, когда некоему Магу пришло на ум покончить с тобой, он... или она... вынуждены послать кого-то по твоему следу, прибегать к услугам столь грубых по их понятиям вещей, как сталь или яд. А если ты узнаешь нечто, обсуждавшееся сегодня нами с Хедином, то твоим врагам будет достаточно совершить некие действия – и ты умрешь от неприятной болезни и никак не сможешь защитить себя. Ты избежал Диска Ямерта – но то, что могут бросить против тебя Маги, во сто крат смертоноснее... Теперь о том, когда ты увидишь Хедина, – как только справишься с Псом. Встретитесь вы здесь, у меня. Сухая Рука проведёт. Твой Учитель вынужден прервать своё странствие. Дела наши неважны.

– А что происходит в Хранимом Королевстве?

– Видрир повёл первые полки городских ополчений Приморья и свои дружины наперерез Хьёрлейву. Они встретятся дня через четыре. Видрир скорее всего одержит верх, но это обойдётся ему недёшево.

Простившись с Хрофтом, Хаген двинулся дальше. Срок, который он назначил своим людям – до следующей луны, – заставлял его торопиться. Он жалел коня, но не себя. Помня слова хозяина Живых скал, ехал осторожно – и не напрасно. Дважды видел морматов, но сумел укрыться, серые бестии не заметили его. К вечеру первого дня он спустился с гор, заночевав уже в чистом ельнике. Долго прислушивался, приглядывался – не ползёт ли кто, не крадётся или не летит, – однако не заметил ничего подозрительного.

А на следующий день лес внезапно сгустился, вздыбился непроходимыми дебрями, преградил дорогу глубокими оврагами, бесчисленными ручьями с заболоченными берегами, оцетинился высокими непролазными буреломами... Однако опытный глаз тана нет-нет да и замечал то едва различимый старый затёс, то обрубленные еловые лапы, то пенёк недавно срезанного гриба. В лесу есть люди, и они неподалёку; но отыскать их – поди, попробуй! Сколько ни озирайся, даже взобравшись на вершину самого высокого дерева, – всюду одно и то же: зелёный ковёр без конца и без края, и прогалин не видно. Смерть в таком лесу избалованному солнцем и просторами южанину, не знающему, куда податься среди бескрайних, заросших кривыми сосенками моховых болот, как отыскать укрытие и пропитание... Северный лес необитаем только на первый взгляд, на самом же деле он кишит жизнью. Проказливые древесные гномы прокладывают свои неприметные стёжки; угрюмые тролли, заброшенные всеми, даже когда-то создавшим их Отцом Ночи, кое-как мастерят себе логовища в самом сердце глухих трясин; к древесным гномам приезжают покупать брёвна и доски их соседи, деловитые карлики-купцы; горные гномы-кователи навешиваются целыми обозами за крепёжным лесом и чистым берёзовым углем для горнов. Гурры бродят в поисках добычи, мрачные хеды таятся от жгучих людских стрел да устраивают порой свои жуткие колдовские сборища... Это те, кого можно встретить телесно, – если, конечно, ты знаешь, как это сделать; но не меньше и тех, кого судьба обделила оболочкой, оставив один бесплотный дух. Много в лесу Хозяев. Так повелось исстари: их зовут Хозяевами, хотя в древесном царстве распоряжаются совсем не они, а люди, эльфы, гномы... Но у каждого болота, у каждого ельника имеется свой Хозяин. Они таятся под корягами, корнями, в сплетениях ветвей; их непросто увидеть, а уж говорить с ними могут и вовсе немногие. Все эти духи – подданные и слуги Ялини, Предвечной Хозяйки Зелёного Мира. Жизнь всех растущих созданий – под их неусыпным надзором, и если какой-нибудь глупый мужик станет попусту махать в лесу топором, то не пройдет и недели, как у него либо волки корову задерут, либо огород зарастёт лебедой, либо хорёк найдёт лазейку в курятник... Лесные Хозяева знают всё. Не упадёт ни одна шишка, не засохнет ни одна былинка так, чтобы это осталось им неведомо. Хозяева вроде бы и правят Лесом, а в то же время и он ими, и не поймёшь, кто над кем у них...

В глубокой расщелине старого горелого пня Хаген заметил – благодаря урокам Учителя – едва видимые огоньки бледно-зелёных глаз. Он спешился, погасил посторонние мысли и мерно прочёл своё собственное заклятье, предмет его гордости, пусть и не очень сильное, но в таких случаях безотказное. Никуда теперь не деться мелкому лесному духу.

– Я тебя знаю, – объявил тот, поневоле выбравшись из своего укрытия. – Ты Хаген, Ученик Мага Хедина, прозванного Познавшим Тьму. Ты произнёс Слова Силы. Что ж, спрашивай, я отвечу.

Хаген стиснул зубы. Дурной признак. Лесные обитатели, случается, мстительны, им не следует знать имени обратившегося к ним с вопросом. Могут навести на след... и навредить сотней иных известных им способов. А кроме того, они любят поговорить, заклинание их не столько сдерживает, сколько даёт возможность слушающему понять их; но уж если дух говорит тебе «спрашивай – отвечу», значит, беседовать с тобой он совершенно не расположен и лишь подчиняется силе. Что ж, ладно, спросим по-другому.

– Как мне пробраться в Рёдульсфьёлль? – задал Хаген совсем не тот вопрос, что хотел вначале.

– И всего-то? Стоило меня беспокоить... – ворчливо заметил дух, но тут же одёрнулся. Заклинание обязывало его отвечать на вопрос и говорить правду. – Ступай на Полночь. Вечером второго дня минешь дом Брана Сухой Руки. Затем... – И дух погрузился в довольно странное описание пути в Рёдульсфьёлль, и без того прекрасно известного Хагену. А когда он закончил, тан спросил в упор:

– Отчего ты не хочешь говорить со мной по доброй воле?

Хорошо духам – не краснеют, не смущаются.

– Ты – враг, – бесхитростно ответил полупрозрачный собеседник тана. – Ты и твой Учитель.

– Чьи мы враги?! – рявкнул Хаген, забывая, что перед ним не человек.

Однако дух ничего не ответил. Это лежало уже вне пределов действия заклинания, произнесённого Хагеном. Понимая, что больше он здесь ничего не добьётся, тан со злостью хлестнул жеребца.

Теперь предстояло путать следы, сбивая с толку лесных обитателей, и выходить к жилищу Сухой Руки тайно, ибо Ялини хоть сама и кротка, но имеет могущественных слуг... Тут и Хрофт не поможет.

Началась тяжёлая работа. В разные стороны поскакали сотворённые Хагеном фантомы – его точные призрачные двойники; а он сам, закрываясь, как щитом-невидимкой, всеми известными ему заклинаниями, пробирался к подворью Сухой Руки. По-настоящему, конечно, он не должен был идти туда – кто знает, потеряли его след возможные соглядатаи или нет, но выбора уже не оставалось.

Неужто Зелёные Маги объединились против него и Учителя? Эта Ночная Всадница, как-то связанная с ними, получившая от кого-то из них Белое Лезвие и Диск Ямерта; лесные духи, слуги Ялини... А Ялини – Хозяйка Лесов – младшая, любимая сестра владыки Солнечного Света... И если дело действительно дошло до носителей Высших Сил, то ополчились они наверняка не против него, Хагена, смертного человека, а против Мага Хедина, его Учителя. А он – так, сбоку припека. Привычная острая злость быстрыми толчками погнала кровь по жилам. Погодите, трупоеды, дайте только покончить с Гармом! Будь вы хоть трижды Боги...

Однако тан не позволил прыному чувству овладеть собой. Злость – плохая помощница при произнесении Слов Силы; лишь на миг ослабил он усилия, чтобы остаться под прикрытием магического щита, – и тотчас явственно ощутил, как почуяли это и те мелкие лесные бестии, что остались у него позади. Вдобавок как манит зверя запах свежей крови, так притягивает чужая ненависть. Поэтому ему нельзя сейчас больше думать о затеявших эту охоту. В своё время он займётся ими, а пока нужно добраться до Сухой Руки... и тут его внезапно охватило

сомнение. Бран – плоть от плоти Леса, он не может не подчиняться или хотя бы не чтить Ялини, Лесную Владычицу. Уж не передан ли и ему соответствующий приказ?

Хаген напряжённо размышлял, делая широкие петли по зарослям. Из того, что Хрофт советовал ему идти с Браном, ещё ничего не следовало. Если дело дошло до войны Магов в Реальности, обстановка станет меняться быстрее, чем на поле самой жестокой сечи. Он, тан Хединсея, к двадцати с небольшим годам взявший приступом не один город, вырвется из любой подстроенной людьми ловушки... почти из любой, а вот колдовская западня – другое дело. Его передернуло. Если под ударом Учитель – из него, Хагена, из Ученика мятежного Мага, постараются выжать всё до последней капли. Хедин немало рассказывал о нравах и обычаях Магов; недаром он и сам ушёл от них.

Но всё-таки другого выхода Хаген не находил. Провести его к Гнипахеллиру Лесным Коридором сможет только Бран – и, значит, будь он хоть трижды врагом, нужно заставить его сделать то, что нужно. Сухая Рука понимает язык Говорящей Земли – что ж, тем лучше, достойный соперник, если сумеет пустить в ход всё то, чего он там наслушался. Хаген ещё раз очистил сознание, добился, чтобы все мысли вытеснила серая звенящая пустота, и постарался дотянуться до своего вероятного проводника. Несколько раз у него получалось подобное, и тогда он умел угадать, друг или враг ждет его впереди. Однако теперь он не ощутил вообще никакого отклика. Там, куда он шёл, к подобным вещам были равнодушны.

Это уж лучше, подумал Хаген, оставив бесплодные попытки. Ни да ни нет – тоже ответ. Будем считать это беспристрастием. Постараемся сделать Сухую Руку союзником... хотя бы на время похода, а там видно будет. Тан слегка тронул каблуками бока жеребца, посылая его вперёд.

Всё, что мог, он уже сделал. Отвлекающие обманные фантомы, непроницаемые для духов погои новосозданного тумана, под которыми крались он и конь... Лоб и щёки Хагена покрывал пот – но вот лес наконец раздвинулся, тан миновал заплот из жердей – чтобы скотина не забрела далеко, – и посреди неширокого круга полей, под тремя могучими вязами, он увидел небольшой аккуратный бревенчатый дом, целую усадьбу, обнесённую частоколом. Виднелись высокий журавель над колодцем, крытые серым тёсом крыши сараев. Залаяли собаки, чувствуя приближение чужака, хотя ветер и дул в лицо Хагена. Тан спешился и постучал массивным железным кольцом о калитку, открывавшуюся, конечно же, только наружу, чтобы её можно было высадить, лишь сорвав запоры и петли. Нападавшим пришлось бы разносить в щепу толстые дубовые доски. Бран строил с толком.

За высокой изгородью заливались лаем псы. Затем щёлкнул отодвинутый засов, тан потянул калитку на себя – в щель тотчас выскочили две пушистые, остроухие собаки с причудливо закрученными полуторным бубликом хвостами; псы немедленно надели с двух сторон на пришельца. За мохнатыми сторожами появился и сам хозяин.

По возрасту он годился Хагену в отцы. В волосах хватало седины, лоб иссекли глубокие морщины, лицо обветрено, обожжено солнцем, глаза же спокойные – не таящие коварства. Ростом он оказался лишь на три или четыре пальца ниже тана, считавшегося очень высоким. В правой руке он сжимал почти готовую охотничью стрелу; левая же рука оказалась действительно сухой, подвернутой, Бран держал её, прижимая к боку, кисть касалась груди. На широком поясе висел кинжал, и Хаген удивился: оружие словно специально было помещено так, чтобы до него могла дотянуться не здоровая правая рука, бугрящаяся могучими мышцами, а именно изуродованная левая.

– Мир дому сему, хозяин! – учтиво склонил голову Хаген. – Я к тебе от Хрофта, с делом и даром. – Он протянул Брану нож, данный ему владыкой Живых скал. При виде дорогого клинка глаза Брана потеплели.

– Здравствуй и ты, спасибо почтенному Хрофту за честь. Входи. – Он посторонился. – Входи, будь гостем. Как тебя зовут? Чей ты сын? Какое у тебя ко мне дело?

Хаген назвал себя. Бран и бровью не повёл, не выказав никакого почтения к титулу тана.
– Поднимемся, – сказал он гостю. – На пороге толковать не пристало.

Глава IV

Под проливным дождём мы с Хагеном шли прочь от обглоданных пламенем руин Йоля – по следам большого отряда всадников, хорошо выполнивших жестокий приказ ярла Свиора. Мой Ученик держался неплохо, не подумай, что ему всего десять с половиной лет. Ему предстояло трудное дело – трудное не тем, что предстояло ночью вскрыть горло трём десяткам опытных воинов, а потому что Хагену ещё не доводилось ступать по крови и убивать безоружных. Я не сомневался, что ничьи глаза не смогут заметить моего Ученика, но как бы он не поддался всему остальному. Испытание проходил я, а не он – так ли и тому ли учил я его? Прежде чем взяться за магические науки, ему необходимо было постичь человеческие умения. Одно из них – способность бестрепетно исполнить задуманное. Неосуществлённое рождает чуму, подтачивает силы. Следуя своим желаниям – и ты будешь всегда прав.

Впереди уже виднелись окраинные строения деревни, где остановился на ночлег отряд всадников, и тут из косых крутящихся завес ливня внезапно выступила тонкая, окутанная плащом фигура, не узнать которую я не мог.

– Сигрлинн, вот так встреча! – любезно, даже весело произнёс я, внутренне сжимаясь и готовясь к бою. – Какими судьбами? Что ты делаешь здесь в такой дождь?

– Остановись, Познавший Тьму! – Она не приняла моего тона. Сейчас она очень сильно и неприятно напоминала ту, что диктовала мне условия сдачи. И Хаген, молодчина, тоже тотчас почувствовал угрозу.

– Чего ей надо, что она тут нас держит? – прохныкал он, словно от обиды, ловко поворачиваясь к волшебнице боком и незаметно от неё запуская руку под плащ, где висел его крепкий кривой нож. Я успокаивающе положил руку ему на плечо.

– Познавший Тьму, Совет предупреждает тебя первый и последний раз. Если ты ослушаешься, тебя ждёт участь Ракота и даже ещё худшая. Ты затеваешь войну и готовишь к ней этого мальчика!..

– Какой я тебе мальчик! – окрысился Хаген. – Счас как дам, враз поймёшь... Выдумала тоже, мальчик! Я воин!

– Хедин, Мерлин не спускает с тебя глаз, – вдруг горячо заговорила Сигрлинн, хорошо знакомым мне жестом очерчивая Отражающий Круг. – Он уверен, что ты метишь на его место; Совет по закону обязан предупредить тебя, меня послали за этим... Остановись, иначе не миновать беды! Если не жалеешь себя – пожалей вот хотя бы его, – она указала на Хагена, – или... или меня!

Она говорила искренне – и это окончательно сбило меня с толку. Что значит «пожалей хотя бы меня»?.. Давно, давным-давно не слышал я от неё подобных слов... Против воли ожили воспоминания, от которых я отгораживался столько лет: Голубой Город, Сигрлинн и я, днями и ночами творящие вместе, молодые, неразделимые, счастливые...

– Ну хорошо, ты пришла передать мне предупреждение Совета, – с трудом выговорил я, усилием воли отгоняя непрощенные мысли. – Ты передала его. Что дальше? Что ты хочешь? Хочешь, чтобы я поверил, что ты на моей стороне и готова рассказывать мне обо всех намерениях Мерлина, касающихся меня? Хочешь, чтобы я забыл, как мы сражались?

– Ты не меняешься, Хедин, – жестко усмехнулась она, – ты не можешь не искать ловушек, не можешь не подозревать меня в каких-то коварных замыслах... Ты же наверняка не поверишь мне, если я скажу, что мне дорога память о том, что у нас было, и сюда меня привела жалость – и к тебе, бедный безумец, и к твоему Ученику, этому ребёнку.

И тут в наш разговор внезапно вмешался Хаген. Он попросту запустил в Сигрлинн комком размокшей дорожной глины.

– Уходи! Проваливай, что ты от нас хочешь?! – Я отшатнулся назад.

Глаза Хагена горели, в правой руке блестел нож; он походил на оцетинившегося и готового к бою волчонка.

У Сигрлинн дрогнул уголок тонкого, идеально очерченного рта; и я уже приготовился отразить заклинание, с помощью которого она не преминула бы наказать дерзкого, но... она лишь протянула Хагену раскрытую правую ладонь неожиданно мягким жестом.

– Ты готов отдать за него жизнь, не так ли? – без тени усмешки обратилась она к моему Ученику. – Он для тебя теперь всё?..

Хаген опешил. Надо признаться, я тоже. Я ничего не понимал в происходящем. Мелькнула мысль, что, если мы выпутаемся из этой передрыги, мне придётся ещё многому научить мальчика; сейчас он растерян, и это плохо – надо уметь ненавидеть своих врагов вне зависимости от того, что они говорят.

– Так вот, я скажу тебе, – тем же мягким и доверительным голосом продолжала Сигрлинн, – твой Учитель в большой опасности. Живущие там, на небе, – она указала точёным пальцем вверх, – сильно на него разгневались. Он хочет убить их, захватить их престолы, а ты – лишь оружие, которое он создаёт для этого. Если вы не остановитесь, они вас сметут. Вот о чем я хотела предупредить, но, похоже, лишь зря старалась. – Её глаза уже метали молнии, она с трудом сдерживалась.

– Мы пойдём, извини, – сказал я, касаясь головы Хагена. – И так уже все вымокли.

– Ну и пропадай тогда, несчастный ты глупец! – в ярости топнула ногой Сигрлинн. С её пальцев сорвались две серебристые молнии, ударили в лужу, вода тотчас вскипела и забулдила, повалил пар. – Пропади ты пропадом! Не стану больше тебя выгораживать! Выкручивайся как знаешь!

Сейчас она одновременно и ужасала, и потрясала, и завораживала. Со времён Голубого Города я не видел её столь восхитительной – она всегда хорошела в гневе: вокруг неё плясали прозрачные языки бледно-радужного пламени, с концов намокших прядей струился водопад голубых искр, от пол плаща поднималось алое свечение.

– Спасибо за предупреждение, – сказал я. – Не сердись так и давай не ссориться. Но пойду я всё же своим собственным путём. Если сверну – перестану быть собой. Не ты ли говорила, что не стала бы знаться со мной, раскайся я на Совете?

– Хедин. – Она подняла руки, точно удерживая невидимый, но тяжёлый груз. – Тебя убьют.

– Что-что? – переспросил я. Это звучало настолько дико, что я решил, будто ослышался.

– Мерлин нашёл способ обойти Закон Древних, – устало, без малейшей рисовки бросила Сигрлинн. – Он посылал Астрального Вестника.

– Мерлин нашёл или Мерлину сообщили? – тупо спросил я, не придумав в тот миг ничего лучшего.

– Мерлин получил право карать небытием того, кто нарушает Равновесие Мира, – отчеканила Сигрлинн. – Приговор выносится большинством Совета.

– Что же случилось, что Мерлин сперва сподобился послать Вестника, а потом получил эту невиданную власть? Я ничего не почувствовал.

– Мерлин не распространялся о причинах своего решения. Он сам создал Вестника, и никто не знает, какое послание было положено к подножиям тронов Обетованного. Можно только гадать. Разве что это как-то связано с Ракотом?

– С Ракотом?! – воскликнул я. – А что может быть с ним связано? Он же скован и заточён! Сигрлинн пожала плечами.

– Но теперь ты, быть может, всё-таки призадумалась? – вместо ответа спросила она чуть ли не с робкой надеждой в голосе. Точнее, мне послышалась эта надежда, но я тотчас отмел все эти смешные мысли. Сигрлинн не заговорила бы так даже в предсмертном бреде.

– Совет никогда не пойдёт на это, – ответил я с недёшево обошедшейся улыбкой. – Даже Макран и Эстери, как бы сильно они меня ни ненавидели, прекрасно понимают, что если я стану первым – за мной могут последовать и другие. Что именно может считаться вредоносным нарушением Равновесия? Да вся жизнь Мага – одно сплошное нарушение!

– Всё, больше не могу! – вдруг простонала Сигрлинн, уронив руки, и в тот же миг исчезла. Осталась только дымящаяся лужа, основательно подогретая её молниями.

– Погоди с расспросами, Хаген, – остановил я своего Ученика, уже дрожавшего от нетерпения. – Сначала сделаем дело.

Остаток пути мы прошли в молчании. Сигрлинн обрушила на меня целую лавину вестей, но я заставил себя на время забыть о них. Сейчас главное – Хаген.

Я помог ему вскарабкаться на крышу постоянного двора – и на этом моё участие в отмщении кончилось. Он прекрасно справился сам. Правда, выбравшись наружу, он был бледен, и его шатало, но это быстро прошло. Мои уроки он усвоил твёрдо. Ни одного лишнего движения, ни скрипа, ни стопа; отточенный, как бритва, нож разил бесшумно и безошибочно.

– Страшно было? – спросил я его, но Хаген только дёрнул плечом и обрушил на меня давно заготовленный град вопросов.

Я отвечал на них весь следующий день, пока мы пережидали в укромном овраге поднявшуюся в деревне с самого утра сумятицу. Хозяин постоянного двора нашёл тела воинов Свиора, и началось форменное светопреставление. Наспех похватав вилы и топоры, мужики рыскали по окрестностям – но не столько ловили неведомых убийц, перед которыми сами трепетали, сколько пытались заслужить прощение ярла. Из-за его крутого нрава деревню вполне могли сровнять с землей, как случилось до этого с Йолем.

И пока незадачливые поимщики суматошно перекликались где-то неподалёку, я рассказывал Хагену о том, что оставалось в тени. Мне пришлось изложить ему всю ведомую мне историю Ордена Магов, чтобы он понял, кто такие Сигрлинн и Мерлин.

– А она красивая, Учитель, – вдруг совсем по-взрослому заявил он прямо посреди моего рассказа. – Но злая. Не хочет, чтобы ты меня учил.

Я промолчал. Кто знает, может, для Хагена это и обернулось бы к лучшему – не достанься мне Зерно его Судьбы?

О Богах и прочих Великих Силах, как Древних, так и Дальних, я упомянул вскользь. Хватит с него пока Мерлина. Хаген тотчас уловил, что он-то и есть сейчас наиглавнейший враг. Впрочем, пришлось потратить немало трудов, чтобы замять разговор о Ракоте, – лгать своему Ученику я не хотел, а правды говорить пока не мог. Наконец он умирился и сонно засопел, уткнувшись носом мне в сгиб локтя; я прикрыл его плащом и только теперь, переведя дух, смог задуматься над сказанным Сигрлинн.

Право карать небытием – как это? Какие бездны знания открылись Мерлину – или были открыты ему Предвечными Владыками, – чтобы Верховному Магу стало доступно доселе совершенно невозможное? Всё, что я знал, говорило о том, что Закон Древних нерушим. Это значило, что Мерлин достиг совершенно нового уровня знаний... Ведь жизнь Мага не связана напрямую с телом. Тело можно изранить, изрубить на куски, вовсе сжечь – но самого Мага этим не убьёшь. Какой же исполинской мощи оружие вложили Силы Мира в руки Мерлина! И что же, они настолько наивны, они настолько уверены, что он не повернёт его против них самих?

Но допустим, всё это правда. Мерлин действительно может уничтожить меня. Но вот вопрос – только ли по приговору Совета или же просто по собственному желанию, поставив остальных перед уже свершившимся? И что для этого нужно? Признаться, мне стало очень и очень не по себе: что, если я вот сейчас исчезну, не успев ни охнуть, ни вздохнуть, растворюсь в безбрежном океане?... Меня прошиб холодный пот.

«Погоди, – сказал я себе. – Успокойся. Если бы Мерлин действительно хотел покончить со мной, имея для этого средства – он уже сделал бы это. Что-то его удерживает... Надо как

можно скорее разузнать всё, что смогу, об этом оружии; и что такое Сигрлинн толковала о Ракоте?»

Тут мои мысли неожиданно для меня самого приняли иное направление; вместо того чтобы думать о невероятной способности Главы Совета Поколения убирать со своего пути неугодных при помощи более действенных средств, чем ссылки и заточения, я не мог отрешиться от прозвучавшего грозного имени Ракота.

Зловещий смысл сказанного моей бывшей возлюбленной только теперь стал доходить до моего сознания. Случайно или намеренно было произнесено это? Слишком уж близко к одной из частей моего столь тщательно хранимого Плана!

Ракот. Ракот. Узурпатор... Владыка Мрака... трижды штурмовавший со своими Тёмными Армиями сам Замок Древних и однажды осадивший даже Обетованное! Низвергнутый и заточённый... И – мой друг. Мой единственный друг за все долгие века моего пути. Мы начали вместе – оттого у меня титул тоже связан с Тёмными Силами. Однако затем он повёл себя немудро, возжаждав всевластия: обретя огромные знания, не доступные никому, кроме него, он потратил всего себя на сотворение неисчислимых Чёрных Легионов и Царств Сумерек: он пошёл войной на самих Предвечных Владык, надеясь управиться с ними обычным оружием. Я пытался его остановить... однако он не послушался моих советов, и мы поссорились. Я не пришёл ему на помощь, когда его армии гибли одна за другой под яростным натиском Молодых Богов и их блистающих ратей, – и это моё предательство, не важно, вольное или невольное, жгло меня, и спастись от самого себя я мог лишь одним способом.

Победители стёрли в пыль твердыни Ракота, его самого пленили. Потом был суд... Я не помог другу, но и не присоединился к Богам, как всё без исключения Маги моего Поколения. В наказание меня заставили зачитывать Ракоту приговор... Этого унижения я не забыл и не забуду до конца своих дней. Скованный и частично развоплощённый Ракот канул в неизвестность, а я... я стал создавать Ночную Империю. Потом произошло ещё великое множество разнообразных событий; шло время, и приближался день, когда я смогу вернуть долги всем и каждому, в том числе и Ракоту. Но на этом скользком пути так легко потерять равновесие! А тут ещё Сигрлинн со своими туманными словами... Я поймал себя на том, что давно уже не могу предсказать ни одного её поступка. Подослали ли её ко мне, или она пришла сама? Не выдумка ли всё это? И с кем посоветоваться?

И тут я вспомнил о Хрофте.

Я не видел его более десяти лет – с самого возвращения из изгнания, полностью поглощённый вознёй с Хагеном. Теперь, похоже, наступило время для новой встречи, да и моего Ученика обязательно следовало представить ему. Мы отправились в путь.

От страны ярлов старым торговым трактом мимо владений баронов, через земли свободных пахарей к окраинам степей Рогхейма и затем на север, единственным более или менее безопасным путём через страну дубрав, подальше от жуткого Железного леса – соваться туда было ещё рановато для Хагена, – мы добрались до Живых скал.

Старый Хрофт... Он был стар уже в дни моей юности. На нём лежала неизгладимая Печать Гнева Предвечных Владык, и потому все избегали его. Веление Богов почиталось свято – однако так случилось, что я первым из Поколения нарушил их приказ – отчасти из любопытства, отчасти из чувства противоречия... Меня всегда притягивала эта мощная, невесть откуда взявшаяся в нашем Мире магическая личность, не принадлежавшая ни к Богам, ни к Древним, вдобавок совершенно, абсолютно одинокая. Он не имел ни учеников, ни последователей; он казался изгоем. И, наверное, оттого он так несказанно удивился, когда молодой Маг из только-только вставшего на ноги Поколения дерзнул пойти против уложений Богов, появившись у него на пороге. Мне показалось, что он обрадовался, хотя и стремился скрыть это всеми силами; он едва не выставил меня за двери. Но потом, смягчившись и поняв, что я не лазутчик (меня тогда страшно поразила такая подозрительность!), он стал очень открове-

нен; и от него-то я и узнал всё то, что заставило меня повернуться спиной к Свету и заняться пристальным изучением Тьмы.

Мы с Хрофтом не стали друзьями. Нельзя также сказать, что Хрофт был моим Учителем, хотя дал мне немало; нечто иное, куда сильнее привязанностей и обязательств Ученичества, сближало нас. Мы чувствовали, что не можем обойтись друг без друга – в деле исполнения наших сокровенных желаний. Я оказался единственной надеждой Хрофта, он – единственным для меня источником поистине бесценного Знания. Можно сказать, именно он перевернул все мои представления о Реальности, Межреальности, Богах, Демонах и прочих Магических Существах, о Светлом и Тёмном в пределах этого Мира. До встречи с Хрофтом бытие хоть и представлялось мне полным волнующих тайн и невероятных приключений, но в моих глазах оно походило на цветущий луг между двумя грозными крепостями, белой и чёрной, и я твёрдо знал, на какой я стороне и кто я сам. Хрофт раскрыл мне глаза на великое разнообразие Сил, Древних и Дальних; и я навсегда запомнил день, когда наконец понял, кто он такой и почему Владыки наложили на него запрет.

Меня всегда удивляло, почему этот могучий дух, это гордое сердце и глубокий ум мирятся с жалким положением изгоя, который проводит недели и месяцы в мрачном ничегонеделании, молча и безвылазно сидя в хижине и неумеренно потребляя самый грубый и крепкий эль, какой только можно было достать. Предстояло кануть в ничто ещё многим и многим векам, прежде чем прозвучали слова «слава павшему величию!», но, клянусь Лунным Зверем, они как нельзя лучше подходили к Хрофту. Я довольно быстро понял, что он не принадлежал к числу Древних, предыдущему Поколению Магов, на смену которым пришли мы; кто он и откуда взялся – долгое время оставалось для меня загадкой. И однажды, когда он был особенно сумрачен, а жбан с элем уже показывал дно, в его речи замелькали слова «радужный мост», «серединный мир» и другие, значение которых я не понимал. И тогда я решился спросить.

– Откуда я? – прищурился Хрофт. – А ты ещё не догадался?.. Да, было время, когда я сидел на золотом троне, окружённый верными друзьями, было время, когда я повелевал и вершил суд; и все склонялись передо мной! А кто я? Пойдём!

И он потащил меня в конюшню. Там, понуро опустив голову, стоял дивный жеребец, подобного которому я не видел нигде и никогда. Но удивили меня отнюдь не его редкостные стать, сила и красота, а восемь тонких, но мускулистых ног.

Только один такой конь существовал в пределах Реальности.

И только одного наездника терпел он на своей спине.

– До часа Рагнаради оставались ещё немеренные бездны времени, – уставившись невидящим взглядом в стену, проговорил Хрофт. – Но Они пришли раньше, неожиданно и неведомо откуда. Мы дали бой и... не устояли. Потом, говорят, пали и остальные... Убийца Бели, сын Фьёргун, брат Бюллейста, все остальные, все наши жёны – все, все погибли... Я остался один. Так у Мира появились новые хозяева. И вот я здесь, а высокие стены моих чертогов пожрал огонь... Силы растрочены в битве, ныне могу лишь малую часть из того, на что был способен прежде...

Туманные предания и намеки, кое-где передаваемые среди гномов – самой древней и мудрой расы Смертных, которые я собирал долго и жадно, разом обрели плоть. Множество разрозненных мелочей встали по местам. Были те, кто владел Миром до прихода в него Молодых Богов; и старые повелители не устояли перед натиском пришельцев.

– И ты... – Я запнулся, но Хрофт лишь махнул рукой.

– Не надо титулов, они пусты, как череп труса, катаемый прибоем! Понимаю, что ты хотел спросить. Нет, я больше не пытался. Потому что не знаю, как бороться, – но сделаю всё, чтобы узнать. Если хочешь – будь со мной, но предупреждаю: если ты вздумаешь предать меня... – Его брови сошлись, глаза полыхнули, и мне представился прежний, грозный Отец Дружин, скачущий во главе могучего войска на великую битву.

Началось мое собственное Ученичество у Хрофта. Странное, ничуть не похожее на все прежние. Очень быстро я понял, что почти всё, чем владеет Хрофт, доступно и мне, а вот ему оказалось не по силам повторить то, что умел я. Он щедро делился со мной иным знанием – не заклинаниями и боевыми магическими искусствами, а правдивой историей Мира и подробными сведениями о различных Силах, действующих в нём. Их оказалось куда больше, чем я тогда считал...

И вот настал день, когда моё Ученичество как-то незаметно уступило место союзу, а затем – по мере того, как росли мои собственные силы, – Старый Хрофт стал всё более внимательно выслушивать меня, следовать моим советам, а потом и выполнять мои просьбы. Он признал, что я сильнее его; понимая, что в будущем старыми запасами не обойдёшься, Хрофт жадно учился сам – однако Магия нового времени давалась ему с трудом. Впрочем, торопиться ему было некуда. Победители, изгнав Хрофта и перебив всех его соратников, для чего-то сохранили ему жизнь (я полагал, что не последнюю роль тут сыграло знаменитое мягко-сердечие Ялини, ненавидящей кровопролитие), лишь учинив над ним постоянный надзор. Я сразу же ощутил присутствие Недреманного Ока; однако стража занимал лишь сам Хрофт, а не его окружение.

Отец Дружин не скрывал своих целей. Он хотел, чтобы всё стало по-прежнему, а если не удастся – то отомстить. Он не требовал от меня, чтобы я сражался с ним рука об руку; ведь я в те дни ещё не знал собственных желаний. Тем не менее я помогал ему – потому что уже тогда понимал, что с Молодыми Богами мне не по пути. Голубой Город и Сигрлинн остались в прошлом, Ракот отдалился, готовя своё Первое Восстание, и я метался, не зная, чего же, в сущности, хочу.

Потом вихрь сотрясших всю Реальность войн всосал меня в свою исполинскую воронку; я составил свой собственный План, начал воплощать его и с великим изумлением в конце концов увидел огромного чёрного Замкового Ворона, вестника войны, на окне своего покоя в цитадели столицы Ночной Империи. Ворона из Замка Всех Древних, принёсшего мне вызов Сигрлинн.

В злые века изгнания моим единственным другом остался именно Хрофт. Заточённый Ракот навсегда, как я тогда думал, выпал из нашего Мира; и Хрофт действительно не жалел сил, помогая мне. Он даже не раз покидал своё единственное убежище в Живых скалах, отправляясь со мной в далёкие и рискованные путешествия – как, например, к мёртвым храмовым городам Юга, где воеет ветер над полуразбитыми алтарями сгинувших богов, откуда я бы никогда не выбрался, если бы не Хрофт.

Мы с Хагеном направились к Живым скалам. Ещё несколько лет – и мой Ученик вступит в полную силу воина. Мы начнём с танства, а потом...

Каменный Страж едва не покалечил бесстрашно, но и безрассудно бросившегося ему наперерез Хагена; однако мальчишка сумел увернуться, и моя помощь не понадобилась, хотя мой Ученик и был здорово потрясён – я не сказал ему ни слова о том, что ждёт его в Скалах.

Хрофт моим Учеником остался доволен. Мы прожили у него полных четыре года, и, наверное, это были мои лучшие четыре года. А потом... Пятнадцатилетний Хаген – уже не мальчик, но мужчина – и я покинули надёжное убежище и двинулись на юго-запад, в населённые людьми области. Наступило время разбрасывать камни, как скажет впоследствии один незадачливый последователь Мерлина...

Оружие моему Ученику ковали гномы. Несмотря ни на что, Хрофт пользовался у них отменным уважением, и они с охотой исполнили его просьбу. Конечно, Хагену для наших последующих дел требовалось что-нибудь из работы по крайней мере Древних Магов, а ещё лучше – Древних Богов, но подобраться к их тайным запасам без гномьего клинка тоже было невозможно. Я не пожалел золота, и мастера Кольчужной Горы приняли его – но трудились они всё же не ради богатства. Гномы – странная раса, они с равной страстью и созидают, и

разрушают. Но их грозный хирд – несокрушимый боевой строй – уже давным-давно не видели на поверхности, с людьми они жили мирно, целиком уйдя в работу. Однако в сердцах их навечно возжжён мрачный огонь, Жар Творящий и Пожирающий, и оттого гномы всегда с таким желанием куют мечи и вообще любую военную справу. Принимая от нас с Хагеном заказ, Дрони, старый гном, непроницаемый титул которого передавался человеческим языком как нечто вроде «тот-кто-делает-сверкающие-убивающие-рассекающие-шипы-ран», вполголоса сказал мне, внимательно глядя на моего Ученика:

– Для такого наслаждение работать... Он найдёт мечу должное применение! Сталь должна вдоволь пить крови... – И при этом его глаза сверкнули так свирепо, что от неожиданности я едва не отшатнулся.

Никто не знает, сколько раз перековывалась стальная полоса будущего меча, сколько миллионов слоёв сплавились в горниле подземной кузни. Старые слухи о чудесной силе оружия, откованного в лунном свете, оставались для меня не больше чем слухами. Я больше верил мастерству гномов, чем туманным намёкам Сигрлинн – она же никогда всерьёз не занималась простыми железными игрушками. Наш с ней поединок вёлся совсем иными средствами.

Хаген прижал сверкающее лезвие к груди, его глаза горели. Он низко поклонился старому мастеру, и Дрони довольно ухмыльнулся.

– Не забывай почаще давать ему дышать, – посоветовал он. – Меч, он, знаешь, не любит без дела дремать в ножнах. Может утратить силу...

Распрямившись, Хаген резко взмахнул рукой. Клинок с лёгким шипением прочертил в воздухе жемчужное полукружье, снеся под корень молодую сосну толщиной в сильную мужскую руку. Гномы знали своё дело.

Дрони сделал для моего Ученика также шлем, кольчугу, щит и прочие необходимые доспехи. Теперь мы могли выступить на юг.

Там, за Дубравами, лежали горы Альвланда, и без особой нужды туда никто не совался. К западу от них молодое и алчное королевство Химинвагар хищно протягивало жадные руки многочисленных и хорошо вооружённых полков ко всем незащищённым землям. К юго-западу от него тянулись на десятки лиг оборонительные валы Хранимого Королевства, хотя все и знали, что его оберегают силы куда могущественнее людских мечей и копий. А ещё дальше к югу, от границ владений Видрира до самого пролива, отделявшего Восточный Хьёрвард от южного материка, лежали владения бондов. Эти жили каждая область по-своему. Иные решали всё, даже самые мелкие вопросы, кулачными потасовками на вече, иные приглашали князей – как предводителей ополчения и беспристрастных судей. Между общинами никогда не существовало прочного мира.

К востоку от поселений бондов земли принадлежали баронам – мелким независимым правителям своих крошечных государств. Эти проводили всё время в рыцарских забавах; пиры сменялись турнирами, а турниры – пирами. Бароны враждовали с ярлами – последние всё время стремились прибрать к рукам новые земли с данниками, а бароны настойчиво пытались осуществить свою заветную мечту – заполучить выход к морю... Сами же ярлы гнездились ещё дальше к востоку, на морском побережье, где вода дошла до оголившихся древних костей Земли, до старых гор Осора. Море врезалось в глубь суши длинными языками-заливами, извилистыми фиордами, удобными для того, чтобы прятать узкие боевые «драконы». Подле одного из таких фиордов лежал и достопамятный Йоль, теперь уже, наверное, вновь отстроенный с муравьиным упрямством.

А как раз на полпути между владениями ярлов и свободными землями бондов раскинулся Хедебю – столица вольной торговой республики, перекрёсток путей из Восточного и Южного, Северного и Западного Хьёрварда. Туда стекались потоки людей и товаров со всего света, там замышлялись самые безумные и рискованные предприятия, там находили убежище и применение себе все, кого выталкивали старые земли, где народ цепко держался за закон

неделимости одаля, согласно которому вся земля переходила старшему сыну, а младшим оставалось или идти под руку брата, или же бросить всё и искать удачи в иных странах. На богатство Хедебю давно уже зарились и ярлы, и жадные вожаки бондских общин – но торговая республика могла нанять лучших бойцов. Триста золотых поясов, самые зажиточные купцы города не скупилась.

Я хотел показать Хагену этот город, провести его сквозь все призрачные соблазны вкусной еды и красивых вещей, обольстительных и доступных женщин – чтобы, познав всё, он смог бы это осознанно отринуть. И кроме того – ему нужно было собирать вокруг себя людей, последователей и соратников. Нам предстояло бросить вызов мощи Хранимого Королевства, и победить в своей первой войне он обязан был сам, без моей помощи – исключая совет, разумеется.

Примерно в дне плавания при попутном ветре от входа в залив Видвагар, на берегах которого лежала столица королевства Видрира, в море высились утёсистые громады прибрежных скал острова Хединсей. Моего острова. Когда-то давным-давно именно там основал я столицу Ночной Империи, а потом ураган войны стёр в ничто все плоды моих трудов. Остров попал в руки Сигрлинн, а она отдала его своим Ученикам, создавшим на месте моего государства Хранимое Королевство, послушное Молодым Богам. С тех пор этот остров так и стоял необитаемым, хотя внутри кольца высоких и обрывистых скал, ограждавшего его со всех сторон, было вдоволь и лугов, и полей, и ручьёв. Именно этим он и привлек меня в своё время – его земля могла прокормить немало народу. Для порядка Видрир, нынешний правитель Хранимого Королевства, всё же держал там небольшой гарнизон.

Между рубежом Хранимого Королевства и собственно бондскими областями широкой полосой тянулись владения свободных танов – вассалов Видрира; им принадлежали и несколько островов, расположенных в море подле Хединсея. В отличие от ярлов, таны редко предпринимали дальние военные экспедиции; основой их богатства оставалась земля, обрабатываемая арендаторами. Время от времени таны оказывались вовлечёнными в мелкие стычки между общинами бондов или же, объединившись, отправлялись в набег на области Химинвагара, на что правители Хранимого Королевства смотрели сквозь пальцы, и редко, очень редко дружина какого-нибудь уж совсем отчаянного тана присоединялась к ярлам, хаживавшим далеко на юг и на восток.

Так или иначе, но Хединсей ждал нас, и нужно было спешить – я не мог поручиться, что для выполнения всего задуманного мной хватит человеческой жизни Хагена, а лишать его покоя посмертия казалось мне самым чудовищным предательством, какое может совершить Маг-Учитель по отношению к своему Ученику; к подобному частенько прибегал Макран, и одного этого уже было достаточно, даже если просто не брать в расчёт моих принципов.

Мы двигались на юг. Леса остались позади; вздыбились горные кручи Альвганда, и Хаген, наслушавшись множества историй об этих существах, не сводил с вершин взгляда. Я всегда с большой осторожностью относился к Перворождённым; пусть они и почти покинули населённые людьми пределы всех четырёх частей Большого Хьёрварда, но те, которые остались, владели грозными силами, время от времени властно вмешиваясь в события и всегда стремясь прекратить войны и дать земле покой на возможно большее время. Магов они недолюбливали, но никогда не выступали против них в открытую.

Альвы же всегда занимали меня чрезвычайно. В ряде случаев они могли оказаться очень полезными, почти что незаменимыми. И они всегда готовы были прийти на помощь, правда, никогда не забывая потребовать плату – Знанием; признаюсь, порой меня забавляло, как с поистине детской непосредственностью они пытались выведать у меня заклятья, всегда относимые Советом Поколения к Тайным: как пробуждать Драконов и повелевать ими, как открывать ворота в Нижние Земли и черпать там силы, как опутать незримой сетью Мага и лишить его свободы.

Леса упёрлись в серо-коричневые склоны предгорий. Прямо перед нами распахнуло зев широкое ущелье, почти долина; видно было, как чётко проведена граница земли альвов – несколько сотен саженной безжизненной глины и камня, а затем склоны ущелья вновь покрывает трава, но уже не совсем похожая на обычную, растущую в иных местах: здесь она имела голубоватый цвет. Дно ущелья скрывали деревья, какие тоже можно было увидеть только здесь – низкие, но с очень толстыми стволами и широкими, разлапистыми листьями густо-зелёного цвета, немного похожими на кленовые, только раза в два больше. Сделанные из этих стволов брёвна не гнили, очень плохо горели и потому весьма ценились и ярлами, и бондами как материал для крепостных стен. С обеих сторон ущелья на выдававшихся вперёд утёсах, вознёсшихся над нашими головами на добрые полсотни саженной, стояли две сторожевые башни, сложенные из голубоватого камня. Изящные, стройные, с ажурной каменной резьбой, эти башни никак не походили на настоящие укрепления; альвы, ушедшие от своих творцов, тем не менее неосознанно подражали былым наставникам, хотя, конечно же, их постройки не могли тягаться красотой с творениями эльфийских мастеров, с Серебряным Кором – одной из эльфийских столиц Восточного Хьёрварда, куда за все долгие века его существования находило дорогу лишь несколько Смертных, считанных на пальцах одной руки. Я был там один раз и запомнил это зрелище навсегда.

В обращённом к нам высоком окне левой башни мелькнул быстрый голубой проблеск. Слишком быстрый, чтобы его могли заметить праздные глаза случайного странника.

– Что это было? – мгновенно напрягся Хаген, пригибаясь и заученно перебрасывая со спины щит.

– Нас спросили, достойны ли мы внимания хозяев, – ответил я, складывая руки перед грудью.

До того чтобы сделать что-нибудь, истинному Магу нет нужды произносить какие-то слова. Маги, подобно Орлангуру и Демогоргону, – есть Великий Предел между светлой и тёмной половинами мироздания. Поворачивая весь мир вокруг себя, Маг обретает силы. Заклятья же – лишь устоявшаяся форма, помогающая в работе, особенно с существами, созданными не из одной лишь косной материи.

Между моими ладонями, сложенными лодочкой, появился неяркий оранжево-рыжий огонёк, быстро вытянувшийся в острый луч высотой почти в рост человека; я ответил на вопрос стражей – альвов.

Сперва, я помню, Хагена поражали не сложные, истинно магические наши дела – спуск в Нижние Миры, вызывание мёртвых и тому подобное, – а вот эти простейшие вещи, вроде той, что я проделал только что. Я долго пытался объяснить ему, что для Мага зажечь такой огонь на ладони – всё равно что человеку, скажем, свернуть язык трубочкой или пошевелить ушами. Получается далеко не у всех, а тот, у кого выходит, всё равно не может объяснить, как он это делает. Не может объяснить и не может, конечно же, никого этому научить. Я, понятное дело, долго растолковывал Хагену учение о Магическом Огне, об изначальной Искре, что Творец вдохнул в наш Мир ещё до того, как в него вступили Молодые Боги, что в каждом Маге горит частичка этого незримого пламени и что ей можно придать множество форм, – но объяснить, какие же именно действия я предпринимаю, чтобы зажечь свой огонёк, я так и не сумел.

Теперь голубые проблески появились в бойницах и правой башне. Нас приветствовали и приглашали войти. Так мы с Хагеном пересекли границу Альвланда.

Глава V

Шёл четвёртый день, как Гудмунд, расставшись с Фроди, без устали скакал и скакал на восток. Долина Бруневагар лежала между двумя старыми, оплывшими и заросшими лесом горами. Когда-то они были частью могучей горной цепи, одной из величественнейших в Восточном Хьёрварде; тогда, впрочем, не существовало и самого понятия «Восточный Хьёрвард», а был один великий материк – до наступления Первого Дня Гнева, о котором ныне не сохранилось вообще никаких свидетельств, кроме лишь одного: сгинули все люди, что жили тогда на земле. В час Ярости Сил изменились пути ветров и вод, сместились громады континентов, Земной Щит исполосовало трещинами, волны мирового океана хлынули в образовавшиеся разломы, возникли новые моря; старые горы стёрло почти до основания, сорвало с них броню гранитов, оставив на поживу медленно глодающим добычу дождям мягкие нутряные слои. Но дух этих старых гор – а они были воистину стары, во всём Восточном Хьёрварде с ними мог сравниться возрастом разве лишь Хрофт, да ещё Орлангур с Демогоргоном, но эти принадлежали всему Миру, – дух этих старых гор был ещё жив, и, наверное, поэтому странный, известный среди Перворождённых монастырь был основан именно в этом месте.

Всё это Гудмунд вспоминал дорогой; он многое узнал из рассказов тана, которого воин уважал не только за удачливость в боях, но и за то, что порой тот выручал их всех или находил необычайно ценную добычу именно благодаря своему Знанию, куда как отличному от всего, что довелось слышать Гудмунду. Младший сын в семье обедневшего, захудалого тана на пограничье Хранимого Королевства, он давно уже ушёл из дому – сразу после смерти матери и вторичной женитьбы отца. Был стражником у богатых бондов, потом судьба забросила его в Торговую Республику, в Хедебю; голодный, но гибкий и свирепый, он пробился сквозь сито придиричивого отбора и стал городовым стражем. А потом его встретил тан – вернее, тогда он ещё не успел стать таном, а был просто Хагеном. Из детских времен Гудмунд вынес тягу к знаниям, не очень-то широко распространённую среди бродяг, искателей удачи; именно за это Хаген в своё время и выделил его среди прочих, а потом одобрил Хедин, таинственный Учитель тана...

И сейчас воин мчался к монастырю, прекрасно понимая, что этим, быть может, положил конец своей службе у Хагена, – тан не прощал неповиновения; но, едва перед глазами Гудмунда вставало лицо умирающего эльфа, глаза Перворожденного, все сомнения, сожаления и страхи отлетали прочь. Старшие братья людской расы никогда не лгали младшим, и, если эльф просил передать кому-то известие, это нужно было сделать во что бы то ни стало.

Мало-помалу сгустился вечер. Местность, через которую ехал Гудмунд, люди, похоже, покинули давным-давно – опытный глаз ещё угадывал в попадающихся пятнах мелкоколосья старые поля, проглоченные диким бором. Сохранились и какие-то подобию дорог, превратившиеся в узенькие тропки, – одной из них и скакал Гудмунд, низко пригибаясь к шее коня. Всё время пути его не переставало терзать беспокойство – что, если та неведомая Ночная Всадница направлялась туда же, куда и он сам, и смысл поручения эльфа состоял именно в том, чтобы в монастыре успели подготовиться к отпору? Что, если эта странная, необычайно опасная ведьма устроит засаду ему самому, каким-нибудь колдовским способом обнаружив за собой погоню? Гудмунд не слишком надеялся обогнать свою страшную противницу – Ночные Всадницы потому и прозывались Всадницами, что и пешком они запросто могли потягаться с любым конником. Ведьм Гудмунд боялся и ненавидел. Ненавидел и боялся с самого детства: накрепко засело в голове убеждение, что именно от ведьмино колдовства умерла его мать – она отказалась дать капризной и своенравной особе, заявившейся в её дом, своё последнее нарядное платье, память о более счастливых временах, в уплату за снятие коровьего мора, который, как никто не сомневался, эта же колдунья и наслала. Ведьма ушла, напоследок про-

шипев прямо в лицо матери Гудмунда что-то злобно-неразборчивое; мать вздрогнула, как от удара, а спустя несколько месяцев умерла от странной болезни, с которой не смог справиться ни один из местных знахарей. Воин Хагена ещё не знал, что Ночные Всадницы не похожи одна на другую, и не задумывался, за кем охотится эта; такому человеку – или нечеловеку – он готов был стать союзником.

Его спасло то, что устроившая на него засаду оказалась слишком любопытна. Тонкая, почти невидимая верёвка внезапно выпрыгнула из травы под копытами коня, лошадь споткнулась, и воин кубарем покатился по земле. В последнее мгновение он каким-то чудом успел заметить подозрительное мельтешение в зарослях и сумел упасть на руки. Перекатившись через голову, воин оказался куда дальше от кустов, чем рассчитывал бросившийся из зарослей поимщик. Вторым прыжком он-таки дотянулся до Гудмунда, набрасывая на того ловчую сеть, но воин Хагена уже выхватил короткий и толстый кинжал с двойным лезвием – от основного, прямого, у самой крестовины отходило второе, загнутое наподобие серпа; оружие напоминало обычный багор, только стоило больше, чем, наверное, все багры Восточного Хьёрварда, вместе взятые, потому что выковали его руки мастеров Кольчужной Горы; никакой сработанный людской рукой клинок не смог бы разрезать эти кажущиеся такими тонкими, но необычайно прочные верёвки ловчего снаряда Ночной Всадницы.

Со скрежетом, словно рассекая металл, нож проделал в сети длинную прорезь; извернувшись, Гудмунд вскочил на ноги – в ловкости он лишь немногим уступал своей противнице.

Конечно же, ему было бы несдобровать, имей Ночная Всадница под рукой свою Огненосную Чашу. Но ей, видно, понадобился живой, способный говорить пленник, и жуткое оружие осталось в кустах.

Ведьма отбросила прочь прорезанную сеть. Её тонкую фигуру обтягивал тёмно-зелёный плащ, плотно схваченный несколькими ремнями; Гудмунд и глазом моргнуть не успел, как один из этих ремней оказался в руках у его противницы.

Воин выхватил меч и замахнулся, стремясь покончить дело одним ударом, но Ночная Всадница вдруг как-то удивительно ловко отскочила в сторону, ременная петля охватила кисть Гудмунда, сжимавшую эфес, и от резкой боли в руке он выпустил оружие, чем и спасся вновь, сам о том не зная, – петля соскользнула, и он сумел отпрыгнуть.

Ведьма нарочито-неторопливо подобрала клинок и молча двинулась вперёд. Тяжёлый меч, как влитой, лежал в её небольшой, изящной ладони, и незаметно было, что он для неё слишком велик.

Гудмунд похолодел. Его обезоружили играючи; в запасе оставался только нож-крюк. Им воин владел великолепно, и сейчас у него оставался только один выход – удивить свою противницу.

Он взмахнул рукой. Сверкнув, хитроумное изделие гномов полетело вперёд; из рукояти с лёгким шелестом разматывалась тонкая цепочка, другой конец которой Гудмунд крепко сжимал в кулаке. Благодаря особой работе, нож всегда летел острием вперёд и крюком вниз; он был нацелен в лицо Ночной Всаднице, та было отклонилась, лезвие свистнуло у нее подле уха, и тут Гудмунд резко рванул цепь.

Остро отточенный, загнутый подобно орлиному клюву клинок-крюк впился в плечо Всадницы и, раздирая плоть, выставил наружу окровавленное остриё. Прекрасный враг Гудмунда тонко вскрикнул, рот ведьмы искривился в муке; но даже боль не замутила её рассудка. Она внезапно прыгнула вперёд, так что туго натянутая цепь провисла, и вытолкнула клинок Гудмунда из раны назад, себе за спину. Воин вновь дёрнул за цепочку, и верное оружие словно само прыгнуло ему в руку.

Не теряя ни секунды, Гудмунд снова метнул нож-крюк, но Ночная Всадница не попадалась дважды на одну уловку; несмотря на рану, вокруг которой по плащу быстро расплзлось тёмное пятно, она смогла уклониться – стальной клюв лишь впустую чиркнул по земле. Однако

и сама начать атаку ведьма явно не могла; закусив губу, она шажок за шажком медленно отступала к кустам, прижимая левую руку к ране, а в правой по-прежнему держа меч Гудмунда.

Хищно изогнутое лезвие крюка зловеще шелестело, рассекая воздух; воин крутил оружие над головой, выделявая им запутанные восьмёрки и петли, и одновременно прикидывал, как ударить, чтобы сразу – наверняка.

Однако он забыл, что ему противостоит не обычный боец, пусть и хорошо обученный разным трюкам. У Ночной Всадницы имелись в запасе и более сильные средства. Отбив мечом очередной удар крюка, она внезапно воткнула клинок в землю, сжала плечи, её локти сошлись, плотно прижатые к телу; в полураскрытых ладонях она словно держала нечто похожее на шар. Её лицо стало снежно-белым, глаза широко раскрылись, а между узких ладоней за клубился плотный сизый туман. Она накладывала заклятье.

Однако никакой Маг не может сотворить волшебство молниеносно; чем менее искусен налагающий и чем меньше у него сил, тем больше потребно времени. Именно поэтому Гудмунда встретила простая верёвка поперёк дороги, – очевидно, ведьма опережала его совсем ненадолго и не успела соорудить сложную магическую ловушку; от простого же заклятья конный воин ушёл бы легко. Во время Наложения все движения очень важны – Ночная Всадница не могла сейчас даже защищаться, однако она точно рассчитала необходимые мгновения. Гудмунду нужно было вновь принять в руку отбитый ведьмой и врезавшийся в землю крюк и затем снова замахнуться; смертоносное лезвие уже летело в цель, когда малое заклятье Сна начало действовать. Гудмунд зашатался, его взор обесмыслился, ноги подкосились.

Будь здесь Хедин, он смог бы увидеть, как ведьма словно бы плеснула чем-то сероватым на незримого астрального двойника Гудмунда, самую низшую из астральных Теней Души. Это заклятие Сна очень просто, действует оно недолго, но ведьме хватило бы и нескольких секунд.

Воин чувствовал, как сознание заливают липкая серая пелена, как отказываются повиноваться ноги; он упал на четвереньки, нож-крюк, бесполезный, валялся в десяти шагах от него; в левой руке Гудмунд ещё держал цепь, но не имел сил даже пошевелить пальцами. Сон одолевал его, ещё немного – и веки смежатся...

Ночная Всадница выдернула меч из земли и, подойдя к Гудмунду, стала прицеливаться, намереваясь оглушить воина ударом эфеса по затылку.

И всё же что-то мешало заклятью ведьмы подействовать до конца. Гудмунд скользил по самому краю бездны забытия, так и не проваливаясь в неё. Он внезапно увидел перед собой лицо матери – и сотрясшая его ненависть помогла душе удержаться на узком карнизе, под которым во мглу бесконечности уходила бездонная пропасть... Воину кое-как повиновалась лишь правая рука, и он, прижимая её к земле, сумел незаметным движением повернуть крошечный рычажок на оковывавшей кисть латной рукавице. Раздался лёгкий щелчок.

На воина упала тень – ведьма подошла вплотную; и в ту же секунду, когда она замахнулась, Гудмунд потратил последние силы на один стремительный опережающий удар. Четырёхдюймовый острый шип, высунувшийся из его железной перчатки, вонзился в ногу ведьме. Раздался истошный крик, и в тот же миг заклятье рухнуло. Одолевая тошноту, Гудмунд вскочил, ударом ноги вышиб из рук ведьмы свой меч и вновь занёс крюк, впрыгнувший ему обратно в руку.

И тут Ночная Всадница сочла за лучшее прекратить бой. Ей попался странный противник, с которым нужно было сражаться совсем по-иному, и она выбрала отступление.

У Гудмунда хватило рассудительности не броситься очертя голову в погоню. Там, в зарослях, его бы настигла внезапная смерть от вылетевшей неведь откуда крошечной отравленной иглы; и потому, едва Ночная Всадница скрылась, он подобрал меч, поспешно вскочил в седло и погнал коня что было сил. Теперь каждый поворот, каждый куст мог грозить гибелью – он хорошо помнил Огненную Чашу, стершую с лица земли целую засаду!

«Итак, эльф был прав, – думал воин. – Ведьма идёт к монастырю. Она «стала на след»... хотел бы я знать, на чей, и не завидую тому, за кем она охотится... Остаётся только надеяться, что до монастыря я доберусь раньше, чем она, – я всё же её слегка задел».

Ночью он не останавливался, шёл пешком, давая отдых коню, – страх всё равно не позволил бы ему смежить веки. Тем временем местность вокруг него вновь стала меняться. Теперь Гудмунд ехал среди длинных, пологих склонов старых-престарых гор. Кое-где виднелись безлесные вершины. Исчезли привычные ели, сосны, пихты, лиственницы; их место заняли торжественные, странные деревья, застывшие, словно воины в боевом порядке, очень прямые и необычайно высокие; их вершины уходили к самым облакам. Землю у их подножий покрывал толстый слой мха; и даже слышавшиеся здесь птичьи голоса совсем не походили на пение обычных крылатых обитателей Восточного Хьёрварда. Гудмунд перевёл дух: устроить в таком чистом и далеко просматриваемом лесу засаду – не по умению Ночной Всадницы.

Зато нашлись другие.

Из-за древесного ствола толщиной в добрую крепостную башню прямо перед мордой лошади Гудмунда появился одетый в тёмно-синее юноша, худощавый и бледный, с длинными тёмными волосами до плеч и глубоко посаженными тёмными же глазами. В руке он держал посох, заканчивавшийся странным навершием – причудливым переплетением то ли пяти, то ли шести тонких заострённых отростков; если смотреть на них спереди, их рисунок напоминал руны Аол – «Начало» в алфавите великанов, что правили Хьёрвардом задолго до Первого Дня Гнева. Гудмунду эти руны как-то показал Хедин, Великий Учитель, сказав при этом:

– Ныне они почти не в ходу. Маги пользуются Тайнописью Феанора, люди – новым звуковым алфавитом, что создал Мерлин. Лишь гномы в своих секретных трактатах по кузнечному делу ещё пишут изначальными рунами...

Тёмные глаза властно смотрели на Гудмунда. Понимая, что достиг цели, воин натянул поводья и спешил. Юноша, по-прежнему не произнося ни слова и пристально глядя на приезжего, направил на него вершину своего посоха. Гудмунд начал было заготовленную речь, однако его прервал энергично-досадливый жест сухой ладони. Недоумевая, воин умолк.

Юноша смотрел на него ещё с полминуты, а затем, так и не произнеся ни слова, сделал какой-то быстрый жест, и направленные на Гудмунда отполированные деревянные отростки на посохе внезапно ожили, бросившись вперёд с быстротой атакующих змей; да что там змей! Бывалый воин Хагена сумел бы увернуться от гадов; здесь же его оплели в долю секунды, он оказался туго связан по рукам и ногам, не в силах пошевелиться. Его рука застыла, намертво прикрученная к эфесу.

– Эй, что за шутки, спали вас Ямерт?! – яростно заорал Гудмунд, дёргаясь в тщетных попытках ослабить путы. – Я же сюда не просто так!

Не слушая воплей, юноша задумчиво окинул пленника взглядом, почесал подбородок и, вроде оставшись довольным, легко поднял посох за противоположный конец и понёс перед собой, помахивая им, точно веточкой. Гудмунд продолжал изощряться в ужасных проклятиях и вдруг ощутил резкую боль в губе – острый конец одного из оплетших его отростков весьма деловито пытался проделать дыру в губе воина с явным намерением зашить ему рот в самом прямом смысле слова. Поперхнувшись от ужаса, Гудмунд замолчал – и отросток тоже отступил.

«И сюда я мчался сломя голову, дрался с Ночной Всадницей, едва остался жив!.. – ошарашенно думал воин. – Но, быть может, это просто привратник, который встречает так всех неожиданных гостей? Но какая силища!»

Гудмунд не мог смотреть по сторонам, перед его глазами мелькал лишь один мох; однако шли они недолго. Гудмунд услышал лёгкий скрип открываемых ворот, его внесли внутрь, поставили на ноги, и тут путы исчезли.

Воин быстро огляделся. Он стоял в углу довольно просторного двора, окружённого с трёх сторон одноэтажными бревенчатыми строениями вполне обычного вида, с окнами и дверьми. За его спиной между двух таких домов были ворота, на противоположной же стороне, вдоль пологого ската горы, вытянулось длинное трехэтажное здание. Его фасад был словно выпилен из цельного куска исполинского дерева – искусство мастеров сохранило бесчисленные годовые кольца.

Больше ничего странного или запоминающегося Гудмунд вокруг себя не увидел. Дома как дома, совсем простые – глаз не мог зацепиться ни за резной наличник, ни за расписную ставню...

Рядом с Гудмундом стояло четверо. Притаившийся сюда юноша со столь необычным посохом; молодой мужчина с лёгкой бородкой, в таком же, как у юноши, плотном тёмно-синем плаще и с таким же посохом в руках; на шее у него висел кусочек тёмно-коричневого отполированного дерева. Третьим был грузный, с большим животом, уже пожилой человек с двойным подбородком и красноватым носом; он тоже носил на груди кусок древесины, но уже много светлее. Четвёртым же стоял очень прямой и очень сухой старик с орлиным носом. Лицо его казалось коричневым; в руках старика воин Хагена увидел не посох, как у остальных, а лишь тонкую веточку. И кусочек дерева у него на шее был совершенно бел.

– Послушайте, – начал Гудмунд. – Я издалека. Мне очень нужно поговорить с настоятелем!.. У меня срочные известия! И почему надо было тащить меня сюда таким способом?!

– Во владениях Дальних Сил ваши смешные правила не действуют, человек, – безразлично сказал молодой мужчина. – А всё, что ты мог сказать, мы и так знаем.

– Умиравший эльф просил меня обязательно добраться до долины Бруневагар, где стоит монастырь, – отчеканил Гудмунд, глядя в упор на старика, судя по всему, бывшего здесь главным. – Отыскать настоятеля этого монастыря и предупредить его, что одна очень ловкая Ночная Всадница встала на чей-то след, с помощью Извергающей Огонь Чаши истребила целую засевающую у неё на пути засаду и теперь направляется напрямик сюда! Вот что должен был передать я, и, клянусь вековой тьмой, я не заслужил подобного приёма!

На него вновь посмотрели, как на докучливого ребёнка, а затем вдруг заговорил толстяк:

– А кому ты служишь?

Природная осторожность заставила Гудмунда солгать:

– Я наёмник, солдат удачи.

Толстяк бросил быстрый взгляд на старика с орлиным носом, всем видом своим выражая: «Ну, что я вам говорил?»

– Ты лжёшь, червь, – холодно бросил старик. – Ты – воин тана Хагена, Ученика Мага по имени Хедин. Я прочёл это в твоих мыслях. И намерения этого Мага нам слишком хорошо известны, чтобы отпустить тебя. В яму его! – распорядился орлиноносый, теряя всякий интерес к воину и поворачиваясь к нему спиной.

– Если ты читаешь мысли, неужто ты не видишь, что я просто хотел вам помочь! – извиваясь в жестоких объятиях вновь оплётших его отростков посоха, крикнул Гудмунд. – Я ненавижу ведьм! И убиваю их при первой возможности! Остановитесь!

С таким же успехом он мог взывать к мерно наступающему на берег приливу.

Его оттащили в угол двора, доски в стене расползлись сами собой, открылся тёмный, наклонно уходящий вглубь проход. Юноша неторопливо обезоружил Гудмунда, а потом резко взмахнул своим посохом, точно хозяйка, стряхивающая веник, и воин кубарем покатился вниз, успев всё же послать наверх самое чёрное, подсердечное проклятие.

Он очутился в тесной, полутёмной каморке, с крошечным зарешеченным оконцем под самым потолком. Стены были обшиты досками – пропустив Гудмунда, они сразу же, точно живые, закрылись за ним. В его тюрьме не оказалось ничего, кроме голых стен; выругавшись самым замысловатым образом, Гудмунд почти рухнул на пол и замер, закрыв лицо руками. В

голове у него всё смешалось. Эльфы никогда не стали бы водить дружбу со злодеями и мучителями; тогда почему же его швырнули сюда? Может, они в союзе с Перворождёнными, но во вражде с Учителем Хедином?!

Однако Гудмунд ничего не знал о Дальних Силах; вскоре он прекратил бесплодные попытки. «Если не убили сразу – значит, зачем-то ещё могу понадобиться. Или меня заточили здесь пожизненно?»

Однако не прошло и часа, как там, наверху, поднялся какой-то переполох – шум пробили даже в Гудмундово узилище. Сперва воин услышал крики, потом – низкий, басовитый рык; он сменился грохотом, от которого у воина оледенело сердце и едва не остановилось дыхание – в кого-то на поверхности направлено было невероятно мощное заклятье. Однако и после этого шум не утихал; к крикам, вою, визгу прибавилось ещё какое-то шипение, а затем Гудмунд увидел, как серый свет, пробивавшийся из узкого оконца его камеры, сменился багряным. Наверху пылал пожар, и он не мог ошибиться в его причине, раз увидав в действии Огненосную Чашу. Ночная Всадница добралась до тех, по чьему следу шла. И, видит милосердная Ялини, в тот миг Гудмунд, при всей своей ненависти к ведьмам, испытал нечто вроде мстительного удовлетворения. Тем временем пожар наверху всё ширился, звуки боя становились всё громче; в окно пополз едкий дым. Воин закашлялся и, быть может, так и окончил бы свои дни, задохнувшись, но тут над его головой точно лопнула молния, пол содрогнулся так, что он не устоял на ногах; над ним пронеслась клубящаяся струя огня, плавающие брёвна и доски разлетелись в разные стороны, и воин увидел над собой небо. Вокруг мгновенно стало невыносимо жарко; прикрывая голову плащом, Гудмунд бросился прочь из горящих развалин; только выбравшись из полыхающего дома, он огляделся.

Половины строений, ограждавших двор, уже не было – на их месте громоздились груды обугленных брёвен и стропил. Изглоданные огнём ворота тоже валялись на земле, а подле них лежал на спине, широко раскинув руки и ноги, тот самый юноша, что встретил Гудмунда в лесу. Около убитого воин увидел всё своё оружие – очевидно, тот так и не успел с ним расстаться. Больше во дворе никого и ничего не было, ни живых, ни мёртвых, а вот из длинного трехэтажного здания, которое Гудмунд определил для себя как главное в монастыре, доносился тяжкий грохот, дикие крики, время от времени раздавался звон стали, из окон то и дело вырывались языки огня или струи дыма, но загораться это строение решительно не желало.

Очевидно, решил Гудмунд, ведьме удалось каким-то образом сломить сопротивление здесь, во дворе, и теперь бой шёл уже внутри; кстати, мёртвый юноша тоже не имел ожогов, как и погибший эльф, он казался лишь спящим.

Гудмунд обнажил меч, взял на изготовку в левую руку нож-крюк... но все эти действия так и не подсказали ему, что делать дальше. Осторожность и благоразумие требовали, чтобы он, воспользовавшись случаем, поспешил бы убраться восвояси, но, с другой стороны, если у Учителя объявились какие-то новые враги, следовало во что бы то ни стало разузнать о них как можно больше. Гудмунд поколебался ещё несколько мгновений, с сожалением взглянул на окружавшие монастырь прекрасные лесные исполины, вздохнул, поудобнее перехватил меч и решительно зашагал к дверям главного здания.

Он толкнул тяжёлые створки, вошёл внутрь... увидел на полу ещё одно мёртвое тело – на почти полностью сгоревшем посохе ещё шевелились обугленные отростки – и осторожно двинулся в глубь дома, туда, где слышались рёв, свист и вой.

Вряд ли Гудмунд смог бы многое рассказать об убранстве комнат, которыми он шёл, – здесь основательно погулял огонь. Воин обнаружил какие-то изломанные, полусожжённые скамьи, шкафы, сундуки; несколько раз ему под ноги попались остатки толстых старых книг.

Он поднялся на второй этаж, там была та же картина. Но вот слева от него открылся широкий проход, ведущий в просторный зал – деревянные стены дома здесь плавно смыкались с каменными сводами огромной пещеры, – и, заглянув туда, Гудмунд увидел схватку.

Воистину, на это стоило посмотреть! Тонкая фигурка в обгоревшем по краям плаще, с Огненной Чашей в правой руке и чёрным кривым мечом в левой – против полутора десятков мужчин, одетых в синее, среди которых Гудмунд разглядел давешнего орлиноносого старика. По залу катились незримые валы заклинаний, от мощи которых сотрясались стены и откалывались камни от скальных сводов; посохи старались опутать ведьму своими отростками, но она с непостижимой ловкостью или рубила их своим Чёрным Мечом, или опаляла струями огня из Чаши, или останавливала каким-то заклятьем; на защитников монастыря низвергались потоки пламени, но старик вскидывал руки, и упругие воронки вихрей отбрасывали смертоносный жар в стороны. У нескольких бойцов в синем Гудмунд заметил в руках длинные серебристые мечи, от которых расходился неяркий свет. Эти клинки легко рубили в ключья огненные струи, но, сталкиваясь с Чёрным Мечом, лишь выбрасывали огромные снопы искр.

Гудмунд застыл, поглощённый невероятным зрелищем; ведьма залечила оставленную его крюком рану, свободно сражаясь сейчас обеими руками.

Ночной Всаднице удался ловкий приём – один из мечников неудачно встретил нацеленную в него струю огня, меч с державшей его рукой исчез в рыжих клубах; и пламенная река тут же словно взорвалась изнутри мертвенно-бледными вспышками. Шум боя перекрыл дикий, тонкий визг, разорванное напополам мёртвое тело рухнуло на пол, от меча остался только огарок эфеса. Видно, это оружие могло противостоять огню, только если пламя нехватило руку державшего клинок.

Но тут и саму Всадницу настиг крутящийся, упругий вихрь, посланный стариком – про себя Гудмунд считал его настоятелем. Удар швырнул ведьму на камни; издав торжествующий клич, на неё кинулись несколько монастырских бойцов, с посохами и мечами наперевес; настоятель воздел руки, готовя новое заклятьё, – но Ночная Всадница, хоть и потрясённая падением, сумела откатиться в сторону и опалила насмерть ещё одного врага. Пол, где она только что лежала, взорвался чёрными брызгами камня, раздробленного заклятьем, – но ведьма уже стояла на ногах.

Гудмунд не мог понять, чего добивается его бывшая противница. Не похоже было, что она сражалась только за свою жизнь, – путь к отступлению оставался: нет, она настойчиво, шаг за шагом пробивалась куда-то в глубь тёмной пещеры, куда её отчаянно пытались не пропустить настоятель со своими молодцами. Гудмунд не понимал ни смысла, ни целей, ни причин этого боя – и колебался, не зная, как поступить.

А тем временем дела Ночной Всадницы шли всё хуже и хуже. Скользящий меч оставил на левом предплечье длинный кровавый рубец за миг до того, как сам нанёсший удар превратился в груды пепла; одно из заклинаний настоятеля пустило на ведьму дождь из кипящего масла – она увернулась, но часть капель всё же попала на лицо; потом толстяк, преодолев защиту Чёрного Меча, со страшной силой ударил ведьму в бок торцом своего посоха, и она с тяжёлым стоном упала на одно колено. Она сумела зарубить ещё одного противника, но Гудмунд видел, что Всадница теряет силы, сдерживая магические атаки, нанося ответные и не переставая при этом поливать огнём всё вокруг себя.

Гудмунд ни на миг не терял осторожности, и всё же его заметили, когда капли жидкого пламени упали прямо около того места, где он прятался. Один из бойцов в синем крикнул, указывая на него настоятелю, и, держа посох в правой руке, бросился прямо на Гудмунда. Воин встретил его цепью от своего крюка-ножа: её длинный свободный конец, брошенный умелой рукой, обмотался вокруг ног бежавшего, тот упал – однако, тотчас вскочив, вновь ринулся вперёд. Убедившись, что драки не избежать, воин Хагена метнул загнутае клювом лезвие. Железо вошло в шею; тело дёрнулось и замерло.

Так, против собственной воли, Гудмунд оказался втянут в схватку, да ещё на стороне той, вместе с кем он не стал бы сражаться ни под каким видом, имея он возможность выбирать.

Ночная Всадница оглянулась, и воин Хагена содрогнулся, встретив её безумный взгляд. Ведьма с удвоенной силой атаковала своих противников; защитники монастыря вынужденно попятились. Мечущиеся пятна света проникли глубже в заповедный подгорный полумрак, и Гудмунд разглядел где-то на самой границе темноты странные зеленоватые сполохи, играющие на сотнях и тысячах тонких граней, – там угадывалась огромная глыба какого-то неведомого кристалла поистине невероятных размеров.

Пока Гудмунд гадал, что это может быть такое, Ночная Всадница на миг оторвалась от наседавших на неё, и огнистые потоки потекли по гладкому полу прямо к загадочному зеленоватому мерцанию. На камнях заплясали языки пламени – свет вырвал из небытия огромный зеленоватый алтарь, вырезанный из цельной глыбы не известного Гудмунду прозрачного чистейшего самоцвета. В его глубине угадывались смутные контуры какого-то очень высокого существа, облачённого в длинный прямой балахон; больше воин ничего не сумел разглядеть, потому что камень вдруг полыхнул неистовым зелёным огнём; потоки непереносимо яркого света хлынули с высоты, и Гудмунд невольно рухнул на колени – этот свет лишал его сил и воли к борьбе; пол под ногами затрясло.

Скорчившаяся фигурка Ночной Всадницы почти исчезла под бросившимися на неё бойцами монастыря; один из воинов с размаху отшиб мечом в сторону поднявшийся было навстречу чёрный клинок; в спину жреца словно ввинчивалась толстая спираль ослепительно яркого зелёного свечения, тем же огнём пылало и лезвие его оружия. Он нанёс удар, Гудмунд вновь услышал стон, но взметнулись рыжие пламенные клубы, и удачливый воин монастыря исчез в огненном вихре.

Зажимая широкую рану на боку, из груди тел вырвалась Ночная Всадница; сзади на петле беспомощно волочился Чёрный Меч; Чашу она плотно прижимала к боку левой рукой. Настоятель сделал несколько шагов ей вдогонку; он взмахнул рукой, словно метнув копьё вслед убегающей; и тут, повинувшись странному наитию, Гудмунд тоже метнул свой верный крюк – туда, где могло бы быть это копьё, оказался оно видимо...

В воздухе словно расцвёл цветок, огнистый и многоцветный. Вихрясь во все стороны, брызнули струи ярких переливающихся капель пламени; стены начали рушиться. Гудмунд рванул цепь обратно и едва вытерпел ожог – настолько горяч был его нож; клинок приобрёл странный зеленоватый оттенок.

В руку воина вцепились сухие, тонкие пальцы – и он увидел умоляющий взор ведьмы. Глубоко-глубоко, прямо в душу Гудмунда смотрели эти глаза и... кто до конца поймёт мужской рассудок? Он подхватил своего бывшего врага и со всей быстротой, на какую оказался способен, потащил её прочь по коридорам и лестницам, слыша за спиной вопли погони, через наполовину выжженный двор, через пустой проём ворот... Позади них несколько раз всё вспыхивало – Ночная Всадница, собирая последние силы, прикрывала их отступление.

Когда они оказались за пределами монастыря, Гудмунд изо всех сил свистнул – и услышал ответное ржание своего верного коня; у воина отлегло от сердца. Он едва успел вскинуть Ночную Всадницу в седло и вскочить сам, как из ворот выбежали догоняющие. Гудмунд дал шпоры коню, позади него вновь вспыхнуло пламя, скакун рванул галопом, замелькали необъятные древесные стволы исполинских зелёных башен; Гудмунд остановился, лишь когда начал шататься вконец загнанный конь.

Вокруг уже стоял обычный северный лес; погоня, если она и была, наверное, отстала; Гудмунд и Ночная Всадница сидели друг против друга. Только теперь воин смог разглядеть, какие жуткие следы оставил на ведьме этот бой. Пять длинных рубцов от удара мечами; правый бок проткнут, плащ задубел от крови, прилипнув к большой ране; одна часть лица жестоко обожжена, другая являла собой сплошной кровоподтёк. С трудом двигалась правая рука, лоб пересекал глубокий порез.

Сидели молча: Гудмунд был совсем сбит с толку, а о чём могла думать Ночная Всадница – кто же сможет сказать? Тан Хаген нет-нет да и прибегал к услугам ведьм – порой от них можно было вызнать поистине бесценные вещи; и сейчас Гудмунду надлежало как следует расспросить её – кто, откуда, за кем охотилась, почему напала на него, почему – на монастырь; узнать также всё, что возможно, и о самом монастыре – почему его связали и заточили, что за кристаллический алтарь и всё прочее...

– Прощай, воин, – вдруг шёпотом, одними губами произнесла ведьма. Она неожиданно поднялась и, несмотря на свои раны, явно собиралась дальше идти в одиночку.

– погоди! – воскликнул Гудмунд. – Неужели ты ничего не расскажешь мне? Что значил этот бой?

Ночная Всадница чуть заметно усмехнулась изуродованным лицом:

– Не тебе допрашивать меня, Смертный; радуйся, что я оставляю тебя в живых. – Огненная Чаша была выразительно направлена на Гудмунда. Он замер, обездвиженный; нож-крюк был под рукой, но ведьма всё равно опередила бы его. – Но запомни, – продолжала Ночная Всадница, – придёт день, и твои хозяева горько пожалеют, что зелёный камень в Бруневагарском монастыре всё-таки уцелел... А теперь прощай!

– Я ведь спас тебя, – глядя прямо в глаза с вертикальным зрачком, сказал Гудмунд. – Даже дикий зверь знает, что такое благодарность.

– Ты спас меня? А может, это я прикрывала тебе спину?

Гудмунд опешил; а ведьма, сделав ещё несколько шагов, исчезла в зарослях – бесшумно, как это принято у её племени.

Глава VI

Бран привёл тана Хагена наверх, в высокую и чистую горницу, где пол устлала мягкие домотканые половики, молча пододвинул к столу тяжёлую лавку, поставил жбан с пивом и две глиняные кружки. Тан сел; Бран же, по-прежнему не произнося ни слова, ловко развернул одной рукой послание Хрофта и стал пристально его разглядывать. Хаген терпеливо ждал.

– Идешь усыпить Пса? – полувопросительно, полуутвердительно сказал наконец Бран, поднимая глаза на гостя.

«Интересно, это Хрофт ему написал или он сам догадался?» – подумал Хаген и кивнул головой.

– Опасное дело, – прищурился Бран. – Ты сам-то бывал на Гнипахеллире? Нет? Жуткое место. Гиблое. Ни еды, ни воды – одна отравка. Да ещё всякие страхи там от века копят. Не знаю, не знаю... стоит ли мне туда соваться. Что ещё жена скажет. – Он глянул через плечо на дверь, словно ожидая немедленного появления супруги.

– Разве может воин оглядываться на женщин? – поднял бровь тан.

– Я не воин, – равнодушно бросил в ответ Бран; казалось, он о чём-то сосредоточенно размышляет. – Однако, славный клинок! – Здоровая рука хозяина взяла со стола подаренный Хрофтом нож. Бран повертел его и так и эдак, пристраивая за поясом.

– Ты понимаешь, что случится, если Пёс вырвется? – зашёл с другой стороны Хаген.

– Понимаю, – прищурился Бран. – Это я понимаю... Неясно мне только, отчего это именно ты взялся за это дело; почему Хрофт выбрал именно тебя?

Любого, дерзнувшего бы так заговорить с таном где-нибудь в Хедебю или Химинвагаре, не говоря уж о землях ярлов, танов и бондов, Хаген просто разрубил бы одним ударом от плеча до поясницы; но здесь... Ученик Хедина лишь молча пожал плечами и сделал добрый глоток оказавшегося превосходным пива. Однако Бран продолжал молча ждать, явно не удовлетворившись этим.

– Я давно знаю почтенного Хрофта, – произнёс Хаген. – И совсем недавно мне случилось побывать у него вновь. Он рассказал мне о пробудившемся Псе и посоветовал обратиться к тебе. Неужели он мог ошибиться?

– Да нет, конечно же, нет, – успокаивающе вытянул руку Бран. – Просто далеко не каждому открыта дорога к Хрофтову жилью... вот я и спросил, так что ты не сердчай.

– А ты сам бывал у него? – в свою очередь переходя в наступление, в упор спросил Хаген.

– Бывал... – отозвался Бран и в свою очередь омочил в пиве усы. Распространяться на эту тему он не стал и, прежде чем Хаген задал ещё вопрос, заговорил сам:

– К Псу идти, конечно, надо... это будет славный поход! – Он коротко засмеялся. – Ладно, тан Хаген! Станный ты человек, и не понял я тебя до конца – ну да ничего. Ты хоть и молод, но, я вижу, в переделках побывал; так что, с лесной помощью, доведу я тебя до Гнипахеллира – а там видно будет. По рукам?

– Доведёшь до Гнипахеллира, а что дальше? – пристально глядя на Сухую Руку, произнёс Хаген. – С Псом я управлюсь сам, а как насчёт обратной дороги?

– Ох, не веришь ты людям, – потемнел лицом Бран. – Я ж сказал тебе – там видно будет! Не очень Лес любит, когда его Коридорами вперёд-назад шастают, как до колодца!

Этого Хаген не знал.

– Хорошо, – холодно сказал он. – Доведи меня до Гнипахеллира Лесным Коридором. Мне нужно добраться до Пса как можно быстрее!

– Вообще-то негоже людям во все эти колдовские дела лезть, – ворчливо заметил Бран, – но да уж ладно... почтенный Хрофт просит... Что ж, молодой тан, посиди пока, мне собраться надо.

Сборы оказались долгими. Бран достал целую грудку разнообразного охотничьего снаряжения, чистую, хоть и застиранную одежду, потом развёл в печи большой огонь и стал готовить густой отвар из хвои и листьев; от котла повалил густой пар, а Сухая Рука, разложив всю свою справу на деревянной решётке, вдвинул её в самые плотные слои остро пахнущих испарений. Когда же отвар остыл, он тщательно им натерся.

– Что смотришь? Давай, делай, как я, – бросил он удивленно глядевшему на него Хагену. – Когда идёшь в гости к другу, ты же приводишь себя в порядок?

Тан пожал плечами, но подчинился; наконец, когда всё было закончено, Бран повернулся к гостю:

– Сейчас, я жене сказать должен. Жди здесь. – Он шагнул к двери, но тут она сама распахнулась ему навстречу.

– И куда это ты собрался, хотела бы я знать? – послышался из тёмного проёма высокий женский голос. – Видано ль такое – на старости лет да все по лесам шастает, ровно тать! Дом в забросе, дрова кончаются, в колодце бревно раскрошилось, в курятнике дыра – того и гляди лиса повадится, а он, гляди-ка, снова в лес! И кто же это тебя, старого, опять с толку-то сбил, какой гость незваный?! – В продолжение этой речи Бран, слегка присев и разведя руки, медленно пятился назад, словно загоразивая тана; Хаген же медленно поднялся; его душило бешенство: какая-то простолюдника дерзает своими воплями вмешиваться в его дело! Что ж, она сейчас замолчит... Если её не заставит умолкнуть Сухая Рука, он, Хаген, сделает это сам.

Однако не похоже было, что Бран в состоянии утихомирить свою жену. Он лишь растерянно бормотал что-то, виновато глядя на неё – маленькую, чуть полноватую, с закатанными до локтя рукавами рабочего скромного платья. Сухая Рука даже втянул голову в плечи – а его жена продолжала осыпать мужа отборной бранью, долго и нудно перечисляя не сделанную по дому работу, поминая свою жизнь, без сомнения, навсегда погубленную из-за этого лесного бродяги; видя, что Бран бездействует, тан наконец вмешался.

– Послушай, это важнейшее дело, и в нём никак не обойтись без твоего мужа, – произнёс он, борясь с желанием просто заткнуть ей глотку. – Быть может, вот это как-то скрасит тебе несколько дней его отсутствия? – Он достал из сумки серебряную брошь.

Жена Сухой Руки бросила на вещицу подозрительный взгляд.

– А почём я знаю, может, ты её с девки какой сорвал! – глядя исподлобья, огрызнулась она. Хаген стиснул зубы, выругавшись про себя самыми чёрными словами. Этот Бран – тряпка! Ишь, стоит с постной рожей, я-де, мол, тут ни при чём, это всё она; разве может позволить мужчина, чтобы при нём жена так задирала нос, понося гостя! Хотя по Сухой Руке и видно, что он готов от стыда сквозь пол провалиться...

– Клянусь тебе мукой Нифльхеля, – мрачно произнёс Хаген, поднимая правую руку, – эта вещь честно куплена в Хедебю!

Жена Брана ойкнула и зажала рот ладонью – клятва мукой Нифльхеля нерушима. Самый отчаянный злодей, самая чёрная душа во всём Хьёрварде не осмелится солгать, дав её, – иначе в посмертии его ждёт участь столь горькая, что рядом с ней и сама смерть – лишь мелкое неудобство.

Женщина, словно колеблясь, смотрела то на брошь, то на Брана, то на Хагена; тут впервые заговорил сам Сухая Рука:

– Послушай, это ненадолго... дней пять-шесть – и я уже дома, а без меня гостю нашему никак туда не добраться...

Усадьбу Брана двое путников покинули только под вечер.

Хагена трясло от злости. Уже после того, как жена Брана согласилась взять брошь и отпустила мужа, им пришлось выслушивать её длиннейшие наставления, словно они были малыми детьми. Хаген ни от кого не терпел поучений; даже Учитель, объясняя ему что-то новое, всегда вёл разговор так, что Хаген словно бы сам приходил к новым выводам.

Лошадей они вели в поводу, лес вокруг усадьбы Брана оказался настолько густым, что ехать верхом было невозможно. Сухая Рука уверенно шагала прямо на север, оставив закатный пламень по левую руку. Хаген всё ждал, когда же начнется этот самый Лесной Коридор, но вокруг них ничего не менялось.

Над лесом уже поднялась луна, когда путники выбрались из чащобы на небольшую полянку, обросшую молодыми невысокими ёлками. Посреди валялась здоровенная коряга, и Бран указал на неё тану:

– Посиди пока, коней поддержи, – он пристегнул к узде длинный ремень, – а я тут... того... займусь, значит. Сиди и на меня не зыркай.

«Что Хрофт, что этот – все, кто хоть что-то умеет, от чужих глаз своё умение пуще золота прячут», – мелькнуло у Хагена. Однако он, не возражая, принял у Брана лошадь и уселся на тёплую сухую лесину.

У него за спиной завозился Бран – что-то забормотал неразборчиво; произнесся Заклятье Слуха, тан легко мог бы разобрать каждое слово, но не стал это делать. Кто его знает, этого Сухую Руку, ещё почует да взъярится...

Хагену пришлось ждать довольно долго. Бран развёл костерок; запахло дымком. Бормотание становилось мало-помалу всё глуше и глуше, и, странное дело, умолкло и потрескивание костерка, и поскрипывание деревьев под ветром, и отголоски лесных шорохов; мягкая, внимательная тишина обволакивала поляну, и вот в ней неожиданно прозвучал негромкий хрипловатый голос Сухой Руки:

– Стало быть, нам сюда указывает... Вставай, садись в седло!

Хаген оглянулся. Бран стоял, расправив плечи и прижимая к сердцу правую ладонь; у его ног беззвучно горел странным зеленоватым пламенем небольшой костерок; и, хотя на поляне царил полное безветрие, очень сильно наклоненная струйка голубого дымка тянула прямо в просвет между молодыми елями. Тан мог дать голову на отсечение, что этого просвета не было, когда они въехали на поляну.

– Нам сюда, – глухо повторил Бран.

Тан заглянул в проём, свесившись с седла. Там, однако, не было ничего необычного – череда коричневатых стволов, мох да опавшая хвоя; и всё же чувствовалось нечто трудноуловимое, глубокое, первобытное – простое. Это были не хитроумные построения Высшей Магии, коими так гордились Учитель и другие из его рода; эта вещь казалась сродни восходу или закату.

– Ну, что замер? Вперёд, пока ворота открыты. – В голосе Брана слышалось нетерпение. Хаген тронул коня.

За воротами Лесного Коридора тана ждало некоторое разочарование. Они ехали по самой обыкновенной тропе, правда довольно широкой, сухой и удобной. Между деревьями виднелось небо, луна, высыпавшие уже звёзды; вновь слышались обычные звуки ночного леса. По левую руку деревья поредели, тропа повела путников краем обширного мохового болота; словно пятна тьмы, виднелись в отдалении высокие лесистые островины. Как ни старался Хаген, он не смог заметить и малейших признаков того, что каждый его шаг стал здесь в десятки раз шире.

Волчье Солнце уже успело высоко вскарабкаться по крутой небесной тропе, когда Бран скомандовал привал.

– Здесь недоброе место, – помолчав, негромко сказал Хаген.

– Ты тоже чувствуешь? Да, духов вокруг многовато шастает; Лесной Коридор – их излюбленные тропы. Но ничего. Огородимся... как сумеем, а может, и ты что-нибудь подбавишь, мне неведомое?

Бран тщательно выбрал сухой моховый бугорок, подобрал какую-то веточку, что-то приговаривая, обошёл с ней в руках вокруг места ночлега. Хаген прислушался: Сухая Рука накла-

дывал даже не заклятье, а какой-то очень простой, странный, но и прочный наговор, причём делал это, видно, не слишком понимая, отчего он так делает и почему его защита должна работать. Тан никогда не слышал от Учителя ни о чём подобном.

Закончив, Бран выжидательно глянул на Хагена. Тану не хотелось показывать сейчас всё, на что он был способен, – что-то в Сухой Руке настораживало его, нечто коренным образом отличающее этого странного человека от всех прочих. Хаген никогда и ни в ком не чувствовал похожего раньше, и это тревожило, как и всякая неизвестность. Поэтому Ученик Хедина ограничился самым простым охранным квадратом, как бы заимствуя частицу мощи Четырёх Вечных Ветров. Разные формы этого заклятья известны многим колдунам, и Хаген надеялся, что Сухая Рука не заметит в этом ничего странного. Однако место действительно было дурное – тан ощущал холодные и пристальные взгляды невидимых глаз, направленных на него. Духов на земле существует великое множество; многие безвредны, но есть и такие, от кого нужно обороняться, и притом очень мощными заклятьями. Помня об этом, Хаген тем не менее очертил ещё один круг – тонкий, сигнальный; он надеялся, что для Брана это осталось незамеченным.

Улеглись уже в полном мраке; луну поглотили наплывшие с севера тучи. Бран захрапел, едва повалившись на лапник; Хагену же не спалось. Здесь, в Лесном Коридоре, сейчас творились странные вещи. Он ощущал себя словно бы центром, вокруг которого вращается весь мир; он словно проносился над неведомыми землями, и каждая его минута была часами в иных местах...

Костёр мало-помалу потух; тан плотнее закутался в плащ, и постепенно лёгкий, чуткий сон сморил его.

Хаген проснулся от тонкого звона где-то в самой глубине сознания: его Охранный заклинание сработало. Однако он не пошевелился. «Кому-то из Бесплотных стало очень любопытно, что это мы тут делаем; что ж, давай иди поближе; сейчас я тебя угощу...»

Тан не чувствовал страха – Учитель много раз объяснял ему, как следует поступать в таких случаях, да и сам Хаген несколько раз сталкивался с Пожирателями Душ. Неудачи не могло быть.

Приближающаяся к ним сущность давала знать о себе мертвенным холодом и помрачением рассудка; она преодолела наговор Брана, хоть и с большим трудом; и тут Хаген вскочил на ноги, распрямившись подобно отпущенному луку. Тан увидел очерченный Сухой Рукой круг, холодно светящийся зелёным, и на фоне этого зеленоватого свечения – тёмное пятно, чернее ночи, чернее угля – словно дыра в сумерках. В Хагена ударил холодный поток леденящей мощи, в глазах его взвихрился рой разноцветных кругов: это приближался один из Пожирателей Душ, но редкостной силы и свирепости. Не медля больше ни секунды, тан ударил по нему давно припасённым могучим заклинанием.

Маги и люди – две разные расы, но у людей бывают врождённые способности, и Хаген как раз имел их; а Учитель очень сильно развил природные задатки. Понятно, что Хаген не мог сам составлять Высшие, Тайные заклятья; при острой нужде, как сейчас, он пользовался теми, что ему передал Маг Хедин. И сейчас он использовал простое, но очень мощное магическое средство.

Со стороны это выглядело, как потоки огня, со всех сторон устремившегося на чёрное пятно; бледный мертвенный свет осветил всё вокруг. Словно в муке, пятно судорожно дёрнулось – дёрнулось и исчезло, только пылали, медленно тускнея, охранный квадрат Хагена да наговорный круг Брана.

Сухая Рука поднял голову.

– Здорово ты его, – прохрипел он. – Я уж думал – конец нам... он же все наши обереги одолел! Что это за страшилище?

– Пожиратель Душ, – коротко промолвил тан, вытирая пот и чувствуя неодолимую слабость – заклинание отняло почти все силы.

– Кто-кто? – удивился Бран. – Сроду с таким не сталкивался, хотя по Лесным Коридорам издавна хаживаю. Что-то не так здесь... А как это ты его прогнал? Всё засияло, запылало...

– Слушай, давай спать! – не желая вторгаться в опасную область, резковато ответил Хаген. – Умею, вот и прогнал. Больше не явится. Спалил я его. Давай проводи свой круг наново...

Бран ничего не ответил.

Остаток ночи прошёл спокойно, и поутру они двинулись дальше. Тропа временами петляла, огибая бескрайние моховые болота, вела их сухими, заросшими соснами увалами, ныряла в мокрые чернолесья. Хаген заметил, что, если извивы их пути становились уж очень частыми, Сухая Рука подбирал с земли какую-нибудь ветку, надламывал и осторожно прислонял к стволу дерева подле тропы. «Вешки ставит, что ли? – подумал Ученик Хедина. – Но вот только зачем?»

Ответ вскоре нашёлся. Сделав несколько петель, тропа вдруг исчезла; Бран напрягся, поднял руку, молча приказывая тану остановиться, спешил сам, пригнулся и стал что-то внимательно высматривать; спустя минуту он вздохнул, как показалось Хагену, с облегчением, вновь сел в седло и тронул коня, направив его чуть в сторону. Проезжая мимо ближайшего дерева, тан заметил у его корней аккуратно прислонённую надломленную ветку, ошибиться в происхождении которой он никак не мог. Видно, были места, где Лесной Коридор начинал петлять, и там легко было сбиться. Однако Хаген не мог сказать, видел ли он старую вешку или поставленную совсем недавно.

Они ехали молча, почти не переговариваясь. Бран казался сумрачным и озабоченным, но Хаген приписал это ночному происшествию и вообще трудностям пути; сам же тан по-прежнему не замечал глазами ничего, что могло бы подтвердить те удивительные свойства Лесного Коридора, о которых он был так наслышан.

Вечером путь вновь вывел их к краю болота; от обширного, выстеленного мхом пространства их отделяла только узкая полоска молодого, но полусухого и редковатого леса. Между деревцами мелькало заходящее солнце, и Хагену вдруг показалось, что он видит человеческую фигуру, пробирающуюся самым краем болота с той же быстротой, что и он сам. Он ощутил присутствие чужого уголками глаз; резко повернувшись, Хаген, однако, ничего не заметил. Мысленно пожав плечами, Тан послал коня вперёд, и ощущение, что краем леса шагах в десяти от него скачет ещё один призрачный всадник, тотчас вернулось.

– Бран! – громким шёпотом окликнул Сухую Руку Хаген. – Тут кто-то есть!

– А, ты заметил? Да, Вечерний Спутник с нами, – в тон ему отозвался проводник. – Не бойся, это Болотный Хозяин свой дозор выслал... Они безвредные, если на них не нападать. Не обращай внимания, да и всё!..

И всё же в тот вечер они остановились на ночлег необычно рано. Бран выбрал странное место – голую вершину высокого, поросшего лесом холма, заваленную громадными замшелыми валунами, покрытыми нитями камнеломки. Хаген долго и недоверчиво осматривал место, не понимая, почему бы не проехать ну хотя бы вон до тех приятных сосен, где – он чувствовал отсюда – всё чисто и ночь точно будет спокойной?

Он сказал об этом Брану. Тот пожал плечами, буркнув, что, мол, дескать, завтра уже будем на месте, так что нечего ломаться, потом силы все до капли понадобятся; но Хаген был уверен, что Сухая Рука хитрит. Тан несколько раз из конца в конец прошёлся по вершине холма, коснувшись каждого камня. Место явно попало необычное, но в чём тут дело – Ученик Хедина догадаться не мог. Окружающее не таило прямой угрозы, но всё же, всё же... ощущалось что-то, разлитое в воздухе, холодное, ясное, бодрящее и в то же время – способствующее предельной ясности рассудка. А вдобавок сегодня было полнолуние...

– Не бойся, – успокаивающе проворчал Бран, взясь с костром. – Место проверенное, хорошее.

– А ты сам-то бывал здесь? Ночевал? – спросил его Хаген.

Бран как-то странно улыбнулся:

– Бывал, конечно же, отчего же не бывать? Холм Теней – его, знаешь ли, не минуешь, если Коридором на север идти.

– Холм Теней? Что это значит? – насторожился тан.

– Да что ты, как баба, от всего шарахаешься? Название такое, уж и не ведаю, откуда пошло... Если хочешь знать, его так сам почтенный Хрофт называет.

– Я тебе не баба, и вообще ты со словами-то полегче, – холодно произнёс Хаген. – А осторожен я оттого, что нечисть в округе бродит, и, кабы не я, прошлой ночью лихо б тебе пришлось!

– В самом деле? – по обыкновению хитро прищурился Бран. – А быть может, не будь тебя со мной, так и никакие гости бы не пожаловали?

Хаген скрипнул зубами. К сожалению, слова Сухой Руки могли оказаться очень близки к истине – если принять во внимание, что за ним, Учеником Хедина, и так идёт настоящая охота.

– Это всё пустые умствования, – вслух заявил он. – Ничего и никого я не боялся и не боюсь, но лезть на рожон по твоей милости тоже не собираюсь.

– Ладно, ладно, не кипятись, молодой тан, – примирительно поднял руку Бран. – Сегодня нам нужно заночевать здесь. Завтра к полудню ты будешь уже на Гнипахеллире.

Вечер полнолуния выдался тихим; небо неожиданно очистилось, молча глянуло вниз мириадами бесчисленных, бездонных очей. Тихо поскрипывали сосны, костёр догорел и потух.

Этот вечер оказался воистину удивительным. Хаген давно уже научился искусству сосредоточения, когда ты идёшь к цели и никакие иные раздумья и мысли не отвлекают тебя, а сегодня его вдруг потянуло на такие рассуждения, так что самому вдруг стало не по себе. Правил ли его путь; что значит в его судьбе встреча с Учителем; какова вообще его дальнейшая цель... Эти мысли лишали Хагена покоя; однако он чувствовал, что Бран внимательно наблюдает за ним, и на лице тана ничего не отразилось.

Вместе с Сухой Рукой они набрали лапника для подстилки и вернулись к угасшему костру. Луна светила прямо в лицо Хагену, свет её показался тану непривычно ярким – приходилось чуть ли не жмуриться. Он бросил охапку веток на землю, повернулся... и замер.

Он отбрасывал две тени!

Две совершенно одинаковые, расходящиеся под небольшим углом друг к другу, слегка перекрывающиеся, совершенно чёткие тени, словно позади него горели две ярких масляных лампы. Разумеется, никаких ламп на Холме Теней не было; Хаген подавил невольное желание обернуться и взгляделся пристальнее. Одна тень лежала совершенно неподвижно, как и положено, вторая же, напротив, чуть заметно колыхалась, временами по ней словно пробегала лёгкая рябь. Хаген медленно опустился на груды лапника – тени повторили его движение. Тан не ощущал никакой угрозы; тем не менее внутри у него всё напряглось и оледенело. Раньше он никогда не слышал о подобном и, признать, сейчас не знал, как поступить.

– Эй, Бран, – не шевелясь, одними губами окликнул спутника Хаген.

– Что? – заполошно вскинулся тот, по-видимому, успев задремать. – А... две тени... Да...

– Что это? Откуда? Это опасно? У тебя было? – единым духом выпалил Хаген.

– Что это – не знаю, – обстоятельно принялся отвечать Сухая Рука, усевшись поудобнее.

Хаген взгляделся и увидел, что мощное тело Брана, как и положено, имело лишь одну нормальную, неподвижную тень. – Тут ведь Холм теней – не зря, видать, его так величают. Но вреда от этого никакого. Здесь просто тебе показывают, каков ты есть, – я так думаю. Если в полнолуние подняться на этот холм, странные вещи тут тени выделывают... Ты не пугайся, у меня, когда я здесь впервые при полной луне оказался, тоже две тени обнаружилось.

– И что же?!

– Что «что же»... Не по нраву мне это пришлось. Словно ущербность какую в себе заметил. От Богов положено нам одну тень иметь – никак не две. А тогда я тоже метался, как и ты сейчас... сны в лесу престранные видел... И вот сидел я на этом самом месте, прямо вот где и ты, и меня ровно кольнуло что-то – раз это место две тени высвечивает, так, может, оно этот непорядок и уберёт? И вот взял я по наитию веточку во-он с того куста... да и принялся одну тень эдак вот сметать, ну, как пол метут. А она возьми да исчезни! И с тех пор тень у меня, где бы я ни был, – только одна.

– Ты стёр свою тень? – поразился Хаген. – А как ты выбрал, которую... э... стирать?

– Да всё так же, по наитию, – ответил Сухая Рука. – Чем-то одна из них мне не понравилась, я и смёл её, недолго думая. И с тех пор живу спокойно.

– А что изменилось в тебе? – облизнул пересохшие губы тан.

– Что изменилось? – задумался Бран. – Трудно сказать... но как-то жизнь моя наладилась после этого. Стал я, как все, брать то, что человеку положено, а на нечеловеческое не замахиваться... А то по молодости заносило... куда не следует. Как видишь, остался я цел и невредим; а рука ещё задолго до этого... – Он умолк и опустил голову.

– И что ты мне советуешь?

– Что я тебе советую? Кто ж за тебя может решить, человеке! Но вот подумал бы ты – да и смёл бы одну из этих теней прочь...

Хаген тяжело задумался. Магический холм... высветивший у него вдруг эту вторую тень...

– Бран, а у других людей, с кем ты бывал на этом месте, вторая тень появлялась?

– Нет. У тебя первого.

Тан сосредоточился. Он чувствовал, что стоит на пороге, быть может, самого важного шага в своей жизни. Странные силы, скорее всего – Дальние, предлагали тут Смертному выбор. Если у тебя две тени – что это может значить? Стоп! Для того чтобы появилась тень, нужно, чтобы нечто встало на пути света. Значит, есть в нём, Хагене, как было и в Бране, нечто помимо костного тела. Странно, правда, как это можно, – счистив одну тень, избавиться и от этой иной сущности в себе, ну да ладно, от Дальних Сил можно ожидать всего. И вот тебе предлагается выбор – преодолей разобщенность в самом себе! Твердо вступив на одну из двух лежащих перед тобой дорог... Может, это так, а быть может, и нет. Интересно только, что означают эти две тени? Два каких пути? Поговорить бы сейчас с Учителем... или хотя бы со Старым Хрофтом...

А ведь жуткий этот холм, страшненький. Вот так вот, вслепую, ничего толком не понимая, одним взмахом веточки – раз – и изменить всю свою жизнь, а потом грызть локти... «Нет, не стану я ничего трогать, – подумал Хаген. – Пусть всё идёт, как идёт. Расскажу Учителю... Посмотрим, что он скажет».

Только теперь погруженный в раздумья Хаген заметил устремлённый на него напряжённый и пристальный взгляд Брана. Ишь, уставился... Думает, что если он отказался от части себя, то и другие должны.

– Ну, что сидим-то? Давай спать, сам же говорил – завтра все силы понадобятся, – как ни в чём не бывало сказал Хаген, поудобнее устраиваясь на лапнике.

В лунном свете Хаген заметил, однако, удивление, мелькнувшее на лице Брана, но Сухая Рука ничего не сказал. Усилием воли тан заставил себя выкинуть из головы эти две тени и быстро уснул. Завтра их ждал Гнипахеллир, а остальное всё – не важно!

Глава VII

Два почтительных, немногословных альва вели нас с Хагеном в глубь страны. Хедин Ундардемошто – Дарующий Знание – звали меня здесь; но на сей раз я пришёл не за тем, чтобы учить – а чтобы тут кое-чему научился мой Хаген. Он в изумлении пялил глаза на тонкие и высокие белые башни, серебристые крыши, сады и диковинные машины, придуманные альвами, которые качают воду из глубоких скважин на ажурные крылья акведуков, тянущиеся ко всем равнинным селениям. Альвы не выращивали хлеба; зерно и мясо им заменяли удивительные плоды на чудных деревьях – всю страну покрывали бесконечные сады, разбитые буквально на каждом клочке пригодной для этого земли; многие из этих деревьев были моей платой за помощь альвов. Они унаследовали от эльфов огромные знания, но сами не знали, как ими распорядиться. История всегда казалась им совершенно излишней, а я, например, по одному только сохранившемуся в альвийских хрониках рассказу о странном вторжении Заморских Южан в Восточный Хьёрвард отыскал магическую Дверь в Нижние Миры, доступную не только для Магов, разгадал опутывавшее её заклятье, наложенное ещё кем-то из Древних, и оставил своё собственное. Через эту дверь прошло немало храбрых и преданных мне воинов – лишь для того, чтобы сложить головы на руины Ночной Империи.

Но пока мы были гостями Альвланда, и Хаген жадно впитывал новую для себя премудрость. Альвы – великие искусники; они уступают лишь гномам в умении работать по металлу и строить подземные чертоги; а вот дворцы у альвов получаются не в пример лучше. Хагена учили свойствам составляющих Землю элементов, учили, как из одного их сочетания можно получить другое с совершенно иными свойствами и тому подобному. В Альвланде мы провели целый год.

А потом настал черёд расставаться и с этой страной. За эти месяцы мой Ученик сделал большие успехи. Меч в его руке казался продолжением тела; перед ним отступали лучшие альвы-фехтовальщики. Он старательно постигал и магические науки, и ему уже стали доступны кое-какие несложные заклятья.

Покинув гористую страну, мы вышли на древний, хорошо наезженный тракт, что шёл от степей Рогхейма в Хедебю, столицу Торговой Республики, кампанию за возврат Хединсея я хотел начать оттуда.

Наступила зима – не столь суровая здесь, на крайней южной оконечности Восточного Хьёрварда, но тоже с морозами и даже с метелями. Все странствующие и путешествующие стремились укрыться в тепле; народу в Хедебю зимой прибавлялось почти вдвое против летнего времени.

Но вот впереди поднялись толстенные, широкие и приземистые башни городских стен Хедебю, и Хаген только скорчил презрительную гримасу – куда было этим уродливым раскосякам до точёных башен альвийских городков! Я понимал своего Ученика, но не мешало ему знать и другое...

– Крепость выдержала за последние сто лет шесть или даже семь страшных осад, – сказал я. – Хедебю штурмовали и с суши, и с моря, но ни разу не смогли взять. Эти стены не поддались никаким таранам!

– Почему? – сразу же спросил Хаген.

– Клавшие их гномы думали о прочности, а не о красоте.

Узкие и кривые улочки разросшегося торгового города явно прокладывались как придётся; зато почти в каждом доме – лавка, харчевня или гостиница. На площадях кипели богатые рынки, где продавалось и покупалось всё со всего света. Отдельную площадь занимал Оружейный рынок, отдельную – Суконный, Крупяной, Лесной, Рабский, Скобяной... Сосчитать торговые ряды никто не мог. Здесь, в бурлящем котле большого города, моему Ученику пред-

стояло отыскать тех людей, что пойдут с ним на первый приступ крепости Хранимого Королевства, крепости на острове Хединсей.

Я не забывал о последней встрече с Сигрлинн и о её странных словах. Давно следовало наведаться если не в Джибулистан, то, по крайней мере, в Замок Всех Древних. Формально я был чист перед Советом, и ничто не мешало мне задать прямой вопрос Главе Поколения – но всякий раз меня что-то удерживало. Замок Всех Древних – вотчина Мерлина; сильнее, чем там, он только на своём Авалоне. Этому увлечению – соорудить себе где-то в Реальности или же в Междумирье зримые символы собственного могущества – отдали дань все из нашего Поколения, кроме меня одного. Я предпочитал сохранять силу при себе, а не вкладывать её в мёртвый камень или же колдовской огонь. Несколько раз за эти годы я пытался вызвать Сигрлинн, поговорить с ней при помощи Эритового Обруча, но безуспешно. Скорее всего она просто не бывала в покоях ослепительного дворца, воздвигнутого под ласковым небом Джибулистана, рукотворной страны Магов, созданной совместными трудами всего нашего Поколения в пору минувшей молодости; там, в Джибулистане, остался и Голубой Город, любовно сооружённый мной и Сигрлинн... Молчание Сигрлинн удивило меня – раньше она проводила в своём дворце немало времени.

Совет же совсем не напоминал о себе. Тоже странно. Раньше обязательны были достаточно редкие, но всё же регулярные встречи-пиры всего Поколения в Замке Всех Древних; я слышал о таких пирах всё время своего изгнания.

И тогда я решил, что меня попросту решили держать в отдалении от всех дел, общих для остальных Магов. За всем этим явно проглядывали козни Макрана и Эстери, но на них я махнул рукой. Куда больше занимало меня загадочное молчание Мерлина. Чем он занят, великий затворщик? Бродя по Земле десять веков своего наказания, я не раз ощущал на самом пределе оставленных мне чувств проносящиеся где-то в глубинах эфира отзвуки невероятных по мощи и изощрённости заклятий Главы Совета Поколений. А сейчас, когда ко мне вернулась вся острота восприятия, я окреп и обрёл новые силы, – всё словно бы вымерло. И я махнул рукой – ничего иного мне не оставалось. Пока План не пройдёт определённые стадии, я всё равно не смогу противостоять объединённой мощи всего Совета. Я решил ждать. В этом, собственно, и состояла моя первая цель – заставить тех, кто против меня, действовать.

Мы переходили из одной таверны Хедебю в другую, подсаживались к длинным столам, слушая разноголосую речь. Похвалялись своими подвигами и добычей на богатом Западе воины ярлов, большей частью зимующих в Хедебю, где тебя ни о чём не спрашивают – лишь бы ты исправно платил по счёту. Встречались бежавшие от танов арендаторы, младшие сыновья богатых бондов, пришедших в Торговую Республику за счастьем... Время от времени попадался и торговый гость из Хранимого Королевства – эти держались гордо и отстранённо.

Перед нами проходили чередой десятки лиц; сами мы носили личины богатого купца и его молодого подручного, ищущих надёжную охрану для далёкого и рискованного похода. Мы видели молодых и уже достигших расцвета; бывалых рубак и только-только выучившихся держать меч; побывавших в набегах во всех четырёх частях Хьёрварда и только вчера покинувших родной дом.

Мало-помалу складывалась дружина – у Хагена от рождения оказалось удивительное чутьё на нужных людей. Среди прочих прибились к нам и мрачноватый великан Фроди, и стремительный, порывистый Гудмунд, и иные – Лодин, Канут, Исунг; все отчаянные сорвиголовы, такие, кто разочарованно морщил лоб, услышав, что речь идёт всего-навсего о какой-то торговой экспедиции, и у кого вспыхивали глаза, едва они узнавали, что на самом деле мы идём пощупать мечом, огнём и стрелой мягкое подбрюшье Хранимого Королевства. За каждым оставался памятный след: убийство в случайной трактирной ссоре; игровой долг, многократно превышающий стоимость всего жалкого имущества проигравшегося; лихой ночной грабеж...

Мастера-корабелы строили по моему заказу два быстроходных воинских «дракона», оружейники без устали ковали доспехи и прочую справу. Зима проходила в непрерывных трудах. Хаген, упорный, непобедимый в схватках, несмотря на молодость, успел стать настоящим вожаком – мои уроки не пропали зря. Ему охотно повиновались, и до многого в повелевании людьми он дошёл сам, без всякой моей помощи. В Хедебю сбивание подобных дружин и ватажек зимой – обычное дело; на нас никто из людей не обратил внимания, однако вот нелюди... Как-то под вечер явился сумрачный гоблин. Как он пробрался в город – осталось загадкой. Здесь его на каждом перекрёстке подстерегала жестокая смерть, открой городская стража, кто он; однако же гоблин прошёл и теперь просил взять его.

– Имя великого Хедина, Познавшего Тьму, в почёте среди Ночного Народа, – тихо и хрипло говорил он, стоя передо мной на коленях, – имя друга Того, чьё прозвание мы вечно будем произносить с великим благоговением. Нас осталось мало, мы прячемся по тёмным недоступным местам, наша жизнь лишена смысла... Мы хотим вновь обрести его.

– Где это ты выучился так складно говорить? – удивился я.

– Говорят, мой далёкий предок командовал гоблинскими ратями нашего Отца, Ракота Благословенного. От Него самого тот гоблин получил знания. Большая часть утрачена, но кое-что удалось сохранить...

Мне стоило немало усилий мягко убедить этого гоблина не присоединяться пока к отряду Хагена, а исподволь собирать силы, чтобы, когда возникнет нужда, я смог бы призвать их.

Гоблин растворился в вечерних сумерках, а я ещё долго после этого сидел в раздумьях. Конечно же, Ночной Народ ничего не знал ни о моём Ученике, ни о составленном мной Плане, но, наделённые от рождения удивительным чутьём на подвижки Равновесия, эти создания забеспокоились, хотя сами не могли объяснить причин своей тревоги. Слишком низко опустилась светлая чаша весов – объяснили бы мне в молодости; теперь-то я знал, что это совсем не так. Мне припомнились слова Сигрлинн: «Началось какое-то шевеление у самой Черты Мира... и это как-то связано с Ракотом». Быть может, связанный пытается освободиться или, по крайней мере, ощутить самоё себя после очень, очень долгого развоплощения? Так или иначе, появление этого гоблина – косвенное свидетельство того, что Ракот действительно шевельнулся, что и почувствовали его прежние верные слуги.

К весне дружина Хагена уже насчитывала двести восемьдесят мечей. Неудивительно – для большинства ярлов год оказался неудачен. На Западе окрепли несколько прибрежных королевств, опытные предводители возглавили по-новому вооружённые и получившие кое-какое обучение отряды богатых городов, служивших главной целью походов эльдрингов Восточного Хьёрварда. На Юге свирепствовала засуха, многие береговые поселения обезлюдели; добыча существенно уменьшилась – и первыми стали искать лучшей доли наиболее отчаянные. Доселе никому из морских волков даже не приходило в голову попытаться счастья в Хранимом Королевстве.

Мастера закончили работы на наших «драконах». Хаген закупил необходимый провиант, и вот настал яркий весенний день, когда воду гавани Хедебю вспенили мощные удары длинных вёсел. Мы шли на Хединсей.

Это был первый морской переход Хагена, но держался он так, словно провёл на узкой палубе «дракона» всю жизнь – мой Ученик прочно усваивал уроки. День сменялся ночью, мы плыли на запад вдоль пологих, уже начинающих зеленеть берегов; встречные купеческие суда спешили отвернуть, едва завидев наши чёрные паруса.

– Учитель, но после захвата острова воины захотят добычи, – вполголоса сказал мне Хаген как-то вечером. – Я ещё не знаю, что скажу им после штурма! Напасть на материковые города Хранимого Королевства? Но хватит ли сил? Ведь у нас всего три неполных сотни!

– И это говорит мой Ученик! – Я в шутилом ужасе воздел руки. – Мечей у тебя действительно не много. Значит, найди цель по силам. Это же так просто понять!

Хаген задумался, его глаза сузились.

– Малый Храм Солнца в Эриваге!

Мысленно я возликовал. Хаген принял единственно верное решение.

– Ты надеешься так просто управиться с жрецами? – тем не менее сказал я вслух.

– Ударим ночью; там четверо ворот, будем прорываться только через одни и бесшумно, – горячо ответил Хаген.

– Верно, а как найти дорогу к сокровищнице?

– Найдём, у кого спросить так, чтобы правдиво ответил. – Хаген мрачно ухмыльнулся.

«Драконы» миновали изгиб берега и теперь плыли на север. Сменился ветер, пришлось взяться за вёсла. Здесь, в близких к Хранимому Королевству водах, с ветрами вечно творилось что-то непонятное. Для судов Королевства они всегда были попутными, а вот другим приходилось что есть сил бороться с упругой стихией. Я намеренно не вмешивался. Незачем давать знать о себе жрецам Главного Храма Ямерта в столице.

После недели тяжелых трудов из воды поднялись отвесные кручи прибрежных скал Хединсея.

Тёмной ночью, когда луну проглотили низкие тучи, хищные тени «драконов» устремились на приступ. Впереди, в единственной доступной гавани острова, в сторожевой башне на краю волнолома мигал красный огонёк; и там нас, конечно же, ждала натянутая под водой цепь. Носы кораблей ударились в камень; дружинники Хагена молча хлынули на парапеты. Дверь в башню оказалась заперта, а из обросшего зеленоватой морской травой окошка у самой воды и впрямь вытягивалась толстенная цепь, пропадая в волнах.

Тишину нарушило лишь короткое звяканье кошки с длинной верёвкой, зацепившейся за карниз башни. Тёмные фигурки одна за другой полезли вверх. Бойницы были слишком узки; короткие и толстые ломики впились в крытую железом крышу.

Алый огонёк в щели боевой башни тревожно замигал – и ему тотчас отозвался другой, в глубине гавани. Из бойницы швырнули вниз факел, а спустя минуту полетели стрелы. Дружинники Хагена подняли щиты; лучники стали отвечать, но тут как раз поддалась кровля; выхватывая мечи, наши воины стали пробираться внутрь. Вскоре я услышал звон стали и крики.

Хаген был там. Он первым прыгнул на камни вражеской крепости, первым полез на крышу; и я был уверен – сейчас он рубится в первых рядах. Воины должны увидеть своего вожака в деле.

Очень скоро в башне всё стихло: Хаген распахнул её дверь и, стоя на пороге с окровавленным мечом в руке, стал деловито отдавать команды своим людям: кому раскручивать тяжёлый барабан, чтобы открыть «драконам» дорогу в гавань, кому захватить вторую дозорную башню, стоявшую в конце волнолома, кому возвращаться на корабли.

Не прошло и нескольких минут, как цепь провисла, «драконы» благополучно миновали первую преграду. Гребцы налегли на вёсла; все знали, что сейчас к пирсам бегут тяжеловооружённые панцирники Видрира, готовятся стрелометы, катапульты и баллисты, из погребов достаются тяжёлые глиняные горшки с жидким огнём...

Я неподвижно сидел на корме корабля. Командовал Хаген, и нечего было мне вмешиваться в его дела. Пока всё шло как по писаному.

На пристани вспыхнули смоляные бочки. Я увидел мечущихся людей; несколько десятков лучников готовились встретить нас, дальше от берега темнели ряды сбивающихся вместе копейщиков.

Неожиданно Хаген скомандовал поворот. «Драконы» расходились, нацеливаясь на пустые и тёмные участки причалов. Это было рискованно, но так все высыпавшие нам навстречу вояки Видрира оказывались в клещах. Наши лучники выпустили первые стрелы; крюки впились в пристани, дружинники Хагена стремительно бросились в атаку...

Мой Ученик рассчитал правильно. Воины Видрира смешались; плотный строй копейщиков засыпали стрелами, развернули одну баллисту и всадили тяжёлое бревно с заострённым окованным концом прямо в их гущу – стена щитов рассыпалась, дружинники Хагена с лихими криками врубались в их ряды.

Тут подоспел ещё один отряд, посланный моим Учеником занять дальнюю сторожевую башню, и воины Хранимого Королевства не выдержали – часть бросила оружие, часть разбежалась; а Хаген, собрав почти не уменьшившуюся дружину, скорым шагом повел её в глубь острова, где на фоне неба едва заметно выделялись чёрные стены небольшого охранного замка. Я последовал за ними.

Замок содержался в большом небрежении. Ров заплыл, механизм подъемного моста и вовсе отказал от старости. Ворота оборонявшие закрыли, но разве это могло остановить бывалых вояк, бравших приступом не один богатый город Западного Хьёрварда?

На невысокие стены оказалось совсем легко забросить верёвки с крюками; защитники пытались пускать стрелы, бросали даже корчаги с жидким огнём; однако воины Хагена перемкнули через стену сразу в пяти местах. Мой Ученик вновь оказался первым. Вскоре ворота открылись, главные силы нашего отряда ворвались внутрь, и спустя ещё несколько минут всё было кончено. Мы владели Хединсеом.

Предупреждая недовольство воинов малой добычей, Хаген объяснил им, что мы одолели лишь первую стену. Предстояло взять и вторую. Загнав в подземелья замка всех уцелевших воинов Видрира и надёжно заперев их, мы покинули остров. Никого невозможно было заставить остаться для его охраны.

Весь следующий день мы шли на вёслах к Эривагу – одинокому мысу, где по милости Видрира вознеслись синие стены Малого Храма. Ступенчатые террасы начинались прямо от черты прибоя, а выше, на плато, среди извивов прихотливо выгнутых стен, прятались те единственные четыре входа в Храм, которыми мы могли воспользоваться. Я знал, что там имелось ещё не меньше десятка потайных – но опять-таки не хотел до времени открывать свою причастность к этим событиям, взламывая секретные двери.

Прибрежные воды Хранимого Королевства бороздят десятки и сотни больших и малых кораблей, судов, судёнышек; мы взяли южнее, но всё равно не избежали встречи. Пришлось задержаться и переправить содержимое трюмов незадачливого купца в наши собственные, а посудину – затопить. Людей мы связали и присоединили к добыче.

Под вечер мы высадились в пустынной и диковатой местности, где обычно и сооружались Храмы в Хранимом Королевстве. Считалось, что человеческое жильё недостойно соседствовать с величественными священными постройками, воздвигнутыми во славу Молодых Богов.

Выстроившись в цепь, воины Хагена двинулись к виднеющемуся в отдалении Храму. На сей раз я шёл вместе с ними. Жрецы Ямерта и Ямбрена могли встретить находников кое-чем поострее стрел и копий.

Мы видели длинные процессии паломников, вливавшихся в широко распахнутые храмовые ворота; они проведут ночь в молениях, а утром торжественной службой и гимнами встретят зарю.

Свечерело; иссяк тянувшийся по дороге людской поток, тяжёлые створки закрылись, лишь в бесчисленных окнах ярко горели огни – тьма не допускалась туда, в главные залы Храма Ямерта, Владыки Солнечного Света.

Когда мрак окончательно сгустился, Хаген двинул людей вперёд. Воины бесшумно сжались в два упругих клубка по обе стороны ворот. А потом мой Ученик громко постучал.

Долгое время ничего не происходило; потом наконец в воротах приоткрылось небольшое окошечко, и голос стражника не слишком любезно осведомился, известно ли почтенным паломникам, что они опоздали к сегодняшнему молению?

Хаген принялся упрашивать стража, напирая на то, что ночевать им негде, в округе ни воды, ни крова.

– Нет, не могу, таков закон, – отрезал упрямый привратник.

– Ну тогда хоть несколько кувшинов воды! Умираем от жажды!

– Непорядок это... но ладно уж. Сейчас.

Хаген умел быть благодарным. Толстого стражника, высунувшегося с двумя большими кувшинами воды, не убили, а лишь оглушили и оттащили в сторону. Принесённое питьё оказалось кстати; на ходу утирая рты, дружинники устремились в узкий проход. Из караульни заполошно выскочило несколько храмовых стражников с широкими и кривыми клинками. Первого проткнул Хаген, остальных зарубили следовавшие за ними воины – всё молча, быстро, бесшумно; перед ними открылся широкий коридор, но он вёл к главным помещениям, к огромным молельным залам; Хаген свернул в неприметный отвод, где круто уходили вверх ступени спиральной лестницы. Я не последовал за ними – мне предстояло отвлечь на себя жрецов, и я зашагал по главному тракту храма.

Он постепенно расширялся, в стенах появлялись ниши с застывшими в них статуями; я чувствовал, как незрячие глаза впиваются в меня пустыми, мертвенными взглядами. Что ж, смотрите! Смотрите на меня, смотрите, в иные места вам глядеть нечего.

Открылся огромный зал, первый в анфиладе, – ярко освещённый, с белоснежными стенами, с бесчисленными друзьями горного хрусталя, в которых дробился и играл свет бесчисленных светильников. В восточной части зала возвышалась статуя из светло-жёлтого камня. Могучий Ямерт щедрым жестом протягивал людям широко раскрытые ладони.

Подножие статуи окружала цепочка жрецов: жёлтые одежды, руки воздеты, звучит медленное, переливающееся песнопение, и все собравшееся в зале многолюдство опускается на одно колено и подхватывает напев...

Я остановился в некотором замешательстве. Хозяева Храма пока не обратили на меня никакого внимания – не заметили? Да, я ни разу не пустил в ход магию, действие которой они тотчас бы учуяли. Что ж, подождём. Я повернулся и зашагал обратно, к той узкой лестнице, по которой Хаген повёл своих бойцов. Неужели я так ошибся, переоценив здешних жрецов?

Вот и нужный проём – я начал подниматься по гладким ступеням. Всё вокруг оставалось мертвенно тихо и спокойно – лишь издали доносилось мерное пение паломников. Лестница вывела меня в неширокий коридор второго яруса, и тут я увидел тело. Храмовый воин со своим устрашающим с виду, но таким неудобным в настоящем бою мечом. Я знал, что воины Ямерта не ходят поодиночке, – значит, второй либо убежал, либо схвачен и сейчас ведёт отряд Хагена к кладовым...

По-прежнему не пуская в ход колдовство, я наугад двинулся по коридору, выбрав направление в глубь Храма. Пока всё получалось, как и на Хединсее, что-то уж слишком просто; я даже начал тревожиться – Судьба любит играть в кошки-мышки, обольщая призраком лёгкой удачи.

Коридор начал ветвиться, и на стенах появились стрелы, грубо намалёванные чем-то красным. Я шёл по ним. Ещё один труп... другой, со стрелой в горле... третий, перерубленный пополам... четвёртый, с разmozжённой головой – работа дубины Фроди. Тут я услышал дальше и слабое эхо, впереди вновь звенели клинки. Не теряя ни секунды, я бросился вперёд.

Но когда я подоспел к месту схватки, там уже всё кончилось. Хаген с гордостью указал мне на открытую дверь одной из кладовых.

– Сейчас очистим эту и двинемся дальше!

– Нет! – вдруг вырвалось у меня. – Это засада! Берите, что сможете унести, – и прочь отсюда!

Не знаю, почему подобная мысль пришла тогда мне в голову, но слишком уж легко и просто всё сегодня удавалось нам. Показным невниманием и деланием вида, что они ничего

не замечают, жрецы пытались заманить нас в ловушку и сейчас уже наверняка перекрывают выходы!..

Сгибаясь под тяжестью мешков с драгоценной утварью, тканями, украшениями, воины Хагена рысью двинулись в обратный путь – а я уловил знакомый ветерок, холодноватый и не ошутимый другими, – там, ниже и позади нас, начали плестись сети заклинаний.

– Хаген! – Я схватил Ученика за плечо. – Постарайся прорваться на одних мечах. Пусть думают, что вы – обычные грабители!

– Понял, Учитель, всё сделаю, – шёпотом, очень серьёзно ответил Хаген, вытер окровавленный меч и скомандовал своим приготовиться.

Первый заслон ждал нас у лестницы. Коридор перегородили храмовые стражники с огромными, выше человеческого роста, священными луками Ямерта – их стрелы должны были изображать солнечные лучи – и десяток жрецов в жёлтом. В лица воинов Хагена брызнул ослепительный свет, к которому прибавились длинные желтооперённые стрелы. Дружинники с яростным рыком сбили плотнее ряды, выставили щиты, бросили на лица низкие забрала с узкими прорезями; несколько воинов Хагена упали, но остальные, одним махом преодолев пространство, разделявшее их и храмовых бойцов, пустили в ход мечи, топоры и секиры. Заслон рухнул, точно стенка из песка, возведённая ребёнком на морском берегу, под ударом штормовой волны. Жрецы промедлили с заклинаниями, неправильно рассчитав время, – впрочем, откуда же им набраться боевого опыта, если на их Храм никто и никогда не нападал!..

Где-то за нашими спинами, в самой глубине Храма раздался негромкий, но заполняющий всё вокруг звук – мощное и гордое гудение тяжёлого бронзового била; у меня лишь слегка кольнуло в висках, но многие воины, корчась от невыносимой боли, упали на каменные плиты. Хаген остался на ногах, хотя лицо под откинутым забралом стало белее мела и глаза на мгновение закатились. Те дружинники, что оказались покрепче, помогали подняться другим; не мешкая, мы бросились вниз по лестнице.

– Быстрее! – крикнул Хаген. – Пока не стихло, они не ударят вновь!

Под ногами вилась тугая спираль узкой лестницы. Вниз, вниз, вниз!

Внезапно стены вздрогнули, во все стороны брызнули мелкие каменные осколки, в лица нам задул, яростно завывая, леденящий ветер. Нас ждали, и, судя по всему, это были более расторопные противники. И вновь – стрелы, стрелы, стрелы и слепящий, жгучий свет, содрогание стен и ступеней, словно под чьими-то очень тяжёлыми шагами. Готовился мощный магический удар – я чувствовал стягивающиеся в упругий клубок силы Четырёх Ветров; ползущие вверх из земных недр незримые вихри тех судорог, что называются землетрясениями; ощущалось и приближение живых существ из иного, Верхнего Мира – радужное мерцание, видимое пока лишь мне одному, предвещало открытие двери между слоями Реальности. Владыка Ямерт вкупе со своим братцем Ямбренем, Хозяином Ветров, дали своим жрецам и адептам немалые силы – открыть Дверь для прохода кого-то ещё, кроме себя самого, могли только Маги, заклинание это считалось одним из наиболее тайных...

И вся мощь бросалась против небольшой шайки дерзких грабителей; во мне вновь ожили сомнения. Храм содержал по меньшей мере пять или шесть тысяч стражников. На каждого воина Хагена приходилось два десятка врагов. Для чего же будить очень могущественные, но и крайне опасные силы, чтобы расправиться с незначительной кучкой грабителей? Что-то здесь было не так. Неужели меня здесь ждали?! Дали спокойно войти, сделали вид, будто ничего не заметили, а теперь... Пока я не ощущал ничего присутствия – я имею в виду присутствие Магов моего Поколения. Не заметно было и тех сугубо наших средств, кои использовались в магических поединках. Однако я точно знал, на чей замысел всё это очень похоже. Знал, потому что помнил и не сомневался, что мои противники не случайно прибегли именно к этим средствам, словно напоминая мне дни моего разгрома и пленения.

Я стиснул зубы. Впереди меня, внизу, Хаген, что-то грозно и неразборчиво рыча, уже сцепился во главе самых стойких и неистовых своих бойцов с храмовыми стражниками; всюду звенели мечи, раздавались вопли и стоны, а я всё ещё постыдно колебался. Неужели мои противники так быстро поняли, что я здесь? Неужели я не заметил постоянного надзора за собой и, как рябчик в силке, угодил в простейшую западню, рассчитанную в лучшем случае на какого-нибудь деревенского колдуна?!

Тем временем Хаген и его отряд, сжавшийся наподобие железного ежа, потеснили храмовых стражников. Не знаю, как дружине моего Ученика удалось это, – они сражались в окружении, лучники Храма в упор выпускали стрелы, от которых на таком расстоянии могли защитить только доспехи гномьей работы – а такие в отряде Хагена имели лишь два или три десятка дружинников. Однако мой Ученик сумел по вражеским трупам проложить себе дорогу к самым воротам; он рубился уже подле створок, а накопленная огромная магическая сила так и оставалась в бездействии, словно арбалет, хранимый на случай самой крайней опасности. Мне бы очень хотелось думать, что дело обстоит именно так, но с каждой секундой я всё больше и больше убеждался в обратном. Я до сих пор не совершил ни единого магического действия, даже самого простого, храня тайну своего появления здесь; но стоило ли таиться, если мне, как нашкодившему мальчишке, грозят пальцем, давая понять, что его шалость уже давно замечена?! Да, именно такими средствами Сигрлинн сметала с лица земли рати моей Ночной Империи, и я долго не мог найти заклятий противодействия. Потом нашёл – но уже в изгнании.

Но, быть может, она сейчас помогала мне? Помогала, давая понять, что я под неусыпным и постоянным наблюдением, причём так ловко устроенным, сплетённым из столь тонкой вязи заклинаний, что я до последнего момента пребывал в полном неведении, несмотря на всю свою осторожность и общеизвестное умение избавляться от подобного чересчур назойливого внимания.

Мои стремительные раздумья нарушила настойчиво пробивающаяся ко мне в сознание мысль-послание Хагена: «Учитель, помоги, нас отжимают от ворот!»

Делать нечего. Придётся помочь; но мой Ученик должен одержать свою вторую победу без вмешательства моей магии. Пришло время поработать мечом и этому уже немолодому, долго и верно служащему мне телу. Я выдернул свой клинок – конечно, из чёрного металла; каким же ещё мог быть прощальный подарок Ракота?

– А ну, поднажми! Навались, напри! – скомандовал я дружинникам; они медленно пятились под натиском храмовых воинов. Чёрный Меч, описав дугу, отбил две стрелы, летевшие прямо в стоящих около меня воинов Хагена; следующим поворотом клинок надвое разрубил кривой ятаган, подставленный воином Храма; новым взмахом снёс шлем ещё с одного противника.

Мы, Маги, не имеем права убивать Смертных.

Воспрявшие дружинники легко покончили с обезоруженными мною стражниками; ворота заметно приблизились. Так мы и добрались до них – я прикрывал спину отряда, а Хаген рубил всех, кто пытался преградить нам дорогу. Дружинники моего Ученика не бросили ни одного мешка с добычей и вынесли на себе всех до единого наших убитых и раненых.

Я оставил Храм последним; но стоило мне шагнуть за порог, как давно ждавшая этого момента сила наконец нанесла удар.

Это было грандиозно. Непредставимо. Неописуемо. Всё, как и в те далекие дни моего разгрома. Небо полыхало яростным белым светом, звёзды исчезли, словно провалившись в бездонные колодцы кристальных сфер; земля тяжело и гулко закрипела, по сухой поверхности побежали длинные трещины, из них тотчас повалил удушливый чёрный дым. Ветер задул со всех четырёх сторон одновременно, воздух вдруг стал необычайно плотным, через него приходилось продирается, прикладывая все силы. А над нашими головами всё ярче и ярче разгоралось переливчатое зарево открывающейся Двери между слоями Реальности.

Да, Сигрлинн... Хранимое Королевство – твоя вотчина: я знал это и всё же недооценил тебя – или же самого Великого Мерлина. Я очень хорошо помнил, что последует за этим. Хагену и всему его отряду оставалось жить считанные минуты, если я или не вмешаюсь, или... не найду способ вывести их отсюда, не прибегая к магии.

Земля стала лопаться прямо под ногами дружинников Хагена; подняв глаза, я увидел, что воины с лихорадочной поспешностью обвязываются верёвками, составляя длинные связки. Ветер валил с ног, не позволяя сделать ни одного шага в сторону.

Сверху донесся мелодичный хрустальный перезвон. Его было отлично слышно, несмотря на завывания ветра и скрипы расползающейся и рушащейся земли. Дверь распахнулась, воители, осенённые радужными призрачными знаменами, двинулись прямо на нас. Не похоже было, чтобы ветер как-то мешал им, а трещины на их пути молниеносно затягивались.

Хаген хрипло заорал, указывая мечом на новую опасность. Спустившиеся через дверь воины были вооружены длинными и тонкими мечами с радужными лезвиями на очень вытянутых гладких деревянных рукоятках; больше они ничего не имели – ни доспехов, ни копий, ни луков, – но я слишком хорошо знал эти поистине смертоносные клинки, лишь немногим уступающие зачарованным Дискам Ямерта, что хранятся в Главном Храме Королевства...

Бесполезны были луки – ветер останавливал стрелы. Радужные воины приближались – воители и воительницы, все высокие, с длинными распущенными волосами. А вдобавок от Храма к нам двигалось ещё одно существо – двуногое и шестирукое, всё опоясанное блистающими жёлтыми зрачками, в свободных золотистых одеяниях. Его голову скрывал огромный шлем, чёрный с алым; и росту в этом создании было не меньше двадцати футов. Старый знакомый. Один из хранителей дворца Сигрлинн в Джibuлистане. Ловкий, хитрый, умелый, отважный... Хотя она почти никогда не использовала их как воинов...

Ждать больше было нельзя. Меч словно сам прыгнул мне в руку.

– Постарайся пробиться к кораблям! – крикнул я на бегу Хагену. Ветер, валивший людей с ног, всё же был слабее для меня.

Я бросился наперерез зофару, прислужнику Сигрлинн. Одно из двух: или волшебница основательно изменила своим привычкам, или замыслившие это действие постарались устроить всё так, чтобы я подумал именно на неё. Зофар должен был в этом случае стать последним, завершающим штрихом, после которого у меня не осталось бы никаких сомнений.

Верный слуга моей былой... э... приятельницы приближался к нам, забавно раскачиваясь при ходьбе. В каждой из шести громадных рук он держал по длинному широкому клинку характерной, придуманной самой Сигрлинн формы – с острым загибом на конце лезвия. Увидев меня, он издал странный звук – нечто вроде подавленного стога ужаса, но продолжал переть мне навстречу. Узнал, что ли? Но зофары никогда не имели никаких способностей к магии; не могли они и ощущать её присутствие. Это были отличные воины, настоящие бойцы, но не более. И кто это вздумал напялить на него эти нелепые жёлтые простыни, словно на храмового жреца? Цвета Сигрлинн всегда были иными...

Мы сошлись. Все мои размышления, наверное, заняли немало места в изложении – на самом же деле прошли секунды.

Ух, как свистнули, сливаясь в сплошном сверкающем смерче, у меня над головой все шесть мечей зофара! Как стонал нещадно рассекаемый воздух, как рвались в клочья тончайшие тела наполняющих его эфирных созданий, ни в чём не повинных и не имеющих никакого отношения к нашим сварам! Взгляд жёлтых зрачков наполнило безумие, и я тотчас ощутил наложенное на зофара заклятье. Оно было слишком сложным, чтобы моментально распутать причудливо скрученные токи сил и энергий, и на первый взгляд по почерку похоже на употреблявшиеся Сигрлинн формы... хотя я ощутил и некие малозаметные отличия, но... не разбираться же в этом сейчас!

Я так и не узнал, кто ковал зофару его шесть мечей – но, надо сказать, выковали их ему из рук вон плохо. Мой Чёрный Меч даже не ломал – он резал эти клинки, точно серп – колосья; железные обломки один за другим падали на землю. Оставшись безоружным, зофар с совершенно несвойственными ему тупостью и растерянностью уставился на свои руки, сжимавшие бесполезные теперь эфесы.

Я ухватился за одну из замерших толстенных рук, подтянулся, перехватил, подтянулся вновь и оказался возле громадного уха. Зофар вяло попытался схватить меня; двигался он почему-то замедленно, совсем не так, как только что работал мечами, – видно, наложенное на него заклятье оказалось слишком узкого действия. Шаг в сторону – и он растерялся; а ведь зофары как раз и создавались Сигрлинн с расчётом на совершенно непредвиденные случаи, были умны, хитры, сообразительны и уж ни при каких обстоятельствах не позволили бы врагу вскарабкаться по ним, как по дереву, и стукнуть себя чуть выше и правее уха тяжёлым эфесом Чёрного Меча, выкованного самим Ракотом.

Оглушённый гигант беззвучно распростёрся на земле; я бросился обратно, где дружинники Хагена уже отбивались от наседавших на них радужных воинов. Бойцам моего Ученика приходилось туго, уже примерно половина провалилась в трещины, и от гибели их спасали только верёвки, обвязанные вокруг груди.

Держать в руках меч и бороться с ветром могли всего три или четыре десятка дружинников Хагена, самых сильных и выносливых. Я видел, как Хаген сшибся с вырвавшимся вперёд предводителем радужных воинов, как столкнулись сработанный мастерами Кольчужной Горы клинок и узкая радужная полоса, прошедшая девяносто девять горнил Верхних Миров, – столкнулись и отлетели, окутавшись быстро растаявшим дымком. Я перевёл дух – изделие гномов оправдало заплаченную за него непомерную цену. А потом подобрал с земли первый попавшийся камень и со всей силы запустил им туда, в завораживающее мерцание над головой.

Были дни, когда от отчаяния я катался по опалённому песку и до крови прокусывал губы, не зная, как справиться с такими вот магическими дверями. Пробовал против них десятки и сотни разнообразных заклинаний – ничто не помогало. Шли и шли сквозь них радужные воины, ведомые прекрасной Сигрлинн, и в моих дружинах не находилось равного им по силам и умению. И лишь шесть веков спустя, читая альвийские хроники, я нашёл ответ столь же парадоксальный, сколь и простой.

Некое войско, повествовала хроника, осаждало некий город. Осада шла уже не один месяц, защищавшиеся стойко отбивали все штурмы, армия нападавших начала роптать. И тогда предводитель этого войска – какой-то принц, король или кто-то в этом роде – приказал своему колдуну сделать так, чтобы город пал. Колдун, разумеется, и до этого получал подобные приказания, но все его усилия парировались контрударами городского чародея. И тогда колдун нападавших сотворил самое могучее из ведомых ему заклятий, едва оставшись при этом жив. Небеса разверзлись, и диковинные воины пошли с мечами наголо на казавшийся уже обречённым город. Магия не остановила их, и тогда командир одной из башен в отчаянии приказал развернуть катапульту да и всадил тяжёлое каменное ядро прямо в это проклятое мерцание – отчего оно мерцание и исчезло, вместе со всеми появившимися было странными воинами. Это навело меня на мысль, которую я сперва отбросил как заведомо нелепую. Дверь между Мирами закрывается от попадания в её створ самого простого камня! Потом я потратил немало времени, чтобы строго доказать это, и в конце концов добился своего. Не представляю себе, знали ли об этом остальные Маги моего Поколения, знал ли об этом Мерлин... если не знали, то, право же, я сейчас отдавал в их руки бесценное сокровище.

Мой крошечный камешек сработал, как ему и было положено. Ряды воинов в радужных одеждах заколебались, остановились и внезапно устремились назад, растворяясь в сияющих облаках, спустившихся к самой земле. Хаген и его дружинники провожали своих противников ошеломлёнными взглядами.

Оставались ветер и распадающаяся под ногами земля, и тут без магии я уже ничего не мог сделать.

– Хаген! Можете идти? – крикнул я, перекрывая свист ветра.

– Я – да, и кое-кто ещё, а остальные – нет! – донесся его ответ.

– Иди, не стой! Иди к кораблям! Я останусь здесь!

Мой Ученик подчинился без колебаний и рассуждений. За ним потянулись те четыре десятка воинов, что могли стоять на ногах. Сотрясавшие землю вихри превратили то место, где задержался запертый ветрами в ловушку отряд Хагена, в глубокую и широкую яму, дно которой проваливалось всё ниже и ниже. По откосам, отчаянно цепляясь за осыпавшиеся склоны, ползли дружинники, пытаясь удержать раненых и мешки с добычей. Но постепенно содрогания земли стали слабеть – часть противостоявших нам слепых сил обратилась против Хагена и его людей, упорно пробивавшихся к «драконам». Ветер взвыл, словно в растерянности; круг, к которому прикладывалась вся его мощь, становился всё шире, соответственно слабел и напор. Внезапно неведомые управляющие всем этим магическим безобразием, словно спохватившись, вообще бросили основную часть отряда, направив всю накопленную мощь против Хагена, сочтя его наиболее опасным. Остальные воины смогли наконец выбраться из провалов и трещин.

– К берегу! Рассыпаться! – скомандовал я. – Бегом!

Ветер, казалось, совсем сбился с толку. Порывы его то валили с ног, то вдруг воцарялась полная тишина. Трещины потянулись к нам, точно змеи, но бегущие к мокрым камням дружинники перепрыгивали через них, чёрные провалы преследовали воинов, но не могли поглотить сразу столько живой добычи; наконец кто-то из распорядившихся подземными вихрями сообразил, в чём дело, и погнал всех их рыть глубокий ров, отрезавший нас от берега; зато стало легче Хагену.

– Влево! Сомкнуться!

Мы вновь смогли обмануть и ветер, и землетрясение. Они опять бросились в погоню за нами, и Хаген со своими покрыл одним броском почти всё отделявшее его от кораблей расстояние. Борющиеся с нами силы снова кинулись на него, и теперь уже пришла наша очередь из всех сил рваться к кораблям.

Оказавшись на береговых камнях, дружинники прыгали в воду, схватившись за предусмотрительно разложенные здесь куски брёвен. Силачи Хагена, первыми добравшиеся до кораблей, метали подплывающим ременные петли. Ветер стихал, чудовищные судороги перестали сотрясать землю; выглядело это так, будто наши неведомые противники признали своё поражение. Правда, ветер всё равно дул в нос «драконам», но это был обычный для прибрежных вод Хранимого Королевства случай. И я ещё больше укрепился в своих сомнениях – действительно ли Сигрлинн противостояла мне сегодня или кто-то тщательно подделывающийся под неё? Будь это она, неминуемо было бы снято заклятье с берегового ветра, и борьба продолжалась бы уже на морских просторах. Я знал это заклятье. Его Сигрлинн плела очень долго и весьма им гордилась – она одна могла снять или изменить его. Неужто Макран и Эстери, подумалось мне. Всё может быть... может, всё-таки Сигрлинн... не пустив в ход колдовство, ничего наверняка не выяснишь... но сейчас прежде всего – раненые.

Вздыхались и опускались вёсла. Гребцы хриплыми голосами тянули древнюю победную песнь эльдрингов, громко славя своего тана – как они тотчас стали прозывать Хагена, присвоив вожаку ещё не принадлежащий ему титул. Добыча была выше самых смелых их мечтаний; конечно, в бою пришлось хлебнуть лиха, но теперь всё позади, они одолели колдовство и идут домой. Хединсей они невольно уже называли домом...

Мы обосновались в охранном замке острова, хотя я и видел его многочисленные уязвимые места. Выдержать в нём серьёзный штурм можно было лишь ценой тяжких потерь. Ничего, потом выстроим получше.

Хаген уже ждал меня, и взор его был полон укоризны. Отчего я не вмешался? Что вообще произошло после того, как мы выбрались из Храма? Что это за страшилище в жёлтом, как мне удалось его уложить? Он задал мне ещё добрую сотню подобных вопросов.

– Мы угодили в засаду, Хаген, – ответил я. – Кто-то из моих сородичей следил всё это время либо за мной, либо за тобой. Вряд ли за мной – я все же льщу себя надеждой, что не до конца ослеп и оглох, и хочется верить, что я заметил бы наблюдение. Потом, когда мы захватили добычу, по нам ударили, причём мы тоже, видно, сбили их с толку. Наверное, они ждали, что мы станем громить Храм, выжигать молельные залы – а мы лишь очистили одну из кладовых. Потом они всё время старались выяснить, здесь ли я. Они пытались вызвать меня на любое, сколь угодно незначительное магическое действие, которое тотчас бы выдало меня с головой. Поэтому я работал не волшебной палочкой, а мечом – и оттого ничем не мог помочь тебе, мой мальчик. Но ты держался потрясающе!.. И ты выбрал себе правильных спутников. Чтобы из двухсот восьмидесяти целых сорок смогли бы противостоять мощи четырёх Останавливающих Ветров!..

Но это ещё не всё. Помнишь, я рассказывал тебе о волшебнице Сигрлинн? В которую ты ещё запустил комом грязи на дороге от Йоля? – Это я, в общем-то, сказал зря. Хаген никогда не забывал ни ту ночь, ни ту прекрасную женщину, явившуюся нам под проливным дождём и отговаривавшую его идти путём моего Ученика...

– Так вот, – продолжал я. – Кому-то очень хотелось, чтобы я решил, будто эту атаку устроила именно Сигрлинн, но... – И я рассказал Хагену о своих сомнениях. – Конечно, быть может, это всё-таки была именно она, – закончил я, – но это я не проверял.

Хаген озабоченно тёр лоб.

– А если они ударят по нам здесь, на острове? – хмуро спросил он.

– На острове – пусть себе. Тут у меня найдётся, чем им ответить. Другое дело – нападение на Храм Ямерта!.. – Я умолчал о том, что Мерлин мог счесть это тем самым пресловутым «нарушением Равновесия» и привести в действие своё новое карательное заклятье, если, конечно, Сигрлинн сказала мне правду.

– И зачем это могло быть нужно – чтобы ты, Учитель, подумал на эту волшебницу?

– Понятия не имею, Хаген. Может, Маги моего Поколения опять выясняют отношения в настоящей Магической Войне, о которой я расскажу тебе много больше, когда придёт время, и всё случившееся как-то связано с их борьбой за власть. Гораздо хуже... если здесь окажется рука Мерлина. Но обычно я узнаю его заклятья – а эти опознать никак не мог. Впрочем, хватит об этом. Вскоро нам надо ждать гостей из Хранимого Королевства.

– Я как раз хотел поговорить об этом, – отозвался Хаген, склоняясь над принесённой им картой. – Они ведь будут штурмовать порт?

– Другой дороги им нет, – кивнул я. – Если только нет тайного пути через скалы. Ты...

– Я уже послал четыре конных дозора, – быстро договорил за меня Хаген. – Велел искать признаки тропы к морю, а также проверять все подозрительные пещеры. Если они нападут на порт, мы отобьёмся...

«Отобьёмся, – подумал я, – если они не пустят в ход Диски Ямерта».

– ...Я думаю поставить пять десятков на пирсах... – продолжал говорить Хаген, но я остановил его, подняв руку.

– Ты уже достаточно опытен, мой мальчик, чтобы обойтись в этом деле без моих советов. Но не забывай, что нашей целью было не развязывать войну с двумястами пятьюдесятью мечами против многих десятков тысяч, что под рукой у Видрира!..

– Я помню, Учитель, – наклонил голову Хаген. – Надо добиться от них нужного нам мира – на наших условиях.

– Да!.. Обещай вернуть кое-что из драгоценной утвари Храма – из твоей доли добычи. Напирай на то, что они ничего не выиграют, начни Хранимое Королевство войну с тобой.

– Я им скажу, – с усмешкой протянул Хаген. – Я уж постараюсь попугать этих лежебок!..

– Не сомневаюсь, Хаген. Поэтому я и оставлю тебя здесь одного на некоторое время. Понимаю, это рискованно, но произошло слишком много странных событий. Кое в каких из них я не смогу разобраться, находясь здесь. Придётся предпринять небольшое путешествие.

– Я не боюсь никого, кто явится сюда с простым мечом, – угрюмовато проговорил Хаген. – Но что, если вновь навалятся те, кто чуть не прикончил нас после того, как мы вышли из Храма?

– Сам ветер и сами трещины не могли убить вас, – ответил я. – Ты забыл один из главных законов, по которым живёт наше Поколение?

– Конечно же, нет!

– Так вот, если всё начнётся снова, постарайся выбраться из того места, в которое будет направлена мощь ветра. Если начнёт открываться Дверь, ты увидишь радужное мерцание. Что нужно делать, чтобы закрыть её?

– Да, Учитель, ты прав, прости меня... – Хаген вновь наклонил голову. – Я всё помню и всё сделаю. Ты можешь быть спокоен. Когда ты вернёшься, над Хединсеом будет наше знамя! – напыщенно закончил он, вновь гордо поднимая голову.

– Надеюсь, – заметил я. – Не теряй головы. Оборона должна быть в полной готовности самое позднее завтра к утру – раньше галеры Видрира всё равно не успеют, несмотря на попутный ветер. Но... будет лучше, если большую часть работ вы закончите за первую половину ночи. Те, кто помогают Хранимому Королевству, могут и подхлестнуть Толкателей Судов. Жди меня, Хаген, и не отлучайся с острова. До встречи!

– До встречи, Учитель, – сказал мой Ученик, поклонившись и отступая в сторону. Я начал сотворять заклятье Перемещения. Предстояла большая работа. Прежде всего меня ждал Замок Всех Древних.

Глава VIII

– Ну, вот он, твой Гнипахеллир, – ворчливо промолвил Бран Сухая Рука. Они с Хагеном стояли на самом краю невысокого, прореженного морозами сосняка. Лесной Коридор кончился.

Хаген молча смотрел на унылую, безжизненную, серую равнину, что тянулась до самого горизонта. Лишь там, вдали, его острые глаза различили нечто вроде холмистой гряды. Нигде ни деревца, ни кустика – небо да земля, голая, каменистая, лишь кое-где цеплялись за неё узкие полоски серебристого мха. С небосводом тоже не всё было в порядке: откуда-то по нему тянулись с юго-запада длинные, размазанные полосы дыма. В воздухе ощутимо пахло гарью. По расчётам Сухой Руки, сейчас должен быть полдень, но солнце скрыли тяжёлые дымные облака, вокруг царили мглистые сумерки, и тан не мог с уверенностью сказать, действительно ли он рассмотрел холмы там, у края видимых земель, или же это были, скажем, купы очень высоких деревьев.

– Спасибо тебе, Бран, – повернулся к спутнику Хаген. – Я не зову тебя идти дальше. Ты исполнил первую часть своего обещания. Будешь ли ты ожидать меня здесь или же назначишь иное место?

– Я пойду с тобой, – просто ответил Сухая Рука. – Вместе вышли, вместе и придём, – закончил он не слишком понятной фразой.

– Что ты там собрался делать? – удивился Хаген. – Я намерен усыпить Пса и после этого убраться оттуда как можно скорее. А что тебя туда тянет?

– Хочу посмотреть на это диво, – коротко ответил Бран. – Ну, тронулись, что ли, молодой тан? Долго ещё стоять-то здесь будем? Теперь ты меня поведёшь, я далеко в эти края не заходил, леса держался...

– Как знаешь, – кивнул Хаген. – Не скрою, рад, что пойду не один!..

Они погнали коней прямо на север. Путь в этом месте был только один. Гнипахеллир напоминал гигантскую воронку, все дороги здесь вели только к Чёрному Тракту, а по нему Хаген мог добраться и до Пса.

Минут час, другой, третий... вокруг, не сгущаясь и не рассеиваясь, царил всё тот же серый полумрак. Пока на их пути не попадалось ни единого живого существа, даже духи, что толклись вокруг них всё время в Лесном Коридоре, куда-то исчезли.

– Мёртво-то как, – пробормотал Сухая Рука, насторожённо озираясь. – Мертвее некуда...

– Нам-то что? – спросил Хаген. – Чем меньше тварей встретим, тем лучше. Или по Пожирателям Душ соскучился?

– Где дух ютится, там и человеку место, глядишь, сыщется, – возразил Бран. – А вот где духов вовсе нет, там, говорят, и люди долго не выдержат. Смотри, молодой тан! Не пропасть бы нам здесь – не от меча, а от Незримой Смерти!

– Не повторяй бабьи сказки, Бран, – поморщился Хаген. – Я их порядком наслушался, аж тошнит. Нет на Гнипахеллире никакой Незримой Смерти. Её гнездо далеко на юге, за проливом... и потом ещё нужно много дней идти через пустыню и леса, совсем не такие, как наши, чтобы попасть в области, где она царит...

– Может, оно и так, – уныло согласился Бран.

Они поехали дальше: спокойный и сосредоточенный Хаген и Бран, нахмуренный и, как показалось тану, несколько напуганный. «Непривычно, видать, вдали от леса», – подумал Хаген и выбросил это из головы.

Солнце и не думало закатываться, день, казалось, будет длиться вечно. Тан знал, что на севере ночи короткие, но чтобы их совсем не было...

– Что ж ты хочешь? – Бран хрипло усмехнулся, облизнул пересохшие губы. – Гнипахел-лир – это, молодой тан, куда севернее, чем все населённые людьми земли. Наше счастье, что сейчас лето, – иначе заледенели бы в момент, и конец.

– Ладно, останавливаемся, – натянул поводья Хаген.

Они едва успели разбить небольшой лагерь в узкой, едва приметной с расстояния ложбине, как Хаген понял, что значили слова «Гарм пробудился», доселе остававшиеся для него лишь неким грозным символом.

Неистовое низкое рычание донеслось откуда-то спереди и снизу, из-под земли, из неглубоких её каверн, и всё вокруг затряслось, заходило ходуном, заскрипело и застонало. Тан бросился ничком, прижав к холодной почве ухо и пытаясь понять – далеко ли они от цели; Бран только скривился.

– Конечно, будешь зол, – ни к селу ни к городу произнёс он задумчиво, – если тебя посреди ночи растолкают, а потом заснуть не дадут...

За первыми раскатами рыка последовали новые; их наполнила дикая, кровожадная, иступлённая ненависть ко всему живому и к тем, кто до сих пор держит на привязи его, великого бойцового Пса Смерти, не давая ему вырваться на волю и власть напиться тёплой крови живых, а не этой мерзкой холодной жижи, что он находил в бросаемых ему трупах... И уж на что твёрд был Ученик Хедина, повстречавший в своей жизни немало страшилищ, но содрогнулся и он. Хаген легко мог представить себе, как рвутся ещё сдерживающие Пса путы, фонтаном устремляется в небо волна развороченной земли и из исполинского провала поднимается чудовищная голова с горящими глазами и вечно ненасытной пастью.

Тан встряхнулся, отгоняя кошмарное видение. Бран стоял рядом, сжав губы и сдвинув брови; лицо его, однако, осталось спокойно, и Хаген невольно устыдился своей, как ему показалось, слабости.

– Да-а, крепкая зверюга, – с оттенком уважения проговорил Сухая Рука. – Лучше бы ему ещё поспать. С удовольствием пожелаю ему приятных сновидений!..

Гарм утих; тан и Сухая Рука устроились на ночлег. Поев, они завернулись в одеяла. Бран тотчас уснул; Хагену же не спалось. В ушах тана стоял рык Пса.

Сперва ему показалось, что он дремлет и грезит, но потом в сознание, как всегда внезапно и быстро, одним толчком ворвалось новое чувство. Хаген слышал тонкий писк, похожий на комариный, на самом пределе, что разбирает человеческий слух. «Мошкара, что ли?» – мелькнуло у него, но в следующее мгновение он уже оказался у края ложбины, опустив забрало и держа в руках меч. Рядом лежал небольшой заряженный арбалет.

По равнине медленно двигалась длинная цепочка бледных, размазанных огоньков. Неяркие, они напоминали болотных светлячков. А потом подле каждого огонька Хаген разглядел и смутно белеющие в полумраке фигуры; очертаниями они напоминали человеческие, только размытые и безликие. Впереди же этой процессии шагал некто высокий, весь в сером и чёрном: Хаген различал заостренный сверху шлем, широкое лезвие несомого наперевес странного клинка; от этого существа волнами расходилась сила, мрачная и безжалостная, но в то же время и равнодушная.

Высокий воин поравнялся с ложбиной, где лежал Хаген. Остановился. Неспешно повернул голову в сторону замершего тана – и Хаген ощутил, как мощные незримые руки начинают отдирать его от спасительной земли. В ворота рассудка колотился обезумевший ужас – вскочить, бежать!..

Пальцы Хагена легли на точёную рукоять арбалета. Движение, совершенно бессмысленное сейчас; замереть, распластаться, пусть эти холодные ладони загребут пустой песок!

И тут тану показалось, что он действительно сходит с ума. Перед самыми его глазами был край ложбины, неровная линия слежавшегося песка и мелких камней; внезапно на эту картину

наложилась другая: он словно бы вставал, в то же время оставаясь лежать. Ледяные тиски боли стиснули сердце, помутилось сознание...

«Сейчас, – лихорадочно, как показалось Хагену, подумал он. – Как я мог... это же Яргохор, Водитель Мёртвых... Тот, кто извергает души... Заклятье! Заклятье... заклятье...»

Прежде чем память подсказала Хагену подходящее заклинание, его рука взметнулась сама собой и сделала единственное, что могла, – разрядила самострел прямо под обрез высокого чёрного шлема, где могла оказаться роковая для смертного воина щель в доспехах.

Никто и никогда не посягал с оружием на могучего Яргохора, не зря носившего имя Водителя Мёртвых. Век за веком унылые караваны душ, недостойных иного посмертия, тащились через безжизненные поля Гнипахеллира к печальному пути без возврата, к Чёрному Тракту, к дороге в Хель. Редко, очень редко живые осмеливались углубляться в Гнипахеллир, но, если они встречались Яргохору, он делал с ними то, что привык, – исторгал души, уволакивал их с собой в бездны Нифльхеля. Когда-то Водитель Мёртвых носил иное имя, ныне совсем забытое... Маг Хедин мог бы многое рассказать о том, как переусердствовал этот самый юный из Молодых Богов в Первый День Гнева и был наказан суровым, но справедливым Ямертом – лишён сил, богатства памяти и поставлен провожатым мрачных процессий. Давным-давно Хедин, движимый частично любопытством, частично – сочувствием к претерпевшему от Молодых Богов, побывал здесь и видел Яргохора; однако Учителя Хагена тогда ждало разочарование. Водитель Мёртвых не стал вступать в разговор, а попросту потянулся незримыми когтями, как он делал всегда, встречая живого... Хедин воздвиг барьер могучих Охранных заклятий, и когти убрались, однако Маг не мог точно сказать – подействовали на Яргохора колдовские преграды или Водитель Мёртвых просто понял, что перед ним не простой Смертный...

Короткая и толстая арбалетная стрела высекала снопы искр из брони Яргохора; тёмная фигура его внезапно пошатнулась, и мир в глазах Хагена перестал двоиться.

Яргохор застыл, словно колеблясь; Хаген тоже оцепенел, оставив даже попытки вспомнить слова магической обороны. Действовали лишь его руки – причём сам он не давал никакого приказа, они двигались как бы помимо его воли, поспешно перезаряжая арбалет.

Вокруг ложбины замкнулось кольцо бледных безжизненных огней. Мёртвые терпеливо ждали, им спешить было некуда, впереди их ждала почти что вечность.

Яргохор стал угрожающе поднимать длинный меч и шагнул к Хагену, словно простой воин; тан не мог ни о чём думать, он просто выстрелил вторично.

В свете короткой вспышки Хаген увидел, что из тела Водителя Мёртвых торчит первая арбалетная стрела, ушедшая почти на всю длину; Яргохор вновь остановился, и тану показалось, что он слегка пошатнулся.

Бредовая, безумная сцена разыгрывалась в полном молчании; Хаген даже отдалённо не мог представить себе, что делать дальше. О борьбе со столь могущественным слугой Молодых Богов, каким оставался Яргохор, они с Учителем пока ещё не говорили.

Высокая фигура со страшным мечом сделала ещё один шаг вперёд, но теперь уже очень неуверенно. Хаген вновь ощутил касание невидимых жёстких когтей и поспешил сотворить Ограждающее заклятье. Клыки вошли в стремительно уплотнявшуюся туманную защиту тана, как холодный нож в ещё более холодный кусок масла, – с трудом, явно увязая; но тут Ученик Хедина выстрелил в третий раз, и ловчие снасти Водителя Мёртвых убрались прочь.

Яргохор повернулся, опуская оружие, неспешно провёл рукой по груди, и все три арбалетных дротика с лёгким звоном упали на землю – это оказался единственный звук, нарушивший сгустившуюся над ним давящую тишину; в безмолвствии Гнипахеллира он прозвучал подобно колоколу.

Не обращая более никакого внимания на Хагена, Водитель Мёртвых взмахом меча велел мертвецам следовать за собой и зашагал прочь. Хаген смотрел им вслед, не в силах пошевелиться, пока марево и сумрак не скрыли их.

Придя в себя, тан яростно затряс Брана.

– Э, в чём дело?.. Уже вставать? – сонно забормотал тот.

– Да очнись, лежебока! – гаркнул тан. – Мы с тобой оба едва не отправились в Нифльхель, пока ты тут дрых!

– Так мы ж туда и собирались, что ж не отправились-то?

– Тут был Яргохор, – раздельно выговорил Хаген. – Водитель Мёртвых. Со своим караваном. Слышал о таком?

– Ну и что? – искренне удивился Бран. – Знаю я о нём и видел даже раза три в молодости.

– Ты трижды видел Яргохора? – Глаза Хагена полезли на лоб.

– Да, а что же тут странного? – пожал плечами Бран.

– Тогда почему ты до сих пор жив?! – страшным голосом рявкнул Хаген. – Яргохор исторгает души всех Смертных, что попадают у него на пути! Как ты мог уцелеть?!

– Что-что? – Сухая Рука казался страшно озадаченным. – Исторгает души?! Впервые слышу! Это верно?

– Да уж можешь мне поверить, – ядовито сказал Хаген. – Я выстрелил в него трижды из арбалета, поставил одно несложное Охранное заклинание... Не думаю, что его остановило именно это – по крайней мере, мои дротики он вынул из себя и отбросил в сторону, и не заметно, чтобы они нанесли ему хоть какие-то раны, но, так или иначе, он остановился, а потом пошёл своей дорогой. Ты можешь это объяснить, если встречался с ним трижды?

– А может, он бы так и прошёл себе мимо, даже если б ты и не выстрелил...

– Нет, – содрогнулся Хаген. – Моя душа... она начала покидать тело... врагу не пожелаю такого...

– Ничего не понимаю, – развёл руками Бран. – Я-то сейчас спал себе и ничего не чувствовал...

«Вот и ещё одна загадка, – подумал Хаген. – Каким секретом владеет этот Сухая Рука, что Яргохор не замечает его? А может, Бран вообще бессмертен?! Да нет, это глупости...»

– Да, и неясно, почему он вдруг оставил тебя, молодой тан, если уж начал, по твоим словам, исторгать душу...

– Ладно, всё это обдумаем позже, – мрачно махнул рукой Хаген. – Сейчас у нас есть дело, и с ним надо покончить. Давай соснём ещё – а потом в дорогу.

Пока пробивался к монастырю Гудмунд, беседовал сперва с Хрофтом, а затем с Браном Хаген – Фроди выполнял полученный от тана приказ. Он тоже пробирался на север, к Рёдульсфьёлльским горам, разыскивая Хранителей Покрывала Ялини. Он тоже видел затканное бесчисленными дымами небо; видел спасавшихся от распространяющегося пожара птиц, зверей и прочих мелких лесных обитателей, вроде Цветочных Дев... Один раз мимо него промчался даже мормат-страшилище, Фроди отпрянул, подняв дубину, но кошмарная тварь не обратила на него никакого внимания – тащила прочь двух своих детёнышей.

Размытые горы, границы Северного Сада Ялини, были уже рядом. Фроди ехал по широкой, густо заросшей долине, вдоль берега небольшой речки, на редкость чистой и ласково журчащей. Грубоватый и сильный воин редко прислушивался к музыке вод, но сейчас час за часом ехал словно заворожённый – так чист, звонок и переливчив был голос скользящего по многоцветным камням неглубокого потока. Когда Фроди нагибался, чтобы напиться, ему казалось, что от воды исходит некий слабый, едва чувствующийся аромат – не пропитай всё вокруг отвратительный запах гари, он смог бы разобрать его. Когда он подносил ко рту сложенные

горстью ладони, ему казалось, что он держит изысканнейший кубок с драгоценным вином; и вкус этой воды Фроди не мог описать никакими словами.

Под стать воде оказалось и остальное в этой долине. Исчезли мрачные ели, тонкие сосны, унылые серые мхи; склоны покрывали неведомые Фроди кусты, деревья и травы, в чем-то похожие на привычные человеку севера, но и очень существенно от них отличавшиеся. Он не видел колючих чащ или непролазных буреломов, гниющего валежника или упавшего сушняка. Золотистые стволы взносили к самому поднебесью клубящиеся облака крон; хвойные деревья не щетинились колючками, их иглы стали длинными, мягкими и источали слабый зеленоватый свет, не видимый при солнце, но хорошо заметный в сумерках. Яркие не по-северному цветы причудливо сочетались со строгостью линий ветвей. Здесь не было безумного кипения бесконечно пожирающего друг друга скопища растущих идвигающихся существ, коим полны южные леса. Фроди видел плоды – точнее, громадные шишки с удивительно вкусными и сочными орехами под чешуей, – эти шишки валялись повсюду, и он просто подбирал попадавшиеся.

Однако потом он увидел отвратительную проплешину, выеденную огнём в роскошном зелёном ковре, – обугленные костяки деревьев, кусты, сглоданные до самых корней, выжженная трава... Здесь с пламенем справились довольно быстро: пепел давно остыл. Фроди поехал дальше уже наугад – он миновал долину и въехал в сам Рёдульсфьёлль.

Здесь леса стали ещё прекраснее, ещё величественнее; высоко вверху смыкались зеленовато-золотистые перемычки ветвей, листья и иглы сплетались в причудливые венки. Окажись здесь Гудмунд, он нашёл бы эти деревья напоминающими те исполины, что окружали загадочный монастырь, хотя и несколько пониже; зато здесь лес был не в пример богаче жизнью.

Наугад Фроди пришлось ехать недолго. Порыв ветра принёс запах недалевого дыма, и воин Хагена поспешил повернуть коня.

Вскоре воздух посерел, между деревьев потянулись дымные полосы, затем Фроди увидел и проблеск огня; но тут к треску и гудению пламени внезапно примешались ещё какие-то крики, затем внезапно грянул гром, и лес задрожал, пронесся холодный вихрь, а Фроди едва не свалился с лошади – перед глазами вспыхнули кровавые круги. Он не разбирался в магии, но почувствовать заклятье мог. Там, впереди, неведомые противники обменивались колдовскими ударами.

Возле самой черты огня, где Фроди приходилось закрываться плащом и отворачивать лицо от нестерпимого жара, стояло несколько облачённых в зелёное фигур, невысоких, но очень стройных и изящных; они казались неподвижными, в то время как на них напирало несколько десятков странных существ, похожих на гномов, только ещё ниже, и вдобавок – поголовно горбатых, в мрачных чёрно-коричневых кафтанах.

Карлики Рёдульсфьёлля умели колдовать, это знали все. Но то, что они дерзнут в открытую помериться силами с Хранителями Покрывала, наверное, не пришло бы на ум даже Магу – исключая Хедина, конечно же.

Карлы дрались с мрачным ожесточением. Фроди не мог разобраться в колдовской части боя, зато оценил, насколько ловко они управляют с пращами и луками. Хотя четверо Хранителей отклоняли стрелы внезапными порывами ветра, от наиболее тяжёлых камней им приходилось просто увертываться. В то время как трое сдерживали натиск толпы карликов, один что-то делал, и спустя некоторое время с небес на огненные языки низвергся тугой и мощный ливень; из леса вырвались два коротких смерча, принявшихся сбивать летевшие далеко в стороны, горящие ветви и сучья.

Пламя зашипело, появился пар; колдовской дождь отвесной стеной падал в двух шагах от Фроди, но тот оставался сухим. Тем временем один из круживших вокруг пожарища смерчей прошёл по толпе карлов, разметал их и раскидал в разные стороны; оставшиеся на виду с визгами и бранью бежали.

Четверо в зелёных одеяниях молча сложили руки перед грудью, склонили головы и бесшумно двинулись прочь. Казалось, они плывут над обгорелыми кочками – Фроди не видел, чтобы их одежда колыхалась в такт шагам.

– Эй, постойте! – зычно окликнул их воин, выйдя из-за своего укрытия.

Уходящие замерли. Теперь он мог ближе рассмотреть их – стройные тела, неширокие плечи, изящные ладони. В тупик воина Хагена поставили их лица – не мужские и не женские, что-то среднее, без бород и усов, со смягчёнными чертами и гладкой, лишённой морщин кожей.

Ученик Хедина тотчас стал бы вспоминать, не упоминал ли о таких существах его Учитель, а если упоминал, то как о друзьях или о врагах. Фроди не знал всех этих высоких материй, он не стал ломать себе голову над тем, мужчин или женщин он видит перед собой, он просто прижал правую руку к сердцу и произнёс, поклонившись:

– Привет вам, не Хранителей ли Покрывала Ялини я вижу сейчас?

– Их самых, – последовал учтиво-холодный ответ.

– Тогда узнайте же! – И Фроди одним духом выпалил то, что поручал ему передать тан.

После его слов все четверо в зелёном молча воззрились на него.

– Что следует из сказанного тобой? – мелодичным, но всё-таки не женским голосом вымолвил один из них.

– Что следует?.. – удивился Фроди. – Не знаю! Мне лишь велели предупредить вас. Я сделал это. А что следует из моих слов – вам судить, верно?

– А что бы ты сделал? – последовал новый вопрос.

– Я бы постарался загасить все пожары в ваших лесах, – произнёс вслух первое пришедшее на ум Фроди. – Изменил бы, может, ветры – чтобы не несли гарь на Гарма...

Хранители Покрывала встали в тесный кружок и принялись о чем-то совещаться. Фроди терпеливо ждал.

– Хорошо, посланец, – услышал он наконец. – Мы слышали твои слова. Будь нашим гостем сегодня – ты нуждаешься в отдыхе, и обратный путь тебе предстоит долгий... Море отсюда недалеко.

«Откуда, сожри меня дракон, они взяли, что я собираюсь идти к морю?» – удивился воин Хагена.

Его долго вели сквозь самые прекрасные леса, какие ему только доводилось видеть. По невысоким холмам и неглубоким распадкам на десятки лиг тянулся Сад Ялини, и не родилось ещё такого Смертного, кто остался бы равнодушен к его красотам. К его ярким и чистым краскам, цветам и листьям, алым и серебряным, голубым и тёмно-зелёным; стройным багряным стволам и золотистым кронам, источавшим завораживающий медвяный аромат. Кусты составлялись друг с другом в изяществе соцветий, деревья – в величине и вкусе плодов. Гирлянды распустившихся многоцветных венчиков перевивали густую зелень облаков листвы. Удивительное чувство соразмерности царило в этом лесу – и в то же время полной свободы всего живого. Милосердная Ялини не терпела кровопролития и принуждения.

Их путь пересекали хрустальные ручейки; в каменных чашах на груди прозрачных вод колыхались розоватые кувшинки. Неумолчное птичье пение сопровождало их всю дорогу, и не верилось, что эта цветущая страна лежит у самых пределов Гнипахеллира – мрачного царства смерти.

Извилистая тропа привела их в округлую неглубокую котловину, её дно покрывали мягкая высокая трава и отдельные кусты; по краям, точно стены, росли деревья, специально сплетшие ветви над головами пришедших. Это был настоящий лесной торжественный зал.

Казалось, звёзды спустились с небес, чтобы, заключёнными в хрустальные росные шары, мягким серебристым светом освещать зал; всеми цветами радуги – только приглушёнными, неярко – светились листья и цветы на кустах. Зеленеющий травянистый дёрн служил столом,

на котором ловкие руки Хранителей расставили деревянные чаши с напитками да несколько блюд с плодами и орехами – и Фроди мог поклясться, что ни до, ни после ему не доводилось пробовать столь восхитительно вкусной еды, а питьё оставляло далеко позади все прославленные вина населённых людьми земель.

– Ты видишь, как прекрасен Сад Ялини? – тихо спросил у ошеломлённого всем этим великолепием Фроди один из Хранителей.

– О да, прекрасен и удивителен! – с набитым ртом ответил воин Хагена. – Никогда не видел ничего подобного!

– И не увидишь, – заверил его Хранитель. – Всё это создала милосердная Ялини, против которой ты по недомыслию борешься, уподобляясь тем карликам, которых нам пришлось рассеять этим днём!

Фроди поперхнулся орехом.

– Боремся против Ялини?! Что за чушь, мой тан сам отправил меня сюда! Стал бы он делать это, враждуй мы с вами!

– С нами он действительно не враждует. Мы с ним – тоже; по природе нашей, по заветам милосердной Ялини мы ни с кем не враждуем, и даже этих карлов, которые жгут наши леса, мы никогда не убиваем.

– Это отчего же? – удивился Фроди.

– Владычица Ялини никогда бы не вынесла и единственной капли крови живого существа, пролитой её слугами и её именем. Ей не нужны поля, дымящиеся от крови невинных жертв. Даже злейшим врагам, покушающимся на её Сад, мы не причиняем никакого вреда. Но мы отвлеклись. Твой тан, которому ты служишь, хорошо известен нам, как и его Учитель, маг Хедин. Этот Маг и борется против нашей Владычицы, и нам больно, что столь сильные и мужественные люди оказываются среди служащих Познавшему Тьму, – те, чья доблесть нужна в борьбе с иным, настоящим злом!

Фроди почти ничего не понял из обращённой к нему горячей речи; он нахмурился, сдвинул брови, потёр лоб один раз, потом другой, кашлянул, но придумать нужных слов так и не смог. Голова никогда не была его сильным местом. Он уразумел только одно: эти непонятные Хранители что-то имеют против его тана и почитаемого всеми воинами Хагена, его Учителя; об этом следовало как можно скорее рассказать им.

– А на кой вы мне всё это говорите? – наконец выдавил из себя Фроди. – Подумали ж такое... Чтобы мой тан был против Владычицы Ялини!

– Не впрямую, но тем не менее он – против, – продолжал мягко внушать воину собеседник. – Всё зло – от Учителя твоего тана. Вы для него – ничто, пыль на обочине дороги, муравьи или мухи, которых можно смахнуть одним движением и после этого навсегда забыть об их существовании. Титул «Познавший Тьму» так просто не даётся. Подумай об этом, воин. Почему бы не остаться тебе здесь? Ведь сердцем твоим, не отягчённым злодействами и разбоем, ты уже полюбил эти места и не прочь бы жить в этих краях, стать одним из нас, оберегающих и приумножающих их великую красоту по предназначениям Владычицы Ялини...

– Что-то ты такое городишь, что у меня голова кружится, – прижал ладони к вискам Фроди. – На Учителя наговариваешь... пугаешь... недобры твои речи, Хранитель!

– Мои речи не могут быть недобры, – мягко возразил тот. – Мы не враги никому на этой земле. Приди сюда Маг Хедин – мы не поднимем на него оружия, если только он не попытается причинить ущерб нашим лесам; но даже если он и попытается, мы станем бороться с его действиями – не с ним самим; его мы в лучшем случае сможем пленить и отослать куда-нибудь подальше от наших пределов, не причинив ему ни малейшего вреда, живым и здоровым. Теперь ты понял? Подумай, ведь зов леса Ялини силён в твоём сердце – останься с нами, стань одним из нас, говорю тебе вновь!

От ароматов у Фроди всё плыло перед глазами, но чутьё опытного воина уже предупредило об опасности, и с этого момента он лишь прикидывался захмелевшим и расслабившимся, на самом деле незаметными движениями проверяя оружие и перекладывая его поудобнее. Отполированная рукоять любимой дубины как бы случайно уже лежала в его ладони.

И тем не менее на миг острая тоска овладела сердцем – как хорошо в самом деле было бы навсегда поселиться в этих сказочных местах, грудью защищая их от всех опасностей... каждый день приходиться в этот лесной дворец... пить воду из этих родников... вдыхать запах этих цветов. И забыть навсегда о неимоверно тяжких днях его убийственно-невыносимого труда, что выпадает на долю любого ратника, когда закладывается фундамент будущих побед.

А потом наваждение исчезло, как унесённое ветром. Он услышал скрип вёсел «дракона», когда все до единого гребцы наваливаются на деревянные плавники рукотворного морского зверя, идущего наперерез врагу; скрежет стали своего меча, пробившего доспех противника и обagrённого чужой, но взятой в честном бою кровью; резкие команды тана, поворачивающего их небольшой панцирный отряд навстречу новой угрозе, как всегда вовремя, ни минутой позже и ни минутой раньше, чем нужно; и тихий голос Учителя, волшебника Хедина, долгими зимними вечерами на Хединсее, в зале у большого камина рассказывающего всем, кто хотел его слушать, чудесные истории из былых дней Хьёрварда, словно сплетая удивительную сказку...

– Ну, мне пора, – поднялся Фроди и, не удержавшись, сделал последний прощальный глоток из чаши, осушив её до дна. – ...Сами же говорили – до моря недалеко. – Он свистом позвал коня и стал осёдлывать его.

– Ты отказываешься... – медленно произнёс, печально кивая головой, обращавшийся к Фроди Хранитель. – Что ж, иного я и не ждал. Ты ещё осознаешь свою ошибку, но будет уже поздно...

– Может, и пожалею, – пожал плечами Фроди. – Мало ли о чём может пожалеть человек! Только это всё равно не важно, пожалею я или нет. – Он уже затягивал подпругу.

– Мы предупредили тебя, – в упор глядя на воина прозрачными зеленоватыми глазами, сказал Хранитель. – Предупредили тебя, а значит, и твоего тана, и его Учителя. Милосердная Ялини не хочет новой войны. Мы выполняем её волю, и не только – мы тоже ненавидим любую войну и всякое насилие и верим, что настанет день, когда они сгинут без следа с этой земли.

Фроди мог лишь пожать плечами в ответ на это велеречивое рассуждение. Он не мог спорить с Хранителем. Гудмунд, ускакавший друг-приятель, наверное, нашёл бы что сказать – он всё же умел читать и немало знал; а Фроди был простым сыном деревенского кузнеца в приморской деревне бондов и отроду не задумывался ни о чём подобном. От мыслей у него всегда начиналось гудение в голове и колотье в висках. Куда приятнее было работать дубиной!

Взошла луна, ехать по гладкой и утопанной тропе оказалось легко. Не дожидаясь рассвета, Фроди покинул Рёдульсфьёлль, навсегда унося в глубинах памяти тоску по его недоступным красотам. Воину Хагена предстояла долгая дорога к побережью Унавагара, к единственному бедному рыбацкому селению в тех диких краях, где он намеревался ждать Гудмунда. Мысль, что друг может и не вернуться, даже не пришла ему на ум.

На одном из поворотов тропы конь отпрянул и испуганно заржал. Фроди несколько раз похлопал его по шее, успокаивая, и тронулся дальше, не заметив выскользнувшую из-за кустов низкорослую темную тень, двинувшуюся по его следу.

Хаген хмуро озирался по сторонам. Уже второй день они с Браном ехали по диким полям Гнипахеллира; с востока и запада поднялись тёмные массивы Предельных гор; прямо перед путниками открывался широкий вход в горную долину, постепенно сужавшуюся в отдалении, пустую, сухую и безжизненную – лишь красноватая земля да угрюмый тёмно-серый камень утёсов. Обычные горы испещрены мириадами трещин, то тут, то там, если это не слишком высоко, упрямо цепляются за скалу корнями ползучие травы; видны следы когда-то бежавших

вниз по склонам ручьёв, промоины, ложбины, ущельица; здесь же горы казались возведёнными чьей-то рукой крепостными стенами. Они начинались не с плавно повышающихся холмистых предгорий, а сразу же вставали мрачными, вознёсшимися к поднебесью бастионами. Отвесные кручи поднимались вверх на тысячи и тысячи футов, чтобы окончиться там острыми, точно наконечники копий, вершинами. Предельные горы – и что за ними, ведомо одним Магам; даже птицы никогда не осмеливаются залетать за чётко обозначенную их линией границу, установленную Молодыми Богами в незапамятные времена после Первого Дня Гнева.

Хаген, однако, знал, что скрывается за этими насупившимися громадами, – Учитель не раз рассказывал об этом. Противоположные склоны Предельных гор омывает вечно скованное здесь льдами море. Белая пустыня тянется до самого Кругового океана, чёрным кольцом своих вечнотекущих вод опоясывающего весь плоский Мир. В этих льдах никто не живёт – не встретишь здесь ни белых медведей, ни тюленей, обычных для более западных областей. Здесь владения Ялвэна – Распорядителя Холодов, Управителя Вьюг и Ключаря Снежных Кладовых. По приказам своего старшего брата Ямбрена, Владыки Ветров, когда наступают в Восточном Хьёрварде зимние месяцы и лик Ямерта склоняется над иной, южной половиной этого Мира, Ялвэн отворяет свои исполинские ледяные палаты, и ветра Ямбрена щедро черпают в них запасы холода и снега, чтобы выбелить поля и рощи Хьёрварда, дать отдых лону земли, хранительнице её плодородия Ятане, старшей сестре кроткой Ялини, Хозяйки Зелёного Мира. Сам Ялвэн развлекается, слагая бесчисленные орнаменты из льдин и снежных кирпичей, подчиняя их бесконечно вьющиеся цепи сложнейшим закономерностям. Говорят, что именно от него люди в давние времена научились счёту, более сложному, чем простое сложение и вычитание. Когда-то Ялвэн частенько пускался в странствия – особенно летними месяцами, когда его амбары запирали огромный колдовской замок. Теперь подобного не бывает. Ялвэн потерял интерес к окружающему миру, с головой уйдя в мир числовых отвлечённых законов, люди и их дела стали не интересны ему, и он, похоже, сам забыл о том, что прежде искал, бывало, применения открытому им правилу или закону. Но числа, не подвластные никаким Богам – не важно, Молодым или Старым, – окончательно пленили его, и вот тянутся по бескрайним ледяным пустыням Окраинного моря овеществлённые законы числового счёта, выложенные из кусков застывшей воды, законы столь сложные, что не родился ещё ни один Маг, способный разобраться в них...

Все это Хаген дорогой рассказывал Брану. Сухая Рука слушал его с некоторым ехидным сомнением – уж слишком смахивало на сказку! Тана, ожидавшего, что Бран будет внимать его словам с открытым от удивления ртом, несколько задела эта ирония, хотя он сам старался не признаваться себе в этом.

– Человеку это всё без надобности, – наконец махнул рукой Бран. – Боги, Маги, чудеса... А по-моему, так есть своя жизнь и своё, людское дело, которое ты и рождён выполнять. Отгонять нежить – конечно же, надо, и голову для этого на плечах иметь тоже желательно, да хорошо бы ещё и знать кое-что об этой нежити – но вмешиваться в дела всего этого племени нелюдей – нечего. Себя только потеряешь.

Хаген не стал спорить со своим спутником. В конце концов, он хоть и знает вход в Лесной Коридор и, быть может, скоро вновь понадобится, нечего обращать внимание на его излияния. Пусть говорит, что хочет. У него, у Хагена, дело и так есть. У него и у его Учителя. Великое и небывалое... И одна из частей их дела – усыпить этого так некстати проснувшегося Пса. Хаген невольно коснулся ладонью фляги с маковым отваром, которую дал ему Старый Хрофт.

– Ну, так где же вход? – с любопытством спросил Бран, меняя тему разговора. – Горы, глядишь, скоро уж и сойдутся, а ворот всё не видно!

– Нам ещё предстоит одолеть первую заставу стражей Чёрного Тракта, – проворчал Хаген. – Так что говори потише – у них уши лучше собачьих.

– Хочешь биться? – прищурился Сухая Рука.

– С ними не очень-то побьёшься, – вновь проворчал Хаген, не слишком расположенный сейчас к беседе. Великаны могли появиться в любой миг, а тут Бран с ненужными разговорами!

– Не бойся, – вдруг усмехнулся Сухая Рука, словно прочитав мысли тана. – На лигу от нас никого нет. Дальше я опасности, увы, ощущать не умею, но уж ближе – точно не ошибусь. Проверял не раз.

– Как это ты делаешь?

– А как рыба дождь чует? Слушай Лес, он тебя и не такому научит. – И Бран тронул коня. Озадаченный Хаген последовал за ним.

Лигу или полторы они действительно проехали спокойно; долина превратилась в узкое ущелье, залитое полумраком. Тропа пошла под уклон; начинался спуск к Преддверию Нифльхеля.

Первого великана на их пути заметил всё-таки Хаген. Заметил, применяя Заклятье Слуха и уловив в отдалении тяжёлые шаги прислужника мрачного Яэта, Подземного Владыки. В его обширных владениях обитали души трусов, неверных мужей и жен, совратителей и соблазнительниц и прочих, кто не достаивался подняться в посмертии к иным, сверкающим Верхним Мирам, к самому Оку Ямерта. «Когда делили Молодые Боги Мир, – рассказывал своему Ученику Хедин, – долго не могли они решить, кому же достанется бывшее царство Хель. Никому не хотелось владычествовать там, хотя владыка таких мёртвых душ и получал большое могущество. Сперва хотели метать жребий; потом решили присматривать за Хелем по очереди, исключая лишь светлого Ямерта; но так беспорядок ещё больше усилился, и тогда вызвался Яэт. Ему наскучила к тому времени бурная жизнь Молодых Богов, он искал уединённого места для раздумий и отвлечённых размышлений. Ему и поручили надзор. С тех пор владыка Хеля и получил прозвище Размышляющего Бога, хотя, над чем он может ломать голову столько тысячелетий, я никак не возьму в толк!»

Великан этот действительно оказался великаном двенадцати футов роста.

– Ну и страшилище! – с интересом разглядывая грузно топающего по тропе гиганта, заметил Бран. – Железа-то сколько на нём наворочено... От кого они тут защищаются?

Хаген пожал плечами и вновь сделал Брану знак молчать. Рука тана сжимала арбалет, хотя он и знал, что стрелять бессмысленно. Воина Чёрного Тракта могло убить лишь особое оружие; когда-то такое мастерили Древние для своих странных, никому ныне не ведомых целей. Хедин не первое десятилетие бился над секретом таких клинков, был близок к успеху, но... пока на боку его Ученика висел меч, отлично убивавший людей и колдунов, Ночных Всадниц и сумрачных хедов, разящий наповал троллей и драконов, могущий лишить телесной оболочки даже Мага – но беспомощный здесь, как будто его выковали не молоты мастеров подгорного племени, а полупьяный кузнечный подмастерье где-нибудь в области бондов...

Железа доспехов на великане действительно хватало. Рогатый шлем с чешуйчатой «бородой», спускавшейся до середины груди, стальная сплошная кираса, из-под которой торчат рукава и полы длинной кольчуги, поножи и поручни, окованные шипастыми пластинками железа сапоги невероятного размера. В одной руке великан держал железную палицу, в другой – треугольный короткий щит, вроде тех, что надевают для одиночных схваток мечники.

Великан шумно сопел, втягивая воздух широченными, словно вывернутыми наизнанку ноздрями. Что-то взволновало его, он глухо порывкивал, вертя головой.

Бран смотрел на страшилище совершенно спокойно, с обычным своим задумчивым прищуром; Хаген же, не сводя глаз с приближающегося великана, достал из складок одежды короткую трубку и крошечный кисет с едким чёрным порошком. Сухая Рука не без интереса наблюдал за его действиями.

Ветер внезапно переменялся, дунув по направлению от них к стражу Чёрного Тракта. Тот грозно взревел, поднял дубину и кинулся вперёд, прямо к тем камням, за которыми укрывались тан и его спутник.

– Учуй, – флегматично заметил Бран. – И что теперь будем делать?

– Сейчас увидишь, – буркнул тан, поднося к губам заряженную чёрным порошком трубку.

Топот и громкое всхрапывание раздалось совсем близко. Две здоровенные ручищи в кольчужных рукавицах ухватились за край камня, потом над острой гранитной гранью появился шлем размером с добрый бочонок. Даже в темноте узкой смотровой щели можно было разглядеть красный блеск глаз гиганта; и тотчас же Хаген, подавшись вперёд, приставил свою трубку чуть ли не к самому забралу великана и резко дунул.

Раздавшийся рёв вполне мог бы сравниться с ворчанием Гарма; гигант закружился на месте, вслепую цепляя лапищами воздух, бросив и щит, и дубину, а потом стал срывать с себя шлем.

– Этого ему надолго хватит, – бросил Хаген.

Обойдя вопящего и воющего великана, они поехали дальше.

– Ловко, – одобрил Сухая Рука. – Не люблю зряшных убийств.

– Посмотрим, что будет дальше, – прервал его Хаген.

Дальше их ждала пещера. Сначала стены ущелья сошлись почти вплотную, путь замкнула высокая чёрная арка входа. За ней царила непроглядная тьма. – Что мы там разглядим, факелов-то не запасли, – заметил Бран.

– Не ворчи! Найдется кое-что получше, – отрезал Хаген.

Лошади упирались, не желая идти внутрь; Ученик Хедина поднял правую руку, шепнул несколько слов, и на ладони его появился голубоватый светящийся шар. Одно из первых заклятий, которым Маги учат своих подопечных.

– А болтали-то об этом Преддверии Нифльхеля! – вполголоса заметил Бран. – Пещера как пещера, большая, правда...

– Здесь же всё пропитано смертью, ты разве не чувствуешь? – сквозь зубы прошипел Хаген. На него уже обрушился кошмарный поток безумных видений; из-за пределов узкого круга света, отбрасываемого его шаром, на них с невыразимой словами ненавистью смотрели глаза тысяч и тысяч бестелесных и облачённых в плоть существ, каждое из которых желало только одного – забыться, напившись их горячей крови. Почему Сухая Рука не чувствует этого?! Хагену приходилось напрягать все силы, чтобы не поддаться приступу страха; у него было чувство, что он спускается в собственную могилу.

Тем временем эхо от конских копыт утихло – стены разошлись настолько далеко, что звуки их не достигали. Впереди во мраке зажглись алые точки чьих-то глаз, наверху зашуршали невидимые крылья – какие-то твари носились над самыми их головами.

– Ты опасаясь этих, молодой тан. – Сухая Рука кивком указал на багровые огоньки глаз. – Опомнись! Ты же человек, а люди всегда сильнее нежити. Они берут нас нашими же страхами и неуверенностью.

– То-то Пожиратель Душ тобой едва не занялся, – прохрипел Хаген.

– То – нежить особая, – назидательно заметил Бран. – Специальная, только для того и сотворённая... чтоб тому, кто их создал!.. А здесь – здесь их вотчина, вот и всё.

– Чья вотчина, что ты несёшь? – обливаясь холодным потом, выдавил Хаген. – Ничего не понимаю...

– Здесь вообще родина нежити, – охотно пояснил Бран. – Гнипахеллир и пещера эта – их исконные владения. Что ж дивиться тому, что их здесь много? Только я ещё вот что скажу. Те из нежити, для кого люди – пища, здесь не обитают, им тут делать нечего...

Его речь прервали страшный рёв и грохот, земля затряслась, заходила ходуном, лошадь тана с жалобным ржанием упала, Бран поспешно спрыгнул сам; где-то невдалеке что-то рушилось, раскалывалось и обваливалось, в лица им ударил жаркий зловонный ветер... Это вновь подал голос проснувшийся Гарм. А потом всё вновь стихло, и они молча продолжили путь.

Постепенно вокруг них становилось светлее, вскоре уже они могли различить землю под ногами коней; Хаген погасил свой шар и, как оказалось, напрасно – что-то моментально упало на него сверху, когти вцепились в доспехи, острые зубы попытались прокусить плотную стальную вязь хауберка; выручил Бран, рассекший тварь надвое ударом небольшого обоюдоострого топорика-секиры. Одновременно надвинулись и призраки – их тан не видел, но чувствовал – по холодным, кажущимся липкими прикосновениям, от которых мутилось сознание. Он поспешил вновь засветить свой колдовской огонь и, не удержавшись, прибавил несколько охранных заклятий.

– Убедился? – тяжело дыша, бросил он Сухой Руке.

– В чём? Этот крылатый вампир ведь напал на тебя, а не на меня...

– Случайность!

– Нет, – вздохнул Бран. – И скоро ты сам убедишься в этом.

Они двигались наугад, всё глубже и глубже под землю, и вскоре встретили одну из процессов Яргохора, но уже без самого Водителя Мёртвых. Бледные светящиеся фигуры медленно тянулись по единственной оставшейся им дороге – к логову Пса и далее, через Великие Врата, в бездны Хель.

Обогнав длинные ряды привидений, они достигли мест, где было уже почти так же светло, как в летнюю ночь в Хьёрварде. Впереди угадывались ещё большие каверны – и оттуда несло жутким смрадом.

– Логово Пса близко, – одними губами произнёс Хаген.

Призраки, крылатые и иные существа по-прежнему следовали за ними по пятам; мерзко шипя, что-то шевелилось на земле; наконец их кони окончательно вышли из повиновения и уперлись, не желая ступить вперёд и шагу.

– Подержи. – Тан сунул поводья Брану.

– А ты куда?!

– Вон за теми камнями – логово Пса. Мне нужно добраться до него, разве не ясно?!

Сухая Рука ничего не ответил.

Хаген пробирался между торчащими из земли острыми и высокими каменными клыками в сопровождении целого сонмища кошмарных тварей, живших остатками ужасных трапез Гарма. Извивающиеся, семенящие, ковыляющие, источающие гнилостное зловоние, они не дерзали приблизиться к Ученику Хедина, но и не отставали ни на шаг; на Хагена были устремлены тысячи алчных взоров. Тан не смог удержаться от того, чтобы не окружить себя магической защитой. Каждое заклятие отнимало силы, шаги становились всё более и более короткими. В руке Хаген сжимал эфес обнажённого меча, но от него сейчас было мало толку. Все надежды его заключались в небольшой фляге, лежавшей в левой ладони.

Он уже почти добрался до каменной гряды, когда Пес приподнял голову и злобно рыкнул, чуя странных пришельцев.

Над изломанной линией гранитных клыков поднялась аспидно-чёрная морда с белыми, кажущимися незрячими глазами и кроваво-огненной распахнутой пастью. Гарма недаром откармливали здесь, в ближнем Нифльхеле, мясом мертвецов – Пес был величиной с добрый городской дом, где-нибудь в Хедебю или Бирке... Белые, без зрачков, глаза уставились на замершего тана – а затем рык швырнул Хагена на землю, и Пес, захлебываясь от ярости, рванулся с цепи что есть мочи: перед ним предстал Живой!

Вся нечисть, сопровождавшая тана, тотчас бросилась на него, упавшего, вгрызлась в доспехи... Омерзение оказалось сильнее страха, он вскочил на ноги, клинок описал широкий полукруг – и на камни брызнула чёрная кровь нападавших, оказавшихся недостаточно проворными. Светящийся шар давно погас, охранные барьеры слабели – ведь Хаген всё-таки не был настоящим Магом, а всего лишь Учеником, хоть и очень прилежным.

Пес хрипел и рвался с цепи, безумный взгляд белых глазниц ни на миг не отпускал Хагена. Тан уже видел громадное тело, исполинские когти налитых мощью чудовищных лап и груды тел возле окровавленного провала пасти. Истерзанные трупы громоздились настоящей горой; Ученику Хедина оставалось одолеть последнюю сотню шагов.

И он одолел её, отдав все силы. Чьи-то когти и клыки цепляли его, он наугад отмахивался мечом. Цепь Пса напряглась, как струна. Хаген видел трещины – длинные, чёрные, змеящиеся по стене, к которой были прикреплены звенья; казалось, привязь продержится ещё очень недолго. И всё-таки он дошёл и, широко размахнувшись, вылил содержимое фляги на холодные, разорванные человеческие останки перед самым носом Гарма. И тут сознание оставило его, ибо Пес неистово зарычал прямо в лицо Хагену; последнее, что чувствовал тан, была волна ужаснейшего зловония, от которого в голове его окончательно помутилось.

Раскинув руки, Ученик Хедина бессильно распластался на трупах.

Глава IX

Молочный туман, сгустившийся вокруг меня несколькими мгновениями раньше, медленно рассеивался. Заклятье Перемещения больше не действовало, я оказался где-то возле Замка Всех Древних. Где-то возле – потому что заклинье Перемещения никогда не доставит тебя точно в желаемое место, а лишь в его ближайшие окрестности. У Сигрлинн это всегда получалось лучше, а вот мне точность Перемещения никак не давалась.

Столп и венчавший его Замок Всех Древних казались сейчас тёмным посохом Мага, навершье которого горит волшебным огнём. По странному капризу строивших его Магов Первого Поколения Замок мог принимать любой цвет – и сегодня он сиял подобно алмазу, внутрь которого неведомыми заклинаниями поместили зажжённую свечу.

Воздух Срединного Неба сам сгустился у меня под ногами; твёрдая невидимая дорожка протянулась к ажурным парапетам Замка. Как давно я не заглядывал сюда! Внешне ничего не изменилось, но что-то встретит меня внутри?

Я медленно шёл к балюстраде, кольцом опоясывавшей Замок. Вызвать Сигрлинн на разговор по Эритовому Обручу я не смог – её вновь не оказалось в Джибулистане. Кстати, этого я в ней тоже не понимал: почему она бросала обруч, точно безделушку, в своих покоях, вместо того чтобы всегда иметь при себе – ведь при помощи Эритового Обруча Маг в любой миг может поговорить с другим Магом, если только у того Обруч тоже был под рукой. Со своим я не расставался никогда.

Если Эритовый Обруч оказывался бессилён для того, чтобы вызвать на разговор нужного тебе мага, необходимо было оказаться в Замке Всех Древних, где имелся особый зал.

Я миновал двери Совета. Вот у этих самых перил стоял я в тот день, когда Хаген появился на свет в забытом Богами и людьми Йоле; перешагивал через этот самый порог, направляясь к Шару Жребия...

Что-то вдруг потянуло меня вновь войти в Зал Совета. У меня не было там никаких дел, я намеревался любой ценой услышать Сигрлинн, но... рука моя уже толкала створки.

Зал пустовал, как ему и полагалось; лишь на своём месте сидел, спокойно глядя на меня холодным взглядом, Мерлин, Великий Мерлин, Глава Совета Поколения.

Я чуть было не отшатнулся. Что он тут делает?! Но...

– Хедин, Познавший Тьму, приветствует Главу Совета и кланяется ему, – произнёс кто-то внутри меня дружелюбным голосом положенную этикетом фразу.

Высокий, худой, похожий на аиста Мерлин приподнялся и наклонил голову в отточенном ответном поклоне.

– Мерлин принимает поклон Познавшего Тьму, – ответил он в тон мне, строго по канонам Древних.

Признаться, я замешкался. Он ждал меня? Или оказался в Зале Совета случайно? Вообще-то он предпочитал Замку Всех Древних свой любимый Авалон, но ведь многое могло и измениться за ту тысячу лет, что я провёл в изгнании!

Мерлин смотрел на меня и ждал; на лице его начинало появляться то хорошо знакомое мне лёгкое раздражение, когда его отрывали по пустякам от важных дел.

– У тебя ко мне дело? – наконец нарушил он затянувшееся молчание; говорил он весьма холодно. – Так не молчи тогда!..

– Да, у меня есть к тебе дело, – вдруг решился я на дерзкую атаку. – До меня дошли слухи, что изменился один из краеугольных Законов Древних; будто Совет получил право карать Мага небытием? Это правда? И если это правда – почему об этом я должен узнавать совершенно случайно, а не на Собрании Поколения, как положено бы?

– Ну и ну! – усмехнулся Мерлин, ничуть не удивившись – по крайней мере, внешне – ни моим словам, ни моей осведомленности. – Я вижу, изгнание подействовало на тебя благотворно, Познавший Тьму, – ты стал ревнителем закона, большим, чем даже Глава Совета!.. Ты, который раньше ни во что не ставил эти законы и нарушил почти все, какие мог?

– Но это не ответ, – упорствовал я, однако что-то не давало мне взглянуть в глаза Мерлину; я уже начинал поднимать голову и вдруг, словно испугавшись чего-то, вновь ронял её и продолжал смотреть в пол. – Как полноправный член Поколения я могу обратиться к тебе как к Главе Совета с подобным вопросом.

– Можешь, – кивнул Мерлин. – И вот что я отвечу тебе, Познавший Тьму. Я не скажу тебе ни да, ни нет, потому что, хоть ты и можешь требовать от меня ответа, нигде не сказано, что я обязан отвечать тебе. Ты, как я считаю, ещё не заслужил подобного права.

Это было прямое оскорбление, вызов, пощёчина – назвать можно по-разному, суть остаётся прежней.

– Ты хочешь поединка, Мерлин? – произнёс я, поспешно окружая свои мысли всеми возможными защитными барьерами, хотя пока и не ощутил попыток Главы Совета проникнуть в моё сознание.

– Поединка? – Мерлин чуть-чуть растянул тонкие губы в подобии улыбки. – Что ж, вызови меня, если есть желание...

И я лишний раз убедился в том, что по-прежнему ничего не могу сказать о намерениях Мерлина. Оскорблял ли он меня сознательно, рассчитывая взять надо мной верх в честном поединке, вновь изгнать и лишит Ученика? Или он действительно считал, что я ещё недостаточно загладил свои предшествующие прегрешения? Как бы то ни было, час нашей встречи с Мерлином ещё не наступил, я знал это и потому в ответ на его последние слова лишь пожал плечами.

– Нет, – ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более бесстрастно. – Даже если ты, Мерлин, будешь напрашиваться на дуэль, я не доставлю тебе этого удовольствия – если для тебя это действительно удовольствие.

Я закрыл за собой двери Зала Совета.

Похоже, они все здесь сговорились, думал я, отрешённо шагая дальше по балюстраде. Сговорились и теперь сбивают меня с толку. Что было нужно Мерлину? Он ведь ничего не делает зря. А с другой стороны – все настолько привыкли видеть в каждом его слове или поступке глубокий смысл, что не воспользовался ли он сейчас этим всеобщим поверьем? Может, рассчитывал заставить меня метаться, наделать ошибок и глупостей, после чего – вырвать-таки у Совета смертный приговор мне или же вечное заключение, подобное плену Ракота...

Однако мне пришлось оставить Мерлина в покое. Я пришёл сюда не за этим. Вскоре по правую руку от меня показалась ещё одна широкая, украшенная роскошной резьбой и инкрустациями дверь, и я толкнул её. Открывшаяся винтовая лестница вела вверх, к замковой библиотеке и личным покоям Магов. Да, каждый из нас имел несколько собственных комнат в Замке Всех Древних, и один из секретов этого строения заключался в том, что места в нём всегда хватало на всех. Мои давно пустовали; когда-то считалось совершенно невозможным в отсутствие хозяина зайти в его покои, и потому никто никогда не ставил на дверях замков, ни простых, ни магических; но, быть может, теперь всё не так? Когда-то твои комнаты в Замке Всех Древних служили самым надёжным тайником, и ещё со времен моего Ученичества у Старого Хрофта я оставил там нечто, что могло теперь очень пригодиться, – теперь, когда запахло новой войной Магов, если только не всеобщей астральной...

Спираль лестницы вывела меня в широкий коридор, выходивший окнами во внутренний двор Замка. Ноги несли меня сами, они помнили всё, хотя я не ходил этой дорогой более тысячи лет...

Я повернул мягко подавшуюся серебряную ручку двери. Невольно зажмурился и шагнул через порог. Знакомый, знакомый до боли, едва ощутимый запах своего жилья; он не выветрился, несмотря ни на что...

Да, здесь ничего не изменилось. Подле широкого окна во всю стену – сделанные из древних древесных пней три кресла, подарок лесных троллей времен ещё до их одичания, овальный стол в середине, в углу – стойка с мечами и копьями, арбалетами и шлемами – клинки матово поблёскивают, словно вчера начищенные, и те же книги на полках, написанные мной и мной собранные. Всё как было, и не скажешь, что прошло столько времени, даже пыли нигде нет.

Неужели всё осталось в целости? Я и думать забыл об оставленных здесь когда-то мной вещах. В молодости часто делаешь что-нибудь, сам не зная зачем, из чистого любопытства, а потом твои создания неожиданно оказываются наделёнными совершенно неожиданными свойствами...

Вдобавок мне тогда помогали Ракот и Мерлин, да и Сигрлинн не оставалась в стороне. Потом я надолго забыл о них; вспомнил лишь в дни Первого Восстания Ракота, но было уже поздно. Они могли бы помочь Поверженному продержаться дольше... но всё равно бы не спасли. Потом, когда я начал исполнять свой собственный План, они должны были понадобиться мне лишь на позднейших этапах, и я не мог тогда привлекать к себе внимание таким образом. Но пустить их в ход я так и не успел. Последовал вызов Сигрлинн... а остальное известно. Когда же срок ссылки истек, всё моё внимание оказалось поглощено Хагеном, и я был полностью уверен, что мои изделия, конечно же, не остались незамеченными Советом и прежде всего Мерлином; и я представить не мог, что они могли уцелеть. И опять-таки то новое, что родилось в моем разуме за долгие десять веков, не требовало для своего воплощения этих предметов. Я не хотел проявлять своего интереса к тому, лежат ли они, где я их оставил, или нет, опасаясь навлечь на себя подозрения раньше срока.

Я подошёл к своему рабочему столу, огромному, сделанному из половины толстого ствола исполинской секвойи; стол выглядел так, словно я оставил начатую работу лишь несколько минут назад и уже вернулся. Разбросаны были инструменты, стояли горелки, посуда, лежало несколько алхимических трактатов... Я сосчитал в уме до десяти и открыл один из ящичков.

И ничуть не удивился тому, что стол оказался пуст. Пал ещё один из Законов Древних, однако к этому я уже начинал, похоже, привыкать, как бы нелепо это ни звучало.

Итак, Мерлин похозяйничал здесь. Быть может, по моим комнатам шарил и не он сам... нет, он никому бы не доверил мое наследство, прекрасно понимая, какую опасность таят в себе невиннейшие на первый взгляд магические игрушки. Великий Мерлин оттого и стал зваться Великим, что ни разу не ошибся в том, когда дело можно перепоручить, а когда нужно засучивать рукава самому.

Итак, Законы Древних рушились один за другим. Меня учили, что на этих Законах основывается Равновесие Мира, нарушь их – и всё пойдёт прахом. Это оказалось не так; но, быть может, Молодые Боги сами изменили ограничивающие нас условия, о чем пока знает один только Мерлин? Погоди, сказал я себе. Неприкосновенность личных покоев в Замке Всех Древних – это не Закон, это лишь неуклонно соблюдавшийся на протяжении тысячелетий обычай. Можно, послав Астрального Вестника, побудить владык Обетованного изменить Мир – но, чтобы изменить слывший нерушимым обычай, нужно прежде всего измениться самому. Мерлин изменился. Что для него теперь Поколение, его неписанные законы и традиции? Пустой звук? Или он, напротив, свято убеждён, что действует на благо большинства? Я терялся в догадках...

Однако я не мог задерживаться здесь долго. Ничего из того, что осталось в моих комнатах, более не было мне нужно, и я, отчего-то пятясь, вышел на порог и прикрыл дверь. Пусть ждёт более располагающих к отдыху времён.

Я двинулся дальше, прямо к покоям Сигрлинн. Прежде чем вызвать её из Зала Слов, формально следовало убедиться, что её вообще нет в Замке.

Её дверь казалась сотканной из тончайших, точно паутинки, окаменевших кружев; неосознанно боясь повредить это великолепие, я громко постучал о косяк эфесом меча – подарком Ракота, и – о чудо из чудес! – дверь с нежным мелодичным перезвоном невидимых колокольчиков отворилась. Хозяйка была дома.

Сердце сделало попытку взволнованно трепыхнуться, когда я вошёл внутрь, но я тотчас подавил это безобразие. Разговор пойдёт о серьёзных вещах, и примешивать к нему сладкие или, напротив, горькие воспоминания я, само собой, считал величайшей глупостью.

Мне открылась небольшая анфилада, убранная голубым и зелёным; пол покрывал мягкий однотонный ковер цвета морской травы, по стенам, почти полностью покрывая каменную кладку, вился вьюн, и вообще всё свободное место занимали цветы и растения, небольшие пальмы и особые карликовые сосны... Сигрлинн, в тёмно-зелёном платье, сидела возле окна, у ног её извивалась лиана, рядом лежало несколько книг. Хозяйка подняла на меня глаза:

– Привет, Познавший Тьму.

– Ты уже вторая, кто сегодня почему-то называет меня этим давно забытым прозвищем, но это не важно, здравствуй.

– Вот как? И кто же опередил меня?

– Ты не догадываешься? Мерлин, конечно!

На секунду она наморщила лоб и прижала палец к виску, словно о чём-то задумавшись.

– Но ты же, я уверена, пришёл не просто так?

Мы оба играли в странную игру, оба знали это и знали, что сидящий напротив собеседник тоже знает – и тем не менее продолжали, закрыв свои мысли наглухо. Пожалуй, я бы мог прорваться сквозь её защиту, но пока этого делать не стоило. Если Сигрлинн тогда действительно предупреждала меня, искренне стараясь остеречь и спасти, следовало попытаться сохранить расположение.

– Нет, но мне хотелось повидать тебя, – ответил я истинной правдой. – И для того, чтобы поговорить о делах, и просто так...

– О делах? – подняла она брови. – По-моему, у нас с тобой никаких дел до сего момента не было.

– Ошибаешься, – возразил я. – Много лет назад ты предупредила меня, что Мерлин наделён теперь особыми правами и силами; ты опасалась, что я могу вызвать его гнев и он приведёт в действие свой неведомый механизм уничтожения; следовательно, у нас уже возникло общее дело – сохранение меня в живых, хотя я не знаю, почему тебе понадобилось спасти своего вчерашнего противника.

– Я не обязана объясняться тебе в причинах моих поступков! – ответила она чуть-чуть более резковато, чем следовало при той игре, что мы вели. – А если тебе уж так хочется знать – считай это моим капризом. – Она с вызовом глянула мне в глаза.

– Говори, говори, – подхватил я, стараясь не упустить выгодного момента. – И что же случилось дальше?

– Ничего не случилось, – пожалала она плечами, но разыграть равнодушие ей снова не удалось, и это показалось мне странным. Сигрлинн могла изобразить всё, что угодно, и, только проникнув под несколько слоёв ложных мыслей, можно было понять, что в действительности у неё на уме. – Один не слишком умный Маг с мальчишкой-Учеником предпочли вновь бросить вызов непобедимому противнику. После этого моё терпение лопнуло. – Она выразительно умолкла.

– Что сие значит?

– Выкручивайся сам, Хедин. – Она отвернулась. – Я сказала это тебе ещё там, на дороге, и теперь могу лишь повторить. У меня нет желания отправляться из-за тебя в изгнание. – Голос

её звучал сухо. – А если ты сейчас ударишься в воспоминания, клянусь Лунным Зверем, я пошлю тебе вызов немедленно! – И я впервые в жизни увидел, как у Сигрлинн дрогнули губы.

– Сильно сказано, – медленно выговорил я. – Хорошо, я выкручусь сам, скажи только из чего? И, кстати, отчего твой Эритовый Обруч вечно валяется где-то, а не при тебе?

– А вот чтобы поменьше отвлекали, – огрызнулась она.

– Ты сейчас держись не лучше какой-нибудь разобиженной придворной дамы из Смертных, – покачал я головой. – Ответ на мой единственный вопрос – и больше я тебя не стану беспокоить.

– Не отвечу, – холодно бросила Сигрлинн, поднимаясь. – Ни ради будущего, ни даже ради прошлого – не отвечу, Хедин.

– Тогда прикончи моё тело сама, – сказал я. – Ведь если я не выкручусь, конец мой окажется незавидным. Но любопытно, что же ты станешь делать, когда меня не станет.

– А ты жил в убеждении, что всё-всё моё существование – это ты? – Она холодно расмеялась. – Мои дела и мои Ученики останутся при мне, как и раньше, так что ничего не изменится, не лести себе, Познавший Тьму.

По спине внезапно пробежал холодок, и я понял, что сейчас она говорит истинную правду. – Хорошо, я постараюсь, – ответил я. – Тогда скажи хоть, как там дела в твоём Хранимом Королевстве? Тебе не надоело ещё возиться с ним?

– Как дела? – Она прищурилась. – Так вот из-за чего ты затеял весь этот разговор...

– Из-за чего? – Собрав все силы, я как можно натуральнее изобразил удивление.

– На один из Храмов совершили нападение, – небрежно произнесла она. – Для тебя это новость? Или твой Ученик больше не предупреждает своего Учителя, когда дерзает атаковать святилище Солнца?

– А с чего это ты взяла, что напал именно мой Ученик?

– Всемогущий Творец! Хедин, я лишусь когда-нибудь терпения! – Она вскочила, уже покрасневшись от гнева. – Ты думал, его не опознают?

– Опознают? – теперь уже без всякого притворства изумился я.

Сигрлинн вздохнула.

– Не понимаю, зачем я всё ещё веду этот разговор, – сообщила она. – Мне следовало бы выставить тебя за порог сразу же!..

– Однако ты не выставила, – заметил я. – Так что это за слухи насчёт моего Ученика?

– Клянусь Властителями Ночи, ты стал поистине невыносим! Твой Ученик грабит Храм Ямерта в моём Хранимом Королевстве, а я ещё веду с тобой долгие вежливые беседы! – вновь взорвалась Сигрлинн. – Я не знаю, зачем тебе это понадобилось, но ты сунул голову в пасть льва, как сказал бы Смертный! Мерлин очень разгневан, учти это! И я не знаю, что решит Совет Поколения! И я уже сделать ничего не могу! Конечно, милосердие Ялини велико, но...

– Что-то ты вспомнила Ялини? Уж не от неё ли всё это великолепие? – Я кивком указал на настоящий лес в углах комнаты.

– Не твоё дело! – отрезала она. – Не пытайся больше ничего вытянуть из меня! И вообще – лучше бы тебе уйти. Я и так сделала для тебя слишком много в день нападения на Храм.

Я молча поклонился и пошёл прочь.

Вернувшись к себе, я почти рухнул в одно из тролличьих кресел и попытался привести в порядок суматошно скачущие мысли. Что значила вся эта странная беседа? Чего хотела добиться в ней Сигрлинн? Что в действительности известно о нашем налёте на храм в Эриваге?

Итак, всё по порядку. Сигрлинн заявляет, что мой Ученик – не я! – напал на Храм, где его «опознали». Возможно? Вполне! В Бирке и Хедебю всегда хватало шпионов всех мастей: Хагена могли увидеть вместе со мной... или даже ещё раньше... Но соглядатай мог запомнить моего Ученика, только хорошо зная меня. В итоге – Хагена видят среди напавших на Храм, а меня – нет! Что-то не то. Или нас там видели и узнали обоих, или не узнали никого. Если

предположить, что в Храме нашёлся некто, кто знал в лицо Хагена и не знал меня... или не заметил меня... тогда придётся признать, что у Мерлина и Сигрлинн или даже самих Молодых Богов никуда не годные прозвучки, – но я знал, что это не так. Ведь в конце, когда мы уже дрались у ворот, и потом – я всё время оставался на виду... правда, не пользовался магией; следовательно формально Совет не мог обвинить меня... Так кто же мог видеть Хагена и не видеть меня?!

Конечно, нельзя исключить и такое – меня видели, узнали, но, поскольку от меня не дождалось ни одного заклятья, решили свести дело к «самовольству» моего Ученика, попутно вновь – не в последний ли раз – предупреждая меня? Ай нет, что я прячусь за спасительными выдумками!..

Погоди, подумал я тогда. А что, если там никого не видели – ни меня, ни Хагена? Тогда зачем Сигрлинн понадобился весь этот розыгрыш? И многозначительные ссылки на Совет Поколения? И почему я ни слова не услышал об этом от Мерлина?.. Ведь он как Глава Совета связан особыми узами с самим Ямертом, с чьим Храмом мы обошлись столь невежливо! Хотя Мерлин мог и всё знать, и, несмотря ни на что, молчать, если того требовали его таинственные планы. И потом – что значила последняя фраза Сигрлинн насчёт того, что она «и так слишком много сделала для меня в тот день»? Неужели зофар действительно был знаком мне, знаком, который я так и не понял? А сейчас она не могла – или не хотела – открыто говорить об этом в Замке? Быть может, она получила приказ расправиться со мной и выполнила его – формально, сделав всё, чтобы я уцелел? Тогда понятно, почему вся мощь Останавливающих Ветров вкупе с подземными вихрями так и не смогла одолеть моего Ученика...

И, если все эти мои рассуждения справедливы, Сигрлинн давала мне понять, что я под постоянным надзором, да таким, что всего моего умения недостаёт его не только избежать, но даже почувствовать. Ну что ж, это придётся проверить.

С некоторым унынием я подумал, что главный вопрос, над которым я бился раньше, – кто организовал ту магическую атаку, едва не стоившую жизни моему Ученику и всему его отряду подле Малого Храма в Эриваге, – так и остался без ответа. Я не получил ни единого прямого указания – одни лишь косвенные. Что ж, будем продолжать изыскания, но уже в другом месте.

Порой невольно поблагодаришь Мерлина и моих судей за долгое изгнание. Я вернулся к самым корням, освоил такие пути, о которых если когда-то и знали, то давным-давно забыли за ненужностью.

Наш Мир не един и состоит из множества земель. Только Маги умеют открывать ворота между ними, зато на других землях живут существа, куда могущественнее нас в чём-то одном, и эти их качества при надлежащем умении можно использовать. Я намеревался отправиться в Нижние Миры, где обитает странная раса, наделённая способностью чувствовать заклятья. Они страшно педантичны и ведут подробнейшие летописи – мне не удалось понять зачем. Прежде всего предстояло точно узнать, что было применено против нас в тот день подле Храма. Я открыл этих существ ещё до изгнания, потом Ворота Миров надолго закрылись для меня – и вот теперь следовало воспользоваться вновь обрётёнными правами.

Я покинул Замок Всех Древних и постарался оказаться отделённым от него возможно большим количеством лиг.

Я очутился среди причудливых гор, в узком ущелье, но сейчас это меня не интересовало. Дождавшись, пока уляжется круговерть в голове после очень дальнего Перемещения, начал потихоньку открывать дверь на заветную дорогу. Вскоре передо мной закачалось неяркое переливающееся всеми цветами радуги облако; я плотнее запахнулся в плащ, лишней раз проверил, как вытаскивается меч, и шагнул вперёд. Врата Миров поглотили меня.

Перед глазами мелькали дикие пейзажи странных областей, меня словно несло могучее течение быстрой реки; конечно, я бы мог сдвинуть пласты Реальности, скользнуть меж ними, как в день рождения Хагена в Замке Всех Древних, – но тогда для любого Мага проследить

мой путь не составило бы никакого труда. Можно, конечно, обнаружить и открытие Ворот, но после моего стремительного перемещения к самым пределам земли сделать это было бы трудновато даже Мерлину.

А когда увлекавший меня поток наконец разжал свои могучие объятия, я обнаружил себя стоящим на самом краю коричневого утеса; от самых ног уходил вниз бездонный обрыв; далеко-далеко подо мной коричневая стена исчезала в волнах синеватой дымки. Из щелей камня росли низкие деревья, с очень толстыми, изогнутыми, точно ползущие змеи, стволами и ветвями, с длинными листьями, остроконечными и коричневатыми; из их гущи на меня смотрели большие фиолетовые немигающие глаза. За секунду до броска стремительного чешуйчатого тела и щелчка усеянных зубами челюстей я произнёс Отклоняющее заклятье, и тварь с диким визгом сорвалась в пропасть. Я потёр виски. В этом мире все существа умеют колдовать. Простого Смертного, даже очень сильного воина, или не достигшего высот колдуна здесь ждала бы печальная участь.

Я долго брёл по путаным тропинкам в этом коричневом горном лесу, помогая себе Охранными и Открывающими пути заклинаниями. Наконец заросли кончились, последний зубастый змей клацнул пастью у меня над плечом и, корчась, повалился с выжженными внутренностями; мне открылась широкая долина, затянутая туманами, сквозь которые смутно проглядывали очертания каких-то островерхих строений. У меня никогда не доставало времени как следует изучить этот мир; я знал в нём дороги лишь к нескольким центрам силы. Один из них лежал передо мной.

Я спустился по отлогому склону, тут же погрузившись в волны промозглого тумана. Под ногами появилось нечто вроде мостовой. Я шёл по вечно меняющейся дороге, никогда не оставившейся такой же, как в мой прошлый приход; меня вела чужая сила, и я шагал на неё, как на незримый для других огонь.

Брусчатка кончилась, передо мной открылся проём, затканый непроницаемой тьмой. Я остановился, вынул меч Ракота и сплеча рубанул по этой завесе, поспешно зажмурившись. В глаза брызнул показавшийся нестерпимо ярким свет; прикрываясь ладонью, я вошёл внутрь.

В огромных прозрачных шарах, подвешенных к потолку, сиял сгущённый Эфир, мировая субстанция, хранящая в себе следы всех до единого деяний любого живого существа. И хозяин этого странного места умел по мельчайшим изменениям в своих сияющих сосудах читать наши заклинания, произнесённые в совсем ином мире. Я долго искал пути к этому существу, терпеливо пытаюсь понять его язык и узнать, в чём он может нуждаться, чтобы впоследствии предложить ему сделку. Однако хозяин помогать помогал, но брать плату отказывался, лишь загадочно говоря, что настанет день, когда он по-настоящему попросит у меня помощи, и всякий раз брал с меня нерушимую клятву Мага, клятву кровью Всех Древних, что я исполню его желание, если только окажусь в силах. Мне это не нравилось, я чувствовал подвох, но сейчас у меня не оставалось выбора.

В углу, за кругом безжалостного света, что-то шевельнулось; ко мне потянулась длинная тень, изломанная и угловатая. Я ощутил холодное касание чужих мыслей и, как и всякий раз, внутренне содрогнулся. К этому я никак не мог привыкнуть.

Я коротко изложил своё дело. Узнать, кто и как колдовал в такой-то и такой-то области Магического Мира – так здешние обитатели именовали Большой Хьёрвард.

– Ты должен подтвердить свою клятву, – проскрипел в моём сознании сухой и ледяной нечеловеческий голос.

Мне пришлось поднять правую руку и произнести все положенные слова; только после этого тень двинулась к блистающим вместилищам Эфира и замерла перед ними.

Разорви меня Лунный Зверь, если я понимал, как они это делают; все мои усилия разобьются в их системе колдовства пропасти втуне. Я не принадлежал к их миру и мог лишь пора-

доваться, что у здешних обитателей Творцом навсегда отнята возможность открывать Врата Миров.

В одном из шаров, перед которым скорчилась тень, вдруг возникло несколько тёмных прожилок, от них ответвлялись всё новые и новые отростки, сплетаясь в сложную сеть. Я ощутил биение огромной силы, окутавшей этот шар, и невольно сделал шаг назад, потому что существо манипулировало с мощью, многократно превосходившей все способности Мерлина. Как хозяйева этой земли овладели искусством вопрошать Эфир и понимать его ответы? Слишком много пробелов постепенно обнаруживалось в том, чему нас учили, а ведь мы покидали стены Замка Всех Древних, уверенные в том, что владеем всеми секретами мира...

Бдение существа у эфирного вместилища продолжалось довольно долго; чёрная сеть посреди белого сияния менялась, то разрастаясь и заполняя собой почти весь шар, то почти полностью исчезая; я терпеливо ждал. Здешний хозяин никогда не ошибался – я имел возможность не один раз проверить на деле его слова. Но на сей раз он явно задерживался.

Прошло почти вдвое больше времени, чем обычно, когда шар внезапно полыхнул так, что я едва уберёг глаза; тень отшатнулась, словно в испуге, и подползла ко мне.

– Я освобождаю тебя от твоей сегодняшней клятвы, – проскрипело оно. – Я ничего не могу сказать. Всё очень искусно укрыто. Я не знаю даже, сколько было накладывавших заклятье. Они позаботились запутать всё так, что никто из нас, живущих здесь, не сможет разобраться. Они знали о нас и знали, как укрыть от нас свою волшебную силу. Я освобождаю тебя от клятвы за этот случай.

Признаться, я вновь оказался сбит с толку и изумлён вне всякой меры; такое со мной случилось впервые. Но я не собирался так просто сдаваться.

– Я вновь дам тебе клятву, – сказал я, – если ты правдиво расскажешь мне обо всём, что тебе удалось хотя бы почувствовать, и если ты поделишься со мной соображениями насчёт того, кто мог так спрятать концы своего заклинания и что ему требовалось для этого знать о вас...

– Хорошо, – ответил голос в моём сознании. – Ты повторишь клятву – и я скажу тебе, что ты просишь... – и после того, как я сделал всё, что нужно, начал: – Во-первых, колдовавший должен был знать, что мы вообще существуем и ведём летописи волшебных дел Магического Мира. Во-вторых, он должен был иметь власть над ближним Эфиром, чтобы до неузнаваемости исказить следы своих заклятий в нём; в-третьих, он должен был уметь творить образы Магов так, чтобы нам казалось, что колдует не один, а бесчисленное множество... Против тех, кого они хотели уничтожить, была брошена лишь незначительная часть их сил – гораздо больше было потрачено, чтобы спрятать концы. Наверное, поэтому наложившим это заклятье и не удалось достичь цели – они вынуждены были разрываться, следя за слишком многим сразу... И скажу ещё, это были не те, кого ты называл Богами. Мы чувствуем их очень хорошо. Они почти никогда ничего не скрывают, и деяния их так же отличаются от дел тебе подобных, как нападение зубастого змея от укуса насекомого. Тебе не слишком приятно слышать такое, но это правда.

– Значит, это некто из числа подобных мне? – живо спросил я. Это было уже кое-что, по крайней мере, можно было не опасаться прямого вмешательства кого-то из Молодых Богов.

– Не могу утверждать, – проскрипел голос. – Не могу. Уж очень необычна была защита. Никто и никогда из подобных тебе еще не совершал такого. Для этого нужны иные силы. Ты бы не смог возмутить Эфир.

Про себя мне пришлось признать, что и это правда.

Мы говорили ещё долго, но мне не удалось найти ни одного прямого следа. Хозяин не мог сказать, приходил ли кто-то из «подобных мне» – то есть из нашего Поколения – в их мир; по крайней мере, Врата Миров не открывал никто, кроме меня.

Я последовательно вызывал в сознании образы всех Магов Поколения; конечно, сразу же возникла мысль, что на такие вещи, как подчинение себе Эфира, способен лишь Мерлин; но этому тоже следовало получить хотя бы косвенное подтверждение.

– Я же сказал: я не смогу опознать никого из подобных тебе, – ворчало существо. Оно отвергло всех, включая и Главу Совета Поколения. Круг замкнулся.

– Но это ещё ничего не значит, – закончил мой собеседник. – Если не смог ответить я – ищи разгадки у Великого Орлангура или у его брата, Демогоргона. Кроме них, никто не ответит.

С таким же успехом он мог бы посоветовать спросить у Творца.

Врата Миров раскрылись, меня окружило привычное радужное сияние; спустя несколько мгновений я уже стоял на твёрдой земле родного для нас с Хагеном Мира. Я вернулся, почти ничего не узнав.

Неужто на моём пути появилось нечто совершенно новое? Но эту мысль я отбросил как заведомо ложную. Что ж, утро вечера хоть и не мудренее, как говаривал Хрофт, но на свежую голову легче думается; и, добавлю ещё, среди своих.

Заклятье Перемещения швырнуло меня к самой Бирке; мне предстояло добираться до Хединсея кораблём, слишком мал был остров, чтобы попасть на него, а не оказаться в ледяной воде где-нибудь в лиге от берега. Подобное меня не прельщало, и я предпочёл палубу ходкого «дракона».

Ярл, взявший меня на борт за немалую плату, шёл в Химинвагар; узнав, что один из островов Хранимого Королевства в руках морских удальцов, он сперва лишился дара речи, а затем спросил, что за храбрец командовал ими... Я постарался удовлетворить его любопытство, а заодно и команды. Через месяц, я не сомневался, у моего Ученика прибавится добрых бойцов.

Появлению Хединсея предшествовал столб дыма, поднявшегося высоко над островом. Гребцы поспешили вооружиться; ярл сперва заупрямился, не желая приближаться к гавани; мне пришлось поднять плату почти вдвое. Глаза говорили, что можно ожидать самого худшего, однако внутренне я оставался спокоен, будучи твёрдо уверен, что Хединсей выстоял. Одно из маленьких преимуществ Мага – порой знать многое наперёд, хотя и не можешь объяснить, откуда пришло это знание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.